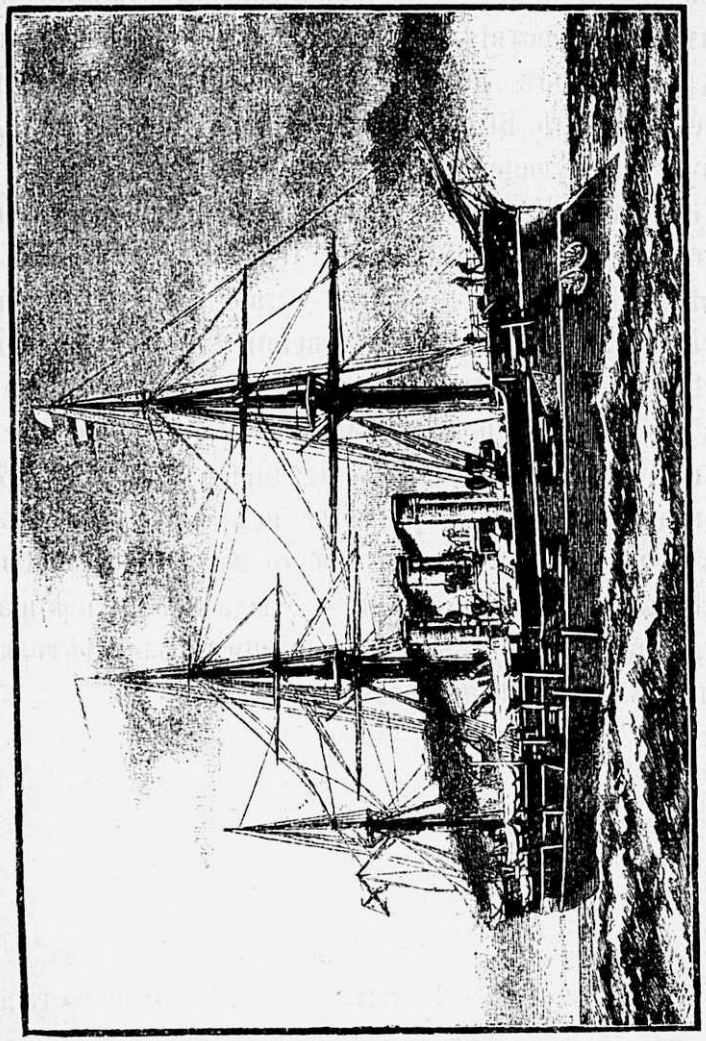

Броненосный фрегатъ «Память Азова».

1965

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

(Съ рисунками.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

Военные анекдоты.

Въ минувшую войну съ турками, на аванпостахъ у казаковъ случилась подзорная, сильно приближающая, труба. Въ нее наблюдали за турецкимъ лагеремъ. Занятіе это пришлось очень по душѣ казакамъ, и труба никогда, до сумерекъ, не оставалась свободною. Бывало, другой казакъ болѣе получаса мучается, наводя себѣ по глазамъ составныя части трубы и, устроивъ, таетъ отъ восторга, видя даже, что дѣлаютъ отдѣльныя личности.

— Ишь, вѣдь, какъ близко; даже страшно становится; какъ бросится, такъ изъ-подъ трубы и ружья не успѣешь достать!—говорилъ одинъ казакъ, у котораго ружье входило въ козлы, составленные для того, чтобы быть точкою опоры подзорной трубѣ.

* * *

Въ одномъ казачьемъ полку половина казаковъ были хохлы. Однажды, полку нужно было произвести ученіе въ пѣшемъ строю. Послѣ пѣшаго ученія, командиръ командуетъ:

— Ребята, на коней!

Почти всѣ казаки сѣли, а человѣкъ десять хохловъ стоятъ около своихъ коней и ждутъ чего-то. Командиръ и спрашиваетъ ихъ, чего они не садятся?

— Да вы, ваше-скоблагородіе, скомандовали на кони, а въ насъ—кобылы, такъ якъ же мы могли сѣсти? —отвѣтилъ одинъ изъ хохловъ.

Послѣ этого, командиръ сталъ командовать:

— Ребята! У кого кони—на коней, а у кого кобылы—садись и на кобылъ!

И тогда онъ былъ понятъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

I.

На посту.—Есаулъ С — ко.— Отпускъ и отъѣздъ. — Дорога степью.— Хазретъ-султанъ.

Было 5 часовъ утра. Я только-что поднялся съ постели, когда въ кибитку ко мнѣ вошелъ есаулъ С—ко.

— Радуйтесь, батюшка: привезъ вамъ отпускъ!— весело говорилъ онъ. — Что, рады, небойсь? Надоѣло сидѣть въ этой песочницѣ?... Ну-съ, а съ отпускомъ что намѣрены дѣлать?

— Какъ, что? — Что съ нимъ, обыкновенно, дѣлаютъ?!

— Да!... А я, было, хотѣлъ спросить, не забылили вы вашего обѣщанія?

— Какого?—быть вашимъ оруженосцемъ во время поѣздки въ Афганистанъ? — Нѣтъ, не забылъ; крѣпко помню!

— Ну, такъ что-же вы; время, какъ разъ, подходящее! Завтра-же бы и въ путь...

— Какъ? Такъ скоро? Развѣ вы уже готовы?

— Совершенно; а сегодня пріѣдетъ Д. и приметъ отъ васъ полуроту. Ну, что, какъ?

— Къ вашимъ услугамъ,— распоряжайтесь мною.

— Такъ, ѣдемъ!—радостно воскликнулъ есаулъ и даже вскочилъ со стула.—Вотъ, такъ молодецъ, ей-Богу, молодецъ! Вѣдь, я зналъ напередъ, что вы поѣдете!... Ну, а теперь чаемъ угощайте.

Пока деньщикъ приготовлялъ возлѣ кибитки чай, С—ко, видимо, возбужденный, шагалъ взадъ и впередъ, напѣвая: «въ Афганистанъ, въ Гератъ, въ Гератъ!...»*). Я еще никогда не видывалъ его такимъ веселымъ. Его настроеніе сообщилось и мнѣ; въ моемъ воображеніи рисовались новые виды, роскошныя панорамы... Даже голая, выжженная солнцемъ, степь, съ ея сѣрою окраскою, на этотъ разъ казалась менѣе скучною и однообразною.

— Ну-съ, хорошо. Въ Афганистанъ—такъ въ Афганистанъ!—остановилъ я.—А подъ какимъ флагомъ мы тамъ покажемся? Вамъ-то хорошо, когда вы знаете всѣ азіатскія нарѣчія; а мнѣ-то какъ? Вѣдь, я по-бухарски, что называется,—ни тень-телелень, а по-афгански —и подавно!

— Не бѣда: вы персомъ будете; вѣдь, по-персидски-же говорите?

*) Припѣвъ извѣстной юмористической пѣсни:

Въ Афганистанъ, въ Гератъ, въ Гератъ,
Гдѣ Джону-Булю шьютъ халатъ;
Туда, куда Макаръ телятъ
Загонять не радъ!

— Положимъ; да и персъ-то я не важный.

— Пустое; сойдете за самаго настоящаго перса; красной краски только не пожалѣйте *), да съ волосами прійдется распрощаться—и ладно будетъ; не въ Гератъ же мы ѣдемъ, а въ Бадахшанъ...

И такъ, было рѣшено... отнынѣ—я персъ и при томъ—торгашъ, потому что отправляюсь въ составѣ торговаго каравана, въ качествѣ младшаго приказчика. Маскарадъ этотъ былъ необходимъ для безопасности, такъ какъ отношенія афганцевъ къ намъ и раньше были не изъ любезныхъ, а послѣ погрома на Кушкѣ —тѣмъ болѣе; а переодѣвшись персами, мы могли, безо-всякаго риска, пройдти Бадахшанъ изъ конца въ конецъ, не подвергаясь опасности быть узнанными, такъ какъ Бадахшанъ населенъ таджиками, не знающими персидскаго языка... Приготовленіями занялся С—ко, какъ человѣкъ, хорошо знающій Азію, которому подобныя экспедиціи были не впервой. Переодѣтый то—бухарцемъ, то—персомъ, онъ нѣсколько разъ пробирался въ Афганистанъ и исходилъ вдоль и поперегъ всю Гератскую долину; единственно Бадахшанъ оставался для него страною, мало извѣстною, въ которую онъ уже годъ съ лишнимъ старался проникнуть. Наконецъ, теперь настало время. Одинъ изъ его персидскихъ пріятелей,—а имѣлъ ихъ онъ не мало,—находившійся въ это время въ Бухарѣ, отправлялся съ караваномъ въ Бадахшанъ и сѣверный Афганистанъ.

*) Персы имѣютъ обыкновеніе окрашивать красною краской ногти, ладони и часть бороды.

Къ этому-то каравану мы и должны были примкнуть. Выступленіе каравана назначено было недѣли черезъ двѣ или три, поэтому нужно было торопиться. Сборы мои были не велики; впрочемъ, ихъ совсѣмъ и не было, такъ какъ изъ вещей не пришлось брать ничего, оставалось только написать нѣсколько писемъ; къ вечеру пріѣхалъ временно – назначенный на мое мѣсто, поручикъ Д., а на другой день, рано утромъ, мы покинули постъ, держа путь къ укрѣпленію Хазретъ–султанъ, гдѣ, переночевавъ, должны были ѣхать въ Мервъ, а оттуда—вдоль строющагося полотна Закаспійской военной желѣзной дороги, къ Чарджую. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, т. е. въ то время, когда жары стоятъ страшныя и, почти вертикально падающіе, лучи солнца окончательно выжигаютъ, и безъ того бѣдную, растительность, превращая всю степь въ безпредѣльный, сѣрый коверъ, наводящій на путника тоску и уныніе. День стоитъ знойный и удушливый; въ воздухѣ нѣтъ ни малѣйшаго движенія; ни одно облачко не проскользнетъ по небу, которое давно уже утратило свой весенній, темно-голубой цвѣтъ, и раскаленное, сѣрое, постепенно сливаясь съ горизонтомъ, пышетъ на землю тяжелымъ, разслабляющимъ жаромъ.

Желтые, песчаные бурханы, какъ-бы наваленные другъ на друга, тянутся непрерывными грядами и незамѣтно исчезаютъ, сливаясь въ знойномъ туманѣ съ цѣпью скалистыхъ, обнаженныхъ горъ Кюринъ–Дага, подобно бахромѣ опоясывающихъ съ юга Закаспійскую область.

Тощая растительность, бурая, какъ верблюжья шерсть, выбивается кое-гдѣ клочками изъ потрескавшейся земли;

въ корняхъ еще есть замирающій остатокъ жизни, но давно уже погибли наружные отпрыски, обкусанные неприхотливымъ верблюдомъ, сожженные немилосердным лѣтнимъ солнцемъ. Степь точно вымерла ... ни малѣйшаго звука, ни движенія...

Кони наши, бодрые и свѣжіе при выступленіи съ поста, идутъ понуря головы,—жара и ихъ въ конецъ истомила; даже Анна-Мратъ—мой джигитъ, все время мурлыкавшій свою пѣсенку–импровизацію, умолкъ и почти пригнулся къ сѣдлу; жажда становится невыносимою, а между тѣмъ, до источника еще далеко, не смотря на то, что мы уже шесть часовъ находились въ пути. Наконецъ, спустя часа полтора, показался арыкъ... Кони, почуя близость воды, весело заржали и бодро подняли головы; Анна-Мратъ оживился и снова затянулъ свою пѣсню...

Менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, лошади были разсѣдланы, въ землю вбиты приколы, и въ то время, когда Анна - Мратъ разсыпалъ по торбамъ овёсъ, мы уже лежали въ растяжку подъ, Богъ его вѣдаетъ какъ, попавшимъ сюда, кипарисомъ, точно часовой, стоящимъ среди безпредѣльной голой равнины...

Солнце начинало уже садиться, когда я былъ разбуженъ есауломъ, осматривавшимъ подпруги осѣдланныхъ уже лошадей.

— Пора уже вставать, батюшка! Этакъ мы и въ Хазретъ-Султанъ не попадемъ къ вечеру; часа полтора проспали лишнихъ.

Однако, пророчество есаула не сбылось: на дворѣ было довольно свѣтло еще, когда показалась казачья вышка Хазретъ – султанскаго поста, а вскорѣ ясно

обрисовались и камышевыя мазанки, въ которыхъ помѣщался гарнизонъ, состоящій изъ взвода казаковъ и стрѣлковой роты. Не веселую картину представляло собою это глухое, степное укрѣпленіе, Богъ его вѣдаетъ, почему названное «укрѣпленіемъ», ибо въ немъ не было ни вала, ни чего-либо даже похожаго на насыпь. Нѣсколько хилыхъ деревьевъ, преимущественно ивъ, штукъ десять или пятнадцать камышевыхъ, обмазанныхъ глиною бараковъ, сливающихся своимъ цвѣтомъ съ окружающею степью, да умирающій мутный и грязный арыкъ,—вотъ все, что бросается въ глаза путнику. Однако, я и этому былъ радъ, такъ какъ непривычный для меня переѣздъ, почти въ девяносто верстъ, порядкомъ-таки утомилъ.

Въ баракѣ начальника поста, сотника Р., мы нашли все наличное начальство Хазретъ-султана, состоящее изъ самаго хозяина—стрѣлковаго капитана и доктора. Принятые съ полнымъ радушіемъ, мы переночевали здѣсь и раннимъ утромъ двинулись далѣе.

***

Мы пересѣкали Теджентскій оазисъ, мало соотвѣтствующій понятію объ оазисѣ, держа направленіе на сѣверо-востокъ, къ берегамъ Мургаба, надѣясь черезъ два дня достигнуть Мерва. Однообразная до этого времени, голая степь начала разнообразиться. Кой-гдѣ попадались полуразрушенныя сторожевыя башенки и небольшія калы (туземныя укрѣпленія). Къ полудню мы достигли развалинъ большаго города Чача, нынѣ представляющаго груды мусора и обломки стѣнъ. Развалины построекъ носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстами—

арабской, мѣстами—персидской архитектуры. Человѣкъ десять или пятнадцать текинцевъ въ различныхъ мѣстахъ разгребали лопатами мусоръ, отыскивая клады. Преданіе говоритъ, что городъ этотъ построенъ былъ Надиръ-шахомъ, а при разрушеніи, въ одной изъ мечетей была сокрыта казна. Эту-то казну и разыскиваютъ издавна окрестные жители. Неподалеку отъ этихъ развалинъ, находятся развалины Улъ-Бала, между которыми уцѣлѣла мечеть и въ настоящее время служащая убѣжищемъ для сорокадневнаго поста и молитвы гешановъ (нѣчто среднее между муллой и заклинателемъ). По народному преданію, здѣсь погребенъ былъ Каинъ, почему мѣсто это и называется «Каиновой могилой».

Казны никакой до настоящаго времени текинцы не отыскали, а различныхъ мелкихъ монетъ, какъ серебряныхъ, такъ и мѣдныхъ, находится достаточно. Многіе изъ нихъ относятся ко времени Александра Македонскаго и Юлія Цезаря; на нѣкоторыхъ даже хорошо сохранилась чеканка. Вообще, Закаспійская область представляетъ большой интересъ, такъ какъ, до сихъ поръ, туда еще не ступала нога ни одного археолога, или нумизматика *), а между тѣмъ, предметы, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, попадаются довольно часто...

Миновавъ Чача, мы направились далѣе и къ утру слѣдующаго дня достигли праваго берега Мургаба. Грозная весною, эта рѣка, ничего не щадящая въ своемъ разрушительномъ шествіи, въ настоящее время пред-

*) *Археологъ*—знатокъ древностей; *нумизматикъ*—знатокъ монетъ.

ставляла изъ себя нѣчто вродѣ жалкой, узенькой канавки. Весь дальнѣйшій путь нашъ по берегу Мургаба былъ усѣянъ развалинами древнихъ городовъ. Проѣхали мы Искандеръ-Калу, миновали Султанъ-Сандшаръ, Шаимъ-Калу, Байтунъ-али-Ханъ и Гяуръ-Калу и къ вечеру добрались до Ташъ-Рабата, гдѣ и расположились на ночлегъ. Всѣ поименованные города похожи другъ на друга и носятъ слѣды арабской архитектуры.

Мѣсто же, гдѣ мы остановились для ночлега, называемое «Ташъ-Рабатомъ»,—ничто иное, какъ каменный Караванъ-Сарай, построенный, какъ говоритъ преданіе, бухарскимъ ханомъ Абдулой, на 800 верблюдовъ и на соотвѣтствующее число людей.

Подобныя каменныя постройки часто встрѣчаются по всей средней Азіи, въ особенности же—въ Бухарскомъ ханствѣ. При безводіи страны и страшныхъ песчаныхъ ураганахъ, постройки эти, снабженныя колодцами, по истинѣ, являются благодѣяніемъ для путешественника, служа ему спасительнымъ убѣжищемъ въ пустынѣ. Народная молва приписываетъ постройку ихъ великому завоевателю Тимуру...

Подъѣхавъ къ Ташъ-Рабату, мы слѣзли съ лошадей и отправились выкупаться, а Анна-Мрадъ, между тѣмъ, разсѣдлалъ лошадей, развелъ изъ степнаго ковыля огонекъ и кипятилъ для чаю воду, разговаривая съ остановившимися здѣсь же на ночлегъ двумя текинцами.

— Салям-алейкомъ, ада *)! — поздоровались мы, подходя къ группѣ.

*) Здравствуйте, братцы.

— Чокъ, саулъ *)! — отвѣчали текинцы, — прикладывая руки къ папахамъ, на манеръ отданія воинской чести и вытягиваясь въ струнку.

Вообще, туземцамъ очень нравятся обычаи военной службы и они очень скоро и охотно перенимаютъ у солдатъ всѣ ихъ движенія и пріемы, причемъ выправкою, зачастую, превосходятъ заправскихъ солдатъ. Въ особенности же, имъ очень нравится отданіе чести...

Наши случайные соночлежники ѣхали изъ Кизилъ-Арвата, и въ то время, когда мы подошли къ огню, они дѣлились съ моимъ джигитомъ своими впечатлѣніями и разсказывали о томъ, какъ видѣли шайтана (чорта), запряженнаго урусомъ (русскимъ), и не только видѣли, но даже ѣхали на немъ.

Шайтаномъ они называли паровозъ. Невѣжественный и полудикій народъ счелъ, появившійся и доселѣ здѣсь невиданный, паровозъ,—за дьявола, обузданнаго могучей рукой уруса.

— На что сильны наши ишаны, — говорили съ удивленіемъ текинцы, — а и тѣ не могутъ запречь шайтана...

Проведеніе желѣзной дороги, съ одной стороны улучшившее бытъ народа и давшее ему посторонніе заработки, оказало, въ то же время, вліяніе и на суевѣріе этихъ дикарей, поднявъ на высоту могущество русскихъ, обуздывающихъ шайтана, — того самаго шайтана, который служитъ страшилищемъ для всякаго туркмена. Для жителя средней Азіи нѣтъ ни-

*) Будьте здоровы.

чего страшнѣе шайтана. Его не устрашатъ ни сотни штыковъ, ни свинцовый градъ пуль, ни визгъ картечи, но онъ дрожитъ при одномъ имени шайтана. Названіе «шайтаномъ» человѣка—считается кровною обидой, и одни только ишаны не боятся шайтана.

Долго еще толковали текинцы о шайтанѣ и, пока сварился ихъ неприхотливый ужинъ, покуривали кальянъ, передавая его другъ другу. Узнавъ во мнѣ желѣзнодорожнаго офицера, т. е. одного изъ *чопаръ-шайтановъ* (дьявольскихъ кучеровъ), они, въ знакъ особаго уваженія къ укротителю дьявола, предложили кальянъ и намъ: сперва мнѣ, а потомъ и С., какъ моему *кардашу* (пріятелю). Однако, при всемъ моемъ желаніи испробовать способъ куренія изъ текинскаго кальяна, мнѣ не удалось, такъ какъ, для того, чтобы курить изъ него, нужно имѣть не только особое умѣніе, но и сильныя легкія. Текинскій кальянъ нисколько не похожъ на турецкій. Приготовляется онъ изъ тыквы, кувшинообразной формы, хорошо высушенной на солнцѣ и очищенной отъ внутренностей; вверху продѣлывается дырочка, чрезъ которую вставляютъ мѣдную трубочку, заканчивающуюся наверху чашечкою; въ стѣнкахъ кальяна продѣлываются два круглыхъ отверзтія—одно противъ другаго; внутрь наливаютъ воду, а въ чашечку, находящуюся наверху кальяна, кладутъ чуть-ли не осьмушку мелкаго персидскаго табаку—и кальянъ готовъ. Курильщикъ прикладываетъ губы къ одному боковому отверзтію и указательный палецъ правой руки—къ другому; по мѣрѣ того, какъ онъ куритъ, поднимая и опуская палецъ, онъ, то—открываетъ, то—закрываетъ отверстіе, точно играя на флейтѣ, при

чемъ вода въ тыквѣ издаетъ звуки. Незнающій человѣкъ, глядя, со стороны, на подобнаго курильщика, можетъ принять его за музыканта.

Сколько я ни пробовалъ курить изъ подобнаго аппарата, мнѣ это не удавалось. Помучившись нѣсколько времени, я возвратилъ кальянъ владѣльцу, предложивъ имъ, въ свою очередь, папиросъ, которыхъ они, осторожно, двумя пальцами, взяли по три штуки, обнюхали и спрятали въ сумки.

— Это для свадьбы,—пояснили они намъ.

Оказалось, что одинъ изъ нихъ, на дняхъ, женитъ сына въ Мервѣ и поэтому спряталъ папиросы для болѣе торжественнаго случая; узнавъ же, что мы тоже ѣдемъ въ Мервъ, онъ началъ усердно приглашать насъ на свадьбу. Тѣмъ временемъ, текинскій ужинъ былъ готовъ, а они, доставъ изъ сумокъ небольшія, пальмоваго дерева, ложки, принялись за уничтоженіе его, а мы—за чаепитіе.

Ужиномъ текинцамъ служила похлебка, приготовленная изъ чурека (хлѣба, имѣющаго форму лепешки) сваренаго въ горячей водѣ и приправленнаго бараньимъ жиромъ. Собственно говоря, это не только походная пища туземца, но и домашняя, съ небольшими только измѣненіями; мясо они ѣдятъ очень рѣдко, преимущественно въ дни праздника байрама и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ—на свадебномъ пирѣ и похоронной тризнѣ; въ прочее же время только тогда, когда издыхаетъ корова или баранъ,—такъ чтобы мясо даромъ не пропадало. Обыкновенную же пищу составляетъ упомянутая похлебка, приготовляемая иногда на коровьемъ, овечьемъ,

или верблюжьемъ молокѣ, и каша изъ джугурмы (сорги), приправленная бараньимъ жиромъ или верблюжьимъ молокомъ; лѣтомъ же къ этому присоединяются арбузы и дыни, но не какъ дессертъ, а какъ предметы питанія. Суровая природа не избаловала текинца обиліемъ и изяществомъ блюдъ...

Меня даже стошнило, когда я попробовалъ этой похлебки, приправленной старымъ, протухшимъ саломъ, а текинцы, между тѣмъ, ѣли ее съ видимымъ наслажденіемъ. Кончивъ ужинъ, они достали изъ кожанныхъ твердыхъ футляровъ, привязанныхъ къ поясамъ, большія бѣлыя фаянсовыя чашки, на подобіе нашихъ трактирныхъ полоскательницъ, и начали пить вскипѣвшій уже чай, наливая его изъ мѣднаго, очень изящной работы, сосуда, напоминающаго собою небольшія древне-греческія вазы.

Медленно попивая въ прикуску чай, они припялись, поочередно, разсказывать сказки—одна другой фантастичнѣе... Меня начала одолѣвать дремота, а въ то время, когда Анна-Мрадъ, выпивая шестую чашку, разсказывалъ что-то очень занимательное, я уснулъ, возлѣ потухающаго огонька, богатырскимъ сномъ.

На другой день я проснулся около 6-ти часовъ утра; С—ко еще спалъ, а Анна-Мрадъ кипятилъ чай; тутъ же, на другомъ огонькѣ, жарился на вертелѣ фазанъ, подстрѣленый джигитомъ, пока мы спали. Берега Мургаба и его окрестностей изобилуютъ этою дичью до того, что на рынкахъ Мерва и Душана пара битыхъ фазановъ стоитъ 16—17 копѣекъ. Фазанъ былъ совершенно готовъ и чай вскипѣлъ, когда проснулся С—ко.

«Не бѣда,—какъ бы оправдывался онъ; — теперь до Мерва осталось только 30 верстъ, можно было соснуть подольше...»

Ночевавшіе съ нами, текинцы кончили свой завтракъ и собирались въ путь. Пока они сѣдлали лошадей, мы успѣли уничтожить фазана и напиться чаю. Туземцы, въ своей заботливости о лошадяхъ, много тратятъ времени на уходъ за ними; рѣдко у кого можно увидѣть лошадь безъ попоны; обыкновенно, и зимой и лѣтомъ, лошадей укутываютъ нѣсколькими попонами разной величины; лѣтомъ—для того, чтобы не выгорала шерсть, зимою—чтобы предохранить отъ холода...

Мы двинулись въ путь... Еще со вчерашняго дня мы вступили въ предѣлы Мервскаго оазиса; тѣмъ не менѣе, мѣстность эта далеко не соотвѣтствовала своему названію, кое-гдѣ только попадались небольшія группы ивняка и тополей; окрестность, хотя и зеленѣла, но не тучными пастбищами, а порослью зеленой колючки, служащей кормомъ неприхотливому верблюду; мѣстами же, болота, покрытыя густыми камышами, дающими пріютъ тиграмъ и барсамъ, распространяли въ воздухѣ гнилыя испаренія, развивающія лихорадки.

Тѣмъ не менѣе, почву эту нельзя назвать безплодною.

Мервскій и смежный съ нимъ Тедженскій оазисы обязаны происхожденіемъ своимъ рѣкамъ Мургабу и Теджену. Ихъ илистые осадки создали, среди солончаковъ и песчаныхъ бугровъ пустыни, весьма плодородную почву, пригодную для разведенія растеній, свойственныхъ климату Средней Азіи. Изъ всего пространства, занимаемаго Мертвымъ оазисомъ, величиною около 4-хъ тысячъ квадратныхъ верстъ, по крайней мѣрѣ, двѣ

тысячи *весьма* плодородны, а между тѣмъ, далеко не все количество этой, хорошо орошенной, земли обрабатывается подъ посѣвы; воздѣлывается не больше одной трети и то—плохо, хотя Мервъ, съ незапамятныхъ временъ, славится своимъ плодородіемъ, и о прошломъ его значеніи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ развалины древнихъ городовъ, сохранившихся въ восточному углу оазиса; Мервъ нѣсколько разъ возникалъ изъ пепла и снова разрушался; его современное населеніе, привычное къ праздности, способствовало полнѣйшему запустѣнію страны. Виноградники, тутовые или фруктовые сады, словомъ— то сосредоточіе зелени, какое, обыкновенно, связывается съ представленіемъ объ оазисѣ и оживленныя картины котораго рисуются въ сосѣднихъ областяхъ Бухары и Хоросана,—въ Мервѣ встрѣчаются рѣдко.

Еще однообразнѣе Мерва — картина Теджентскаго оазиса, который мы проѣзжали наканунѣ. Оазисъ этотъ существуетъ только на географическихъ картахъ, такъ какъ нельзя назвать оазисомъ эту, въ полномъ смыслѣ слова, оголенную, глинисто-песчаную степь, совершенно лишенную древесной растительности. Единственный зеленый уголокъ ея, Руфъ-Набатъ, обладаетъ до того нездоровымъ климатомъ, что получилъ громкую извѣстность въ военно-медицинской хроникѣ Закаспійской области.

Тѣмъ не менѣе, Мервскій оазисъ—одна изъ лучшихъ мѣстностей въ цѣломъ краѣ, и самъ Мервъ, уже въ то время, благодаря строющейся къ нему желѣзной дорогѣ, былъ однимъ изъ оживленныхъ торговыхъ пунктовъ, въ который мы торопились попасть поскорѣе...

Вскорѣ начали попадаться поля, покрытыя джугурмой и хлопчатникомъ, а черезъ часъ мы въѣзжали уже въ мервскія ворота, подъ тѣнь карагачей *)...

— Ну, куда мы теперь направимся?—спросилъ я есаула.

— Разумѣется, въ гостинницу.

— Да здѣсь нѣтъ гостинницъ.

— Такъ—въ духанъ.

— А въ духанѣ васъ блохи живьемъ съѣдятъ,— раздался сзади насъ голосъ, незамѣтно подъѣхавшаго, моего товарища.

— Н.! Ты здѣсь какими судьбами?—удивился я, зная, что онъ находился на Асхабадскомъ участкѣ.

— Пріѣхалъ въ Мервъ, фуражъ для транспорта заготовлять... а теперь, не угодно-ли вамъ ко мнѣ, на фуражировку. Ну-же, живѣе!—хлестнулъ онъ нашихъ лошадей.

Квартира Н. была для насъ, уставшихъ съ дороги, самая подходящая: тихая, спокойная.

— Ну, что у васъ тутъ, въ Мервѣ, дѣлается?— спрашиваетъ С—ко у Н.

— Э-э... батюшка! Здѣсь теперь столько всего, что и не разберешь; «всякой дряни по три грана»,— какъ говоритъ нашъ докторъ. Кого здѣсь только нѣтъ!? И купцы, и фабриканты, и коммисіонеры, представители различныхъ торговыхъ фирмъ, корреспонденты и такъ-просто шляющійся людъ... Ну, а вы долго думаете пробыть въ Мервѣ?

— Дня два или три,—отвѣчалъ я;—завтра нужно

*) Карагачъ—черное дерево.

обывать еще на текинской свадьбѣ; мы еще въ дорогѣ получили приглашеніе.

— Завтра—на свадьбѣ, а сегодня пойдемъ въ нашъ клубъ; у насъ, по воскресеньямъ, устраиваются танцовальные вечера.

Разговаривая, мы проѣзжали по оживленнымъ, довольно широкимъ, улицамъ Новаго Мерва (собственно русскаго), усаженнымъ, по бокамъ, небольшими деревцами, подъ которыми весело журчала вода въ проведенныхъ канавкахъ.

Улицы пестрѣли самымъ разношерстнымъ людомъ: купцы, солдаты, туркмены, офицеры,—все это въ перемежку; но болѣе всего было армянъ, въ качествѣ торговцевъ наводнявшіе всю область. Тамъ и сямъ виднѣлись наскоро разрисованныя вывѣски магазиновъ, между которыми можно было встрѣтить и витрину фотографа. Въ общемъ, хотя и изъ не важныхъ, пестрая картина Мерва дѣйствуетъ пріятно и успокоительно на нервы, утомленные однообразіемъ пустыни.

Ближайшіе къ городу пункты, будучи орошены проточной водою, представляютъ собою довольно привлекательные виды, мѣстами оживленные садами, покрытые зеленѣющими пастбищами, или, хорошо обработанными подъ посѣвы, полями.

Мѣстное населеніе занимается посѣвами въ предѣлахъ, лишь только удовлетворяющихъ потребности. О воздѣлываніи же хлопка, шелка и другихъ дорогихъ продуктовъ, свойственныхъ жаркому климату,— не заботятся.

940 П. С. Васильевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УРОКИ ТОПОГРАФІИ

ДЛЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

(Составилъ поручикъ В. Ястребовъ.)

Въ настоящихъ «урокахъ» собраны тѣ свѣдѣнія по топографіи, знаніе которыхъ, согласно программы для унтеръ-офицерскихъ учебныхъ баталіоновъ (прик. по воен. вѣд. 1887 года, № 180), необходимо для каждаго унтеръ-офицера. Кромѣ своего прямаго значенія, эти свѣдѣнія принесутъ существенную пользу и для лучшаго усвоенія такихъ уставовъ,, какъ полевой, строевой и инструкція для дѣйствія частей въ бою, прохожденіе которыхъ въ учебныхъ командахъ, ограничиваемое однимъ зазубриваніемъ параграфовъ, ведетъ только къ тому, что на лѣтнихъ занятіяхъ, молодые унтеръ-офицеры, являющіеся уже въ роли начальниковъ и учителей, оказываются, по большей части, гораздо ниже своего назначенія. Ведя попутно съ чтеніемъ плановъ и ихъ черченіе, надо было ввести въ «Уроки Топографіи» и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ геометріи, которыя также будутъ полезны и при прохожденіи теоріи стрѣльбы. Всѣ «примѣры» взяты на планахъ полк. Скугаревскаго и Энгельгардта, какъ наиболѣе распространенныхъ въ войскахъ.

Урокъ 1-й.

§ 1. Необходимость знакомства съ мѣстностью; понятіе о ней; условные знаки. — § 2. Вертикальныя и горизонтальныя направленія. — § 3. Параллельныя и перпендикулярныя линіи; прямой уголъ.—§ 4. Черченіе параллельной и перпендикулярной линій помощью треугольника и линейки.—§ 5. Дѣленіе прямой линіи на части.—§ 6. Необходимость умѣнія читать и черчить планы.—Упражненія 1—30.

§ 1. Знать мѣстность, на которой находишься, необходимо каждому человѣку; солдату же безъ этого зна-

802-18
57

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

(Съ рисунками.)

ВПБ ГОТЕКА М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

Случаи изъ послѣдней войны.

Однажды, это было 29-го августа, на румынскій перевязочный пунктъ пріѣхалъ для работъ молодой докторъ, Пастія, только что окончившій курсъ. Стали приводить съ батарей раненыхъ. Онъ первый бросился туда, и первый, кого онъ снялъ съ лазаретной фуры, былъ его родной братъ,—тяжело раненый. Молодой медикъ, увидѣвъ опасную рану, дрожащими руками началъ перевязывать брата и невольно слезы лились по его загорѣвшему лицу. Инспекторъ Давиля, не зная причины слезъ молодаго врача, строго напомнилъ ему его обязанности.

Раненый въ эту минуту спросилъ:

— Въ какомъ положеніи наши войска?

— Въ очень хорошемъ,—отвѣчалъ медикъ.

— Такъ я могу умереть спокойно; поцѣлуй меня! Прощай!

И затѣмъ онъ впалъ въ безпамятство и умеръ на рукахъ брата...

—

Принесли на носилкахъ стрѣлка, пораженнаго тремя пулями. Докторъ разспрашиваетъ о ранѣ, а солдатъ отвѣчаетъ: «Раны, ваше высокоблагородіе, это еще бы ничего, одно только досадно: ни разу не удалось и выпалить».

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

II.

1969a

а дворѣ стояла темная, южная ночь; въ воздухѣ повѣяла отъ рѣки пріятная прохлада; мы подходили къ клубу...

Изъ открытыхъ оконъ клуба лились звуки вальса. «Тигренокъ», сданный

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ «Чт. для Солд.» сего года.

Европою уже въ архивъ, входилъ тамъ еще въ моду. Играли его въ клубѣ, коверкали осипшими голосами арфянки въ мѣстности, похожей на кабачекъ; даже солдаты выигрывали его на гармоніи...

Танцы, когда мы вошли, были въ полномъ разгарѣ; въ маленькой клубной залѣ, съ кировымъ *) поломъ, мѣстами уже выбитымъ, кружилось нѣсколько паръ, толкая другъ друга; тутъ же, на эстрадѣ, предназначенной для спектаклей и во время танцовальныхъ вечеровъ изображающей гостинную, были разставлены карточные столы, за которыми играли «въ винтъ» большею частью—дамы, предоставляя танцовать барышнямъ, которыя и дѣлали это вполнѣ добросовѣстно. Между танцующими преобладалъ военный элементъ; изъ статскихъ же, кромѣ желѣзнодорожныхъ инженеровъ, рѣдко кто удостоивался этой чести. Мервская публика веселилась на распашку, по просту, безъ затѣй. Офицеры—въ кителяхъ и нанковыхъ шароварахъ, дамы—въ ситцевыхъ платьяхъ. Въ залѣ—усердно танцовали, въ буфетѣ—исправно выпивали, а на площадкѣ, передъ клубомъ, обсаженной деревьями,—играли «въ горѣлки»,—однимъ словомъ, общество, подѣлившись на группы, проводило время по своему усмотрѣнію.

Было 6 часовъ утра, когда мы возвратились домой, а въ 12 часовъ были уже на ногахъ и наскоро отправились на базаръ пріобрѣтать персидскую одежду, а также и всю сѣдловку, такъ какъ въ Бухарѣ этого достать невозможно.

Мервскій базаръ, какъ и всѣ базары другихъ во-

*) Киръ—нѣчто вродѣ асфальта; дѣлается изъ нефтяныхъ остатковъ.

сточныхъ городовъ, представляетъ самый оживленный пунктъ; онъ нисколько не похожъ на наши южнорусскіе базары съ площадями, покрытыми лотками и ларями, а состоитъ изъ одной главной улицы и нѣсколькихъ второстепенныхъ переулковъ, застроенныхъ по обѣ стороны лавками, духанами (чайными) и пекарнями; тутъ же находятся и мастерскія различныхъ ремесленниковъ, работающихъ сидя. Одни—шьютъ, другіе—пилятъ, стучатъ, куютъ, точатъ,—словомъ, базаръ имѣетъ видъ не только рынка, но и цѣлаго ряда различныхъ мастерскихъ, въ которыхъ мастера, при помощи допотопныхъ снарядовъ, приготовляютъ вещи, подчасъ неуступающія нашимъ заправскимъ фабричнымъ, выходящимъ изъ рукъ нѣсколькихъ мастеровъ. Всякое произведеніе азіатской промышленности возникаетъ, обыкновенно, почти изъ ничего и при томъ при помощи самыхъ первобытныхъ средствъ, но за то, всѣ такія произведенія отличаются безпримѣрной дешевизной.

Отправившись въ персидскій базарный кварталъ, мы безъ особаго труда пригнали на свой ростъ костюмы и купили шапки, что очень забавляло и интересовало персидскихъ купцовъ.

— Зачѣмъ баяру понадобился нашъ костюмъ?—спрашивали они меня.

— Хочу въ Персію ѣхать,—отвѣчалъ я.

— Яманъ *), яманъ, баяръ! Поѣзжай, лучше, въ мундирѣ: всѣ будутъ видѣть, что русскій начальникъ—и почету будетъ больше, а то, такъ, какъ подвер-

*) Плохо, плохо!

нешся подъ горячую руку какому-нибудь хану—еще ногайкой отстегаетъ.

Меня, правду говоря, удивила эта персидская честность. Нашъ русскій купецъ,—думалось мнѣ,—не подастъ совѣта, невыгоднаго для его личныхъ интересовъ. И, въ сущности, купецъ былъ правъ, говоря, что больше уваженія будетъ. Не только въ русскомъ мундирѣ, но стоитъ только показаться въ Персіи въ военной фуражкѣ и вы будете окружены самымъ любезнымъ вниманіемъ не только администраціи, но и народа, привыкшимъ считать *уруса* могущественнымъ и менѣе алчнымъ *инглеза* (англичанина).

Мы возвращались уже домой.

— А, вѣдь, самаго-то главнаго не купили!—спохватился С—ко.—Про красную краску-то и забыли!

Пришлось возвращаться снова.

— Брось нашъ костюмъ, — вторично совѣтовали купцы.

— Ладно, ладно,—говоритъ С—ко;—мой кардашъ только пошутилъ.

— Ну, что, господа, вы уже готовы въ дорогу?—спрашивалъ Н., когда мы возвратились.—Ну, такъ пойдемъ теперь выкупаться, а къ тому времени и обѣдъ готовъ будетъ,—фазаномъ угощу. Мой казакъ еще съ утра отправился въ камыши, пострѣлять дичи; скоро, вѣроятно, воротится.

Однако, мы успѣли уже выкупаться; прошло около двухъ часовъ времени, а казакъ не возвращался; пришлось садиться за обѣдъ, не дождавшись фазана. Прошелъ еще часъ, другой, а казакъ не возвращался. Н. началъ безпокоиться.

— Ужь, не нарвался-ли онъ на тигра? — пришло ему въ голову;—тогда вещь плохая; не отправиться-ли намъ, господа, поискать его?

Но поиски наши были тщетны; проѣздили часа два, объѣхали всѣ окрестные камыши, а казака все-таки не нашли.

— Ну, дѣлать нечего; подождемъ до утра, — заявилъ встревоженный Н.—Вы поѣзжайте въ аулъ, на свадьбу, а я останусь ждать. Если Коваленко возвратится, такъ и я къ вамъ пріѣду.

Мы стояли на перекресткѣ дорогъ, изъ которыхъ одна вела къ аулу; распрощавшись съ Н., мы пришпорили лошадей... Вскорѣ показались кибитки. Мы поспѣли въ аулъ къ самому разгару. Отецъ невѣсты былъ человѣкъ зажиточный и устраивалъ *той* *) самыхъ широкихъ размѣровъ.

Недалеко отъ аула, толпа всадниковъ скакала то—въ одну, то—въ другую сторону.

Наше присутствіе не долго оставалось незамѣченнымъ: скачки, вдругъ, прекратились и толпа конныхъ и пѣшихъ текинцевъ поспѣшили къ намъ на встрѣчу.

Кочевники насъ засыпали вопросами, предметомъ которыхъ была шайтановая дорога, т. е. «чортова дорога», какъ они называли рельсовый путь.

---

*) Такъ называется праздникъ, который отецъ невѣсты устраиваетъ отцу жениха. Послѣ всевозможныхъ угощеній, гости занимаются скачкою или игрою, называемою кызъ-кагаръ. На скачкѣ, называемой по туземному *байга* и *какъ-бура*, или просто испытываютъ быстроту лошадей или же на всемъ скаку отнимаютъ другъ у друга козла, большею частью заколотаго. Кызъ-кагаръ, т. е. бѣгъ дѣвушки; молодые текинцы на лошадяхъ стараются догнать дѣвушку, которая на быстромъ скакунѣ должна отъ нихъ спасаться.

Выдѣлившись изъ толпы, отецъ невѣсты, почтенный старикъ, подошелъ къ намъ со словами:

— Просимъ васъ сдѣлать честь нашей байгѣ.

И отвѣсилъ поклонъ, полный сознанія собственнаго достоинства.

1969д

Насъ повели и поставили на самомъ видномъ мѣстѣ—на маленькомъ возвышеніи; тутъ же помѣстились наиболѣе сановитые люди аула, какъ-то: кадій (судья), мирабъ (завѣдующій распредѣленіемъ воды), ишанъ и другіе; за ними стали женщины и пѣшіе текинцы; конные же составили предъ нами полукругъ, ожидая знака для состязанія. Тотчасъ же былъ зарѣзанъ баранъ, котораго, отрубивъ ему голову, передали старику, а тотъ, въ свою очередь, передалъ его мнѣ съ поклономъ и со словами:

— Бросай въ самую турбу (толпу).

Этимъ самымъ онъ дѣлалъ мнѣ честь, какъ чопаршайтану (дьявольскому кучеру).

Я послѣдовалъ его предложенію.

Мгновенно всѣ всадники ринулись къ мѣсту, гдѣ лежалъ брошенный баранъ. Не будь я посвященъ заранѣе въ обычаи туземцевъ, я, навѣрно, принялъ-бы происшедшую предъ нами свалку за самую отчаянную битву: лошади и всадники смѣшались въ одну кучу, въ которой трудно было разглядѣть что-нибудь; вскорѣ все скрылось въ густомъ, непроницаемомъ облакѣ пыли; дикіе возгласы, брань, топотъ копытъ, щелканье нагаекъ, падавшихъ безразлично на спины людей и лошадей, имѣли что-то сверхъестественное. Свалка все болѣе и болѣе усиливалась. Вдругъ, изъ облака пыли, на маленькой сѣрой лошадкѣ, вырвался одинъ текинецъ и понесся по степи, у его сѣдла, подъ правымъ колѣномъ висѣлъ баранъ. За нимъ, точно свора борзыхъ, съ крикомъ и гикомъ помчалась вся толпа. Но недалеко отъѣхалъ онъ: съ обѣихъ сторонъ къ нему подскакали два другихъ текинца и у нихъ началось состязаніе въ силѣ и ловкости. Между тѣмъ, какъ боролись эти трое, подоспѣли и остальные, свалка возобновилась еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Одинъ текинецъ разомъ отдѣлился отъ прочихъ; его сильный аргамакъ *) легко удалялся отъ преслѣдователей. Можетъ быть, этому лихому джигиту и уда-

*) Аргамакъ, судя по сложенію, происходитъ отъ арабскихъ лошадей.

лось-бы восторжествовать, но, къ его несчастью, аргамакъ попалъ ногою въ маленькую канавку и повалился набокъ—и добыча перешла въ другія руки.

Въ противуположномъ отъ скакавшихъ направленіи, показался отдѣльный всадникъ; онъ быстро подвигался къ мѣсту дѣйствія.

При его появленіи, зрители подняли крикъ:

— Рахманъ, Рахманъ, скорѣе! Еще поспѣешь!

Не было ни одного человѣка, который не высказалъ бы похвалы появившемуся всаднику, даже весьма строгій въ оцѣнкѣ верховой ѣзды, С—ко не воздержался отъ восклицанія:

— Какъ онъ хорошъ, просто прелесть! А посадка-то, посадка какая, посмотрите-ка! Ей-богу молодецъ!

Всеобщій восторгъ, впрочемъ, былъ естественъ: и человѣкъ и лошадь заслуживали вниманія.

Оригинально красивъ былъ стройный Рахманъ, въ красныхъ, кожанныхъ чамбарахъ и красной тибитейкѣ *); лицо его было черно отъ пыли и солнца, глаза блистали дикою отвагою и сознаніемъ собственнаго достоинства. Подъ нимъ былъ изящный, гнѣдой карабиръ **). Далеко занося тонкія, точно выточенныя ноги, гордо поднявъ красивую благородную голову и широко расширивъ красныя ноздри, несся легкій скакунъ; остриженная грива гребнемъ торчала кверху, а пушистый длинный хвостъ заметалъ слѣдъ; конь едва касался земли, какъ будто невидимая сила поддерживала его на воздухѣ.

*) Шапочка.

**) Конь мѣстной породы.

Нетерпѣніе Рахмана усиливалось по мѣрѣ приближенія. Всѣмъ тѣломъ подавшись впередъ, почти стоя на плоскихъ стременахъ, сдерживая дыханіе, онъ пристально смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ происходила борьба и только изрѣдка прищелкивалъ языкомъ, чтобы подогнать своего бойкаго карабира; ногайка безъ употребленія висѣла на лукѣ сѣдла: прибѣгать къ ней было излишне, такъ какъ благородное животное добросовѣстно исполняло свою обязанность.

Въ нѣсколько секундъ молодой текинецъ очутился въ срединѣ толпы.

Растолкать, перегнать всѣхъ, отнять барана, почти совсѣмъ разорваннаго, и оставить далеко позади себя всѣхъ соперниковъ—было дѣломъ шуточнымъ для ловкаго Рахмана. Преодолѣвъ всѣ препятствія и проскакавъ опредѣленный кругъ, онъ бросилъ барана къ ногамъ судей. Торжествующимъ взглядомъ окинулъ онъ присутствующихъ и гордо подбоченился; хотя его честолюбивому сердцу и пріятны были похвалы, однако, онъ и вида не показалъ, что глубоко тронутъ оказаннымъ вниманіемъ. Придавъ безстрастное выраженіе своему лицу, джигитъ терпѣливо ждалъ отзыва судей.

— Ты, какъ и всегда, молодецъ Рахманъ,—проговорилъ, наконецъ, одинъ изъ стариковъ.—Ты превосходишь всѣхъ своею ловкостью и силой и дѣлаешь честь своему роду.

Серьезно произнесенные старикомъ слова произвели бо́льшее дѣйствіе, чѣмъ всѣ восторженные возгласы прочихъ; сильный загаръ даже не въ состояніи былъ скрыть яркаго румянца, появившагося на щекахъ джигита; глаза смущенно смотрѣли на носки сапоговъ, а

голосъ, глухо проговоривъ благодарность, задрожалъ отъ волненія.

Этимъ и закончилась байга. Остальные наѣздники, покрытые потомъ и пылью, нѣкоторые съ синяками на физіономіяхъ, шагомъ возвращались къ зрителямъ.

1969в

На дворѣ уже темнѣло, когда всѣ присутствовавшія, кто—верхомъ, кто—пѣшкомъ направились къ аулу. Подъѣзжая, мы замѣтили какой-то темно-красный свѣтъ. «Ужъ не пожаръ-ли!»—мелькнуло у меня въ головѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ, пожаръ—страшное несчастье для всего аула; при скученности кибитокъ, пламя моментально охватываетъ весь аулъ, такъ-что

спасти что-нибудь изъ имущества бываетъ дѣломъ не легкимъ.

Но каково-же было наше удивленіе, когда, подъѣхавъ къ аулу, мы замѣтили, что свѣтъ исходилъ отъ множества смоляныхъ факеловъ, сопровождавшихъ оригинальную процессію. Мужчина, одѣтый бабою, сидѣлъ верхомъ на коровѣ,—лицомъ, вымазаннымъ сажей, повернувшись къ хвосту. Нѣсколько бабъ, держа на веревкѣ, украшенную розовыми лентами, корову водили по всему аулу, въ сопровожденіи факельщиковъ и музыкантовъ, оглашавшихъ воздухъ, по истинѣ адской, музыкой. Глиняные, горшкообразные сосуды, съ натянутой кожей, замѣняя собою барабаны, били глухую дробь; мѣдныя тарелки, безо-всякаго толку, немилосердно стучали, аккомпанируя зурнѣ и тулумбасу. Большія толпы народа сопровождали оригинальнаго всадника, всюду встрѣчая его смѣхомъ и аплодисментами...

— Это провинившагося свата возятъ,— пояснилъ намъ кадій.

Подобная процессія устраивается, обыкновенно, въ видѣ наказанія, бабами провинившемуся свату, вся вина котораго состоитъ въ недогадливости.

При молчаливомъ и нѣсколько угрюмомъ характерѣ текинца,—женщины,—на простой-ли пирушкѣ, на сговорѣ-ли, или на свадьбѣ,—всегда являются душой общества, внося въ него оживленіе и веселье, а потому имъ предоставляется право первенства и хозяйничанья. Впрочемъ, не только въ домашней жизни, но и въ общественной, имъ предоставляются одинаковыя съ мущи-

нами права: онѣ ходятъ на мірскія сходки *), подаютъ голоса и одерживаютъ, подчасъ, побѣду. На пирушкѣ же—и говорить нечего, что они полновластные хозяева.

Обыкновенно, бабы подсаживаются къ сватамъ, на обязанности которыхъ лежитъ занимать *дамъ*, хотя, въ сущности, они его занимаютъ. Подсядутъ къ каждому изъ нихъ по три, по четыре бабы и начинаютъ его засыпать шутками, каламбурами, двухсмыслицами Тутъ уже сватъ держи ухо востро, не зѣвай. Чуть что отвѣтилъ не впопадъ, не разгадалъ предложенной ему загадки,—поплатится ужъ непремѣнно; здѣсь онъ въ полной женской зависимости. Сватъ оплошалъ—бабы ему наказаніе назначаютъ. Подобныя наказанія бываютъ различны и характеръ ихъ зависитъ отъ настроенія дамъ, отъ степени уваженія къ виновному, а подчасъ, и соразмѣрно его винѣ.

Въ данномъ случаѣ, сватъ, подвергшійся *шествію*

*) Текинка не похожа на другихъ мусульманокъ, не имѣющихъ права показаться постороннему мужчинѣ, не знакомыхъ съ иною жизнью, кромѣ гарема, но не похожа, по своему общественному положенію, и на европейскую женщину. Она равноправна. Текинецъ не смотритъ на свою жену, какъ на наложницу, или только какъ на рабочую силу въ хозяйствѣ, а видитъ въ ней жену и друга, человѣка—себѣ равнаго. Еще недавно, правителями среди текинцевъ являлись женщины, предъ волей которыхъ склонялись, но склонялись, какъ предъ неоспоримымъ авторитетомъ ума и добродѣтели. Такъ, въ 1884 году, по одному слову мервской ханши, цѣлое племя приняло подданство Россіи.

Подобное отношеніе къ женщинѣ, столь противорѣчащее духу магометанства и религіознымъ его воззрѣніямъ, выработалось въ текинцѣ подъ вліяніемъ мачихи-природы, которая принудила, въ борьбѣ съ нею, дружно сплотится мужчину и женщину, заставивъ ихъ искать другъ въ другѣ опоры и поддержки... Песокъ, пустыня, нескончаемая ожесточенная борьба съ нею и окружающими людьми, потребовали полнаго развитія всѣхъ силъ человѣческихъ и уровняли мужчину и женщину.

на коровѣ, видно было, не особенно былъ виновенъ, такъ какъ бываютъ наказанія еще почище, вродѣ того, что раздѣнутъ несчастнаго свата до-гола, да и поставятъ среди кибитки, въ чемъ мать родила, въ позу истукана, а сами соберутся вокругъ, теребятъ его и остроты отпускаютъ...

Шутовское шествіе это длилось болѣе получаса; жалко было смотрѣть на сконфуженную физіономію свата-мученика, а не исполнить наказанія нельзя; во-первыхъ—потому, что тамъ обычай такой, а во-вторыхъ—отступника обычая заставятъ принять наказаніе силою, да еще удвоятъ его.

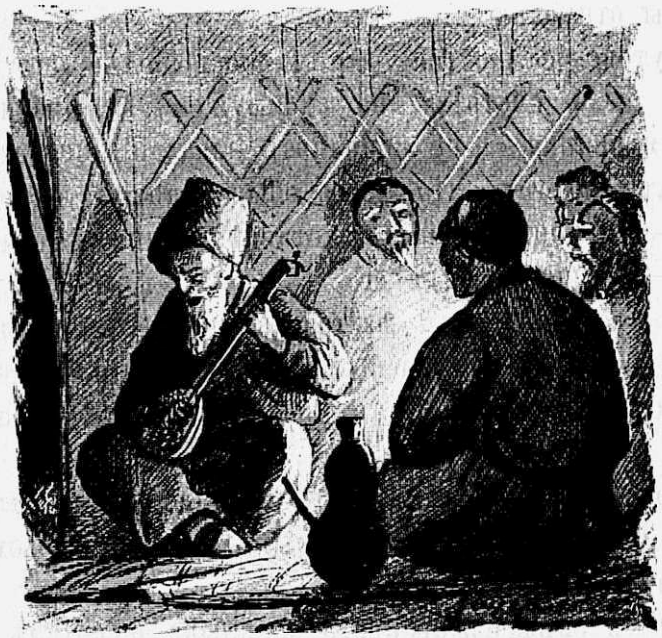
Въ то время, когда шутовская процессія двигалась по аулу, мы отправились къ кибиткамъ отца невѣсты, отстоявшихъ особнякомъ въ полуверстѣ отъ аула, на берегу Мургаба...

Около кибитокъ шли приготовленія: горѣли костры, рѣзали барановъ, жарили шашлыкъ, однимъ словомъ—приготовляли ужинъ...

Запахъ свѣжеизжареннаго шашлыка щекоталъ обоняніе... Насъ, въ числѣ почетныхъ гостей, пригласили въ кибитку, стѣны и полъ которой устланы были дорогими коврами; кибитка освѣщалась двумя маленькими жестяными лампочками, считающимися роскошью у туземцевъ и встрѣчающимися только у людей зажиточныхъ. На дворѣ, около кибитокъ, на разостланныхъ паласахъ, расположились ужинать, при свѣтѣ костровъ, менѣе почетные гости.

Незадолго передъ ужиномъ, явился бандуристъ—слѣпой старикъ, который, усѣвшись у дверей кибитки и поджавъ подъ себя ноги, подъ аккомпаниментъ ду-

торы (двухструнный инструментъ), началъ пѣть пѣсни и былины. Въ кибиткѣ все замолкло; всѣ присутствовавшіе слушали бандуриста въ благоговѣйномъ молчаніи; и по мѣрѣ того, какъ тотъ увлекался своимъ

пѣніемъ, увлекались и слушатели, воображеніемъ своимъ уходя въ давно-прошедшее... Предъ глазами слушателей, точно виды панорамы, проходитъ отечественная исторія, такъ живо и ярко отражающаяся въ былинахъ; одно событіе слѣдуетъ за другимъ, и слушатель вспоминалъ, навѣрно, тѣ времена, когда онъ, свободный сынъ степей, чинилъ аламаны (набѣги), когда все окружающее было въ его власти... Но вотъ, бандуристъ умолкъ... Въ кибиткѣ продолжала царить тишина... Наконецъ, появилась старуха, съ большой деревянной миской шашлыка; поднялся ишанъ и набожно воздѣвъ къ небу руки, воскликнулъ: «Алла верды!» (Господи благослови).

Начался ужинъ.

Гости ѣли очень исправно, беря грязными руками изъ миски куски жареной баранины и отправляя ее въ ротъ, который вытирали рукавами и полами халатовъ. Предметомъ разговора, во время ужина, была желѣзная дорога и тигры. Текинцы жаловались, что за послѣднее время тигры сдѣлались страшно нахальными и забредаютъ чуть-ли не въ самый аулъ, и что батары ихъ (стада) несутъ страшный уронъ.

Послѣ шашлыка появилась молочная каша изъ джугурмы, которую гости ѣли принесенными съ собою ложками. Нельзя отказать во вкусѣ этой кашѣ, но видѣвши какъ ее приготовляютъ, станешь ѣсть только для того, чтобы не обидѣть хозяина. Больше всего мнѣ понравился чурекъ (т. е. хлѣбъ), не смотря на то, что приготовляютъ его первобытнымъ способомъ. Хлѣбопеченіе производится, обыкновенно, такъ: выкапывается яма горшкообразной формы, стѣны ея намазываются глиной, а на днѣ разводится огонь изъ кусковъ саксаула *). Пока накаляются щеки ямы, замѣняющіе подъ нашихъ печей, текинка занимается приготовленіемъ тѣста. Вымѣсивъ его въ миски, она раскатываетъ на полѣ разостланнаго халата въ лепешки въ $^1/_2$ вер. толщиною, затѣмъ прикладываетъ лепешки къ стѣнамъ ямы и отверзтіе прикрываетъ,—и черезъ четверть часа хлѣбъ готовъ...

*) Дерево—однородное, по твердости, съ дубомъ.

Послѣ каши появился кальянъ и невѣста начала разносить гостямъ, въ кувшинѣ, напитокъ, приготовленный изъ верблюжьяго молока.

Еще не всѣ гости успѣли рыгнуть *), какъ въ нѣсколькихъ, повидимому, шагахъ отъ кибитки, раздалось страшное, грозное рычаніе... Ужасъ и недоумѣніе изобразились на всѣхъ лицахъ; опасность была тѣмъ больше, что врагъ былъ невидимъ и неизвѣстно было откуда онъ собирается сдѣлать нападеніе. Всѣ вскочили, какъ одинъ человѣкъ, точно пораженные электрическимъ токомъ. Одинъ только С—ко остался хладнокровнымъ и безстрастнымъ и только въ судорожно сжатыхъ бровяхъ высказалось его волненіе.

— Легокъ на поминѣ, милый другъ! — сказалъ онъ, выходя изъ кибитки.—Гайда, кардашъ! **)—пригласилъ онъ и текинцевъ.

Безстрашный есаулъ и послѣдовавшіе за нимъ текинцы, захвативъ нѣсколько ружей, осторожно ступая въ прибрежныхъ камышахъ и прислушиваясь къ малѣйшему шороху, подвигались по направленію, откуда послышалось рычаніе, прервавшее ужинъ. Лунная ночь облегчала розыски; но, не смотря на это, всѣ усилія розыскать засаду врага, были тщетны. Такимъ образомъ, прошли они съ версту вдоль берега и собирались возвратиться къ кибиткамъ,—вдругъ, С—ко остановился и поспѣшно нагнулся къ землѣ; остальные послѣдовали его примѣру.

*) Для того, чтобы показать, что гости довольны угощеніемъ хозяина, азіатскій этикетъ требуетъ, чтобы они рыгнули, но не болѣе трехъ разъ, такъ какъ частая отрыжка признается лестью. Нерыгнувшій же вовсе считается невѣждой.

**) Пойдемъ, братъ.

— Увидѣлъ, баяръ, что-нибудь?—спросилъ одинъ изъ текинцевъ.

С—ко указалъ на совершенно свѣжіе слѣды.

— Вотъ, этимъ слѣдомъ пробирался тигръ... Вишь, какъ камышъ помятъ; не одинъ, значитъ, былъ, а съ добычей,—много мѣста вытоптано... А вотъ, и кровь!—продолжалъ онъ высказывать вслухъ свои наблюденія. —Добыча, вѣроятно, была огромная, — слѣды глубокіе... Это онъ почуялъ издалека запахъ свѣжаго мяса и пробирался къ намъ, да видно, ему костеръ не понравился *), да къ тому же, и народу много... Ну, съ досады рявкнулъ и пошелъ искать другой добычи. Набрелъ теперь, вѣроятно, на верблюдовъ и вознаградилъ себя; вотъ и кровь потому-то видна.

Такъ ни съ чѣмъ и возвратились, не увидивши тигра. Однако, не успѣлъ С—ко возвратиться, какъ прибѣжалъ, запыхавшись, Анна-Мрадъ.

— Баяръ,—обратился онъ ко мнѣ,—жулъ-барсъ **) унесъ твоего коня.

— Какъ такъ?

— Унесъ, унесъ!—твердилъ испуганный джигитъ.

Оказалось, что въ то время, когда керякеши (работники) почетныхъ гостей повели лошадей на водопой, тигръ осторожно подкрался и, на глазахъ у всѣхъ, бросился на мою лошадь, которую джигитъ повелъ съ остальными, задушилъ ее, взвалилъ себѣ на спину и скрылся въ камышевой чащѣ.

На время прерванный, ужинъ возобновился снова; но мнѣ было ужъ не до веселья.

*) Тигры огня боятся.

**) Тигръ.

— Я тебѣ дамъ своего коня до Мерва, баяръ, — предложилъ мнѣ отецъ невѣсты;—а тамъ ты себѣ купишь другую.

Легко ему было сказать, а мнѣ-то какъ? За хорошаго коня нужно заплатить рублей двѣсти, да притомъ и поискать его, значитъ, потерять время, а мы думали на другой день, утромъ, отправиться дальше.

1969г

Однако, дѣлать было нечего, приходилось мириться съ обстоятельствами...

Потеря коня до того разстроила меня, что дальнѣйшее пребываніе на свадьбѣ сдѣлалось невыносимымъ; шумъ гамъ и веселье только разстраивали мои нервы. Матеріальная потеря была ничто въ сравненіи съ чув-

ствомъ потери друга; это, впрочемъ, пойметъ всякій, кому пришлось хоть одинъ мѣсяцъ провести въ обществѣ своего коня и дѣлить всѣ невзгоды походной жизни...

Отецъ невѣсты послалъ своего керикеша осѣдлать мнѣ его лошадь, но тотъ, точно въ воду канулъ. Уже кончился ужинъ; провинившемуся свату позволили сбросить съ себя женскій костюмъ, а керикеши все-таки не являлся. Наконецъ, молодыхъ собрались отвозить во вновь разбитую для нихъ кибитку... По туземному обычаю, невѣсту окружили парни ея аула, а парни аула жениха должны были отнимать ее; завязалась свалка, грозившая перейдти въ кровавое побоище, и тутъ-то я замѣтилъ, что посланный хозяиномъ керикешъ исправно посылалъ кулаками тумаки направо и налѣво, отстаивая бывшую свою молодую госпожу.

— Когда же будетъ лошадь, Абдула? — пробовалъ я остановить его; но тотъ былъ, что называется, въ ударѣ и даже не слышалъ меня. Дѣлать было нечего, —пришлось подождать конца побоища. Партія невѣсты одержала верхъ и пріятели жениха постыдно отступили. Тогда женихъ предложилъ дѣло покончить миромъ. Побѣдители спросили выкупъ въ 10 кронъ (персидская монета по 35 коп., 10 кр.=3 руб. 50 коп.) которые предводитель побѣжденныхъ тутъ же отсчиталъ и получилъ невѣсту...

— Ну, теперь иду, баяръ, коня сѣдлать,—подошелъ ко мнѣ керикешъ, потирая на лбу синякъ, только что имъ полученный, а женихъ, между тѣмъ, шелъ съ своей невѣстой къ кибиткѣ; но тутъ снова сцена, совершенно иная: здѣсь останавливаетъ его цѣлая орава

бабъ и тоже требуетъ выкупа, иначе и не пускаютъ въ кибитку. Женихъ и имъ далъ нѣсколько мелочи. Къ этому времени явился керикешъ, ведя на поводу лошадей. Черезъ часъ мы были уже въ Мервѣ.

— Ну, что, весело провели время? — встрѣтилъ насъ не спавшій Н.

— Ну, не совсѣмъ: тигръ стащилъ у меня лошадь.

— Какъ такъ?!

— Да какъ обыкновенно таскаетъ. Ну, а что, Коваленко твой явился?

— Нѣтъ, вѣроятно, и его постигла та же участь. А жаль, славный парень, сердечный такой человѣкъ.

Часъ-отъ-часу было не легче.

У меня пропала всякая охота ко сну, да и у остальныхъ то же; мы вышли на веранду. Минутъ черезъ десять послышался лошадиный топотъ, повидимому, лошадь шла съ тяжелой ношей и тяжело ступала, а вскорѣ раздался и голосъ:

— Грицько, а Грицько, чи ты спышь?

— А вотъ и Коваленко, слава Богу! — обрадовался Н.

— Ни, не сплю *); а що ты такъ поздно?

— Такъ, дысы, яку я дику кішку зобывъ **). Да яка дуже важна, да веліка, чуть не загрызла, трясця еі матери.

Мы выскочили къ кибиткѣ, около которой лежалъ, сброшенный уже, громадный барсъ. Молодой казакъ,

*) Кубанцы, большею частью, малороссы и говорятъ по малороссійски.

**) Дикую кошку убилъ.

никогда не видавшій барса, принялъ его за дикую кошку.

— Какъ же ты ее убилъ?— спросилъ его Н.

— А такичка, ваше благородіе, убывъ. Взявъ сый дробовычекъ, да и пошхавъ верстъ за восемъ отсюда, думавъ фазановъ пострѣляты, бо ихъ тамъ дуже богацько буває. Пріихавъ. Ходивъ, ходивъ, — не мае ни аднаго; дай,—думаю соби,—пойду дальше; ихывъ тихо; ихавъ, да, мабудь, верстъ за двадцать и заихавъ, а тамъ камыши большіе ростуть; привязавъ коняку къ дереву, да и иду по подъ камышами; прошовъ такъ, мабудь, шаговъ зъ двисти,—не ма ни чого; думавъ було назадь ворочаться; дывлю, а на дорожки щось сыдить. Що це таке,—думаю соби:,—звирь—не звирь *), китъ—не китъ **), птыця — не птыця; мабудь, думаю соби дыка кішка. А вонъ сыдыть, на мене дывиться, да хвостыкомъ выляе. Такъ, мабудь, минутъ съ пять просидила. Вона сыдыть, а я стою! Сидила вона, сидила, да и стрыбъ, на дерево и выскочила. «Ось ты яка бисова душа,—думаю соби,—чого добраго, и очи повыцарапаешь!» Злякався я, да на друге дерево и вылизь. Сыжу я на дереви, а вона на другимъ, да все на мене глядить, да хвостомъ виляе. Сидилъ я, сидилъ, да и думаю: «а шкура дуже гарна; добро буде, помисто ковра на подлогу вашему благородію; що хиба стрѣльнуть,—ружье на оба ствола утиной дробью заряжены!?» Думавъ, думавъ, да и бахнувъ, а вона якъ рявкне, да якъ броситься на мене, то у мене и душа зохолонула,

*) Звѣремъ малороссы волка называютъ.

**) Котъ—не котъ.

до пидъ нею гилочка пидломилась и она упала на землю, а я и изъ другого ствола—бабахъ! Дывлю, а вона на землѣ лежитъ, морда въ крови, а сама ни чичиркъ, ни хвостикомъ, ни ушками; посидивъ я ще съ пивъ часа, да и слизъ на землю, а вона уже мертва и захолонула, бидная. Прививъ я свого коня, положилъ на землю, да и думавъ подняты, да ни, бисова невира, важна, мабудь, пудовъ осемь буде. Привязавъ я тоди ее арканомъ за лапу, да такъ и поволокъ волокомъ, да тылькн съ переляку заблудывся и блукавъ до сихъ поръ.

Казакъ, видимо, былъ доволенъ своей добычей.

— А знаешь-ли, какая это кошка? — спросилъ его Н.

— А яка?—Дыка.

— Да, это барсъ: все одно, что тигръ.

Ошеломленный казакъ обратился въ восклицательный знакъ...

— Ну, слава Богу! — вздохнулъ Н. — Теперь и спать спокойно можно.—А сонъ, дѣйствительно, давалъ себя чувствовать и мы отправились въ домъ. На другой день, утромъ, мнѣ удалось, за 40 рублей, купить небольшую, но крѣпкую лошадку, а вечеромъ мы двинулись въ путь.

940 П. С. Васильевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УРОКИ ТОПОГРАФІИ

ДЛЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

(Составилъ поручикъ В. Ястребовъ.)

(Продолженіе *).

Урокъ 2-й.

§ 7. Понятіе о масштабѣ.—§ 8. Масштабъ численный и линейный; измѣреніе разстояній по плану.—§ 9. Употребленіе циркуля.—§ 10. Переходъ отъ численнаго масштаба къ линейному и обратно.—§ 11. Измѣреніе площадей по плану; палетка. — § 12. Стрѣлка странъ свѣта. — Упражненія 31—55.

§ 7. Условные знаки на планѣ гораздо меньше, чѣмъ предметы на мѣстности, для изображенія которыхъ они служатъ; это уменьшеніе для всего плана должно быть непремѣнно одно и то-же, т. е. если одинъ предметъ, при изображеніи его на планѣ, уменьшенъ напр. въ 1,000 разъ, то и другой, и третій, и всякій остальной предметъ, при изображеніи на томъ же планѣ, долженъ быть уменьшенъ въ 1,000 же разъ. Такимъ образомъ, если знать это уменьшеніе, то очень легко по плану узнать и дѣйствительную величину изображеннаго на немъ предмета; такъ, если планъ меньше мѣстности въ 4,200 разъ (какъ планъ 50-саженный), то, смѣривъ по плану нужное разстояніе и умноживъ его на 4,200 и получимъ дѣйствительное разстояніе

*) Начало было помѣщено въ предыдущей книжкѣ «Чт. для Солд.» сего года.

Въ 10 час. 20 мин., по прибытіи Ихъ Величествъ въ соборъ, началась литургія, которую совершалъ митр. Іоанникій, въ сослуженіи съ протопресв., духовн. Ихъ Величествъ, І. Л. Янышевымъ, придворнымъ сакелларіемъ о. Толмачевымъ, духовникомъ въ Бозѣ почившей Великой Княгини—протоіереемъ Титовымъ и ключаремъ Петропавловскаго собора, при пѣніи хора придворныхъ пѣвчихъ.

На отпѣваніе вышли: первенствующій членъ Св. Сѵнода — высокопреосв. митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Исидоръ съ членами Св. Сѵнода: высокопреосв. Іоанникіемъ—митроп. московскимъ, Леонтіемъ—архіеп. холмско-варшавскимъ, Сергіемъ—архіеп. херсонскимъ и одесскимъ, Амвросіемъ — архіеп. харьковскимъ и ахтырскимъ, еписк. Германомъ и Маркеломъ и прочимъ духовенствомъ. Послѣ панихиды, по совершеніи духовенствомъ и Лицами Императорской Фамиліи прощанія съ тѣломъ Великой Княгини, Государь Императоръ и Великіе Князья подняли гробъ и, предшествуемые духовенствомъ, понесли его къ могилѣ, приготовленной на правой сторонѣ собора, у втораго окна отъ входа. Здѣсь ожидали дворцовые гренадеры, которые и опустили гробъ въ могильный склепъ, выложенный внутри мѣдными листами и убранный цвѣтами. Въ этотъ моментъ раздались залпы войскъ, крѣпостныхъ орудій и батарей артиллеріи.

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

(Съ рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

мужество и храбрость горсти чудо-богатырей—русскихъ солдатъ, удержали натискъ разъяренныхъ турокъ. Ряды безсмертныхъ русскихъ храбрецовъ, однако, рѣдѣли, и только около 11-ти час. дня подоспѣлъ 2-й эшелонъ войскъ изъ Галаца, а съ нимъ и 2 орудія. Вотъ, грянулъ русскій выстрѣлъ изъ орудія. Наши войска ожили и громкое «ура» огласило ужасное поле битвы. Рязанцы и Ряжцы, забывъ боли и стоны, истомленіе, голодъ и жажду, дружно и молодецки бросились на приступъ. Не выдержалъ лиходѣй злодѣй-турокъ русскаго «ура» и поспѣшилъ отступить, забравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ полдень, на удивленіе всей Европы и на страхъ извергамъ-врагамъ, развѣвался уже русскій флагъ надъ Буджакскими высотами. Генералъ-маіоръ Жуковъ занялъ Горванскія высоты, гдѣ и остановился, а турки отступили на Мачинъ. Побѣда была полная и блистательная; она намъ стоила 44 убитыхъ и около 100 человѣкъ раненыхъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-е іюня, въ Галацъ прибылъ Государь Императоръ съ Великими Князьями и посѣтилъ героевъ переправы, лично пожаловалъ Георгіевскіе кресты генералъ-маіору Жукову, поручику Эльснеру и прапорщику Сушкову, а нижнимъ чинамъ роздалъ военные ордена и награды.

101 Ф. В. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Кн. 3. Вып. V. 1891 г.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

III.

Въ пескахъ.—Полотно желѣзной дороги.—Черкасы.—Репетонъ.—Аму-Дарья.—Чарджуй.—Переправа.

Не долго пришлось намъ ѣхать по мѣстности, мѣстами оживляемой кой-какой растительностью и небольшими арыками. На другой день проѣзжали уже по ужасной мѣстности. Вокругъ насъ разстилалось безбрежное море сыпучаго песку, гдѣ голые барханы играли роль устойчивыхъ песчанныхъ волнъ. Къ 5-ти часамъ подулъ сильный сѣверный вѣтеръ; песчанныя вершины бугровъ всѣ сразу задымѣли, испуская струи сыпучаго

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

песку, густою пеленою скоро застлавшаго воздухъ. Трудно было дышать въ удушливой атмосферѣ. Барханы сдвигались въ столь однообразномъ видѣ и безграничномъ числѣ, что терялось сознаніе куда ѣхать. Мы давно уже сбились съ полотна желѣзной дороги, значительные участки котораго совершенно исчезли подъ песчаными заносами.

Съ большимъ трудомъ мы подвигались впередъ; мы, видимо, плутали; намъ казалось, что мы кружимъ на одномъ мѣстѣ.

Совершенно стемнѣло. Ровно не было ничего видно. Для того, чтобы не потерять другъ друга, Анна-Мратъ -охѣалъ впередъ, взявъ въ руку чумбуръ сзади ѣхавшаго С—ко, а тотъ, въ свою очередь, мой, и такимъ образомъ мы слѣдовали другъ за другомъ на буксирѣ. Завываніе вѣтра до того было сильное, что, не смотря на такое близкое разстояніе, надо было кричать во все горло, если являлась надобность сообщить что-нибудь другъ другу.

Становилось невыносимо душно; горячій вѣтеръ пронизывалъ платье и невыносимо жегъ спину и шею глаза, ротъ, уши и носъ давно были ужъ засыпаны пескомъ; горло пересохло и чувствовалась страшная жажда; а воды было мало, очень мало; надо было беречься. Лошади, сильныя и привычныя къ лишеніямъ всевозможнаго рода, положительно выбились изъ силъ Положеніе наше было отчаянно тѣмъ болѣе, что мы знали всю громадность разстоянія до ближайшаго человѣческаго жилья, и если бы мы только не сбились съ дороги, то было бы не менѣе 45-ти верстъ.

А впереди предстояла длинная, безотрадная ночь.

и, Богъ вѣсть, прійдется-ли намъ еще разъ увидѣть разсвѣтъ! Послѣднее предположеніе съ каждымъ шагомъ становилось все сомнительнѣе и сомнительнѣе, и сомнѣніе это ощущали не только мы, но, кажется, и наши бѣдныя лошади, такъ лѣниво, какъ бы нехотя, вытаскивавшія свои усталыя ноги изъ сыпучаго песка. Я съ трудомъ переводилъ дыханіе... Меня жгло точно на медленномъ огнѣ... Вдругъ, Анна-Мратъ радостно вскрикнулъ. Передъ нимъ была какая-то плотная преграда, весьма похожая на стѣну; онъ ощупалъ руками, пальцы которыхъ ясно почувствовали грубую штукатурку.

— Мазарка!... Мазарка Маметъ-Али Хана!—радостно кричалъ онъ.

Въ азіатскихъ степяхъ нерѣдко попадаются уединенныя постройки, служащія склепомъ надъ могилой того или другаго чѣмъ-нибудь замѣчательнаго хана или сердаря.

Постройки эти, судя по богатству въ нихъ погребенныхъ, достигаютъ, иногда, довольно значительныхъ размѣровъ.

Преобладающій типъ ихъ—квадратное зданіе съ фронтономъ на восточномъ фасѣ и куполомъ, а иногда и двумя, тремя (судя по заслугамъ покойнаго), въ видѣ опрокинутой чаши; стиль—близко подходящій къ индійскому. Судя по мѣстностямъ, встрѣчаются и разныя уклоненія отъ этого типа, болѣе или менѣе значительныя.

Ощупывая стѣнки, мы добрались до угла строенія, потомъ повернули по другомъ фасу и нашли-таки входъ.

Взойдя въ мазарку, мы попытались-было втащить и лошадей, но сѣдла и вьюки не пускали, упираясь въ бока входнаго отверстія. Пришлось разсѣдлывать ихъ, а это была мучительная операція, которую приходилось совершать съ закрытыми и засыпанными пескомъ глазами...

Первымъ дѣломъ, вошедши въ мазарку, было добить огня. Я чиркнулъ спичку и, къ общему нашему удовольствію, замѣтилъ въ углу мазарки наваленную кучу прошлогодней колючки. Мигомъ былъ разведенъ огонекъ и мы промыли себѣ глаза, завѣсивши предварительно входную дверь буркой, чтобы оградить себя отъ вторженія вѣтра и песка. Въ мазаркѣ было чрезвычайно душно и жарко; огонь еще болѣе увеличивалъ жару, но съ нимъ приходилось мириться, иначе, мы очутились бы въ потемкахъ, такъ какъ оконъ въ мазаркѣ не было. Мы сняли верхнее платье и расположились на полу. Анна-Мрадъ, протерѣвъ платкомъ глаза и носы лошадямъ и засыпавъ имъ корму, поглядывалъ частенько изъ подъ бурки въ степь.

— Что это ты дѣлаешь, Анна?—спросилъ я его.

— Смотрю, не заноситъ-ли насъ пескомъ.

На наше счастье, вѣтеръ былъ съ другой стороны и мы не рисковали быть заживо погребенными.

— А что, Сергѣй Ивановичъ,—обратился я къ есаулу, не испить-ли намъ чайку?

— Было бы не дурно, да только, тогда мы безъ воды останемся, а Богъ вѣсть, сколько отсюда верстъ до арыка.

Оказалось, какъ сообщилъ намъ Анна-Мратъ, мы хотя и сбились съ дороги, но отъ этого мѣста (онъ

оріентировался по мазаркѣ) до перваго арыка было всего восемь верстъ, а потому, оставивши про всякій случай бутылку воды, мы остальную вскипятили для чая, а у джигита оказался, припасенный еще въ Мервѣ, лимонъ... Всѣ опасности и треволненія были забыты, и мы, не смотря на страшную духоту въ мазаркѣ, все-таки блаженствовали. А на дворѣ, между тѣмъ, неистово завывалъ вѣтеръ, время отъ времени врываясь въ наше убѣжище. Такъ прошло часа четыре или пять, мы не могли и думать о дальнѣйшей поѣздкѣ; С—ко, раздѣвшись, давно уже спалъ; вскорѣ и я съ джигитомъ послѣдовали его примѣру. Когда мы проснулись—бурана какъ не бывало. На дворѣ стояла тихая лунная ночь... Ни малѣйшаго вѣтерка... Въ воздухѣ чувствовалась бодрящая свѣжесть... Мы рѣшили, не теряя времени, двинуться въ путь, руководствуясь компасомъ для выхода къ Чарджую. Отдохнувшіе кони бодро шагали, а Анна-Мратъ на далекое пространство оглашалъ ночной воздухъ своей импровизаціей. Показался арыкъ; мы запаслись водой и, напоивъ лошадей, двинулись въ путь...

Около 12-ти часовъ ночи, мы замѣтили цѣлый рядъ костровъ. «Что бы это значило?»—недоумѣвалъ С—ко.

—Вы видите огни?—спросилъ онъ меня.

— Вижу; должно быть, караванъ какой нибудь.

— Нѣтъ, баяръ, не караванъ,—сказалъ джигитъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— А потому, если бы былъ караванъ, такъ огней такъ много не было бы и дымъ отъ костровъ не былъ бы такой большой и черный. Туркмены дровъ не жгутъ, а всегда сухую колючку; отъ того, у нихъ дымокъ не-

большой и бѣлый; а это русскіе, потому что дымъ отъ дровъ и притомъ—отъ сырыхъ.

Вскорѣ мы почувствовали подъ ногами лошадей твердый грунтъ, а минутъ черезъ пятнадцать къ намъ начали доноситься переливы малороссійской пѣсни.

Мы подъѣзжали къ какому-то большому лагерю. Около костровъ копошились люди, слышался смѣхъ, разговоры, пѣсни и звуки малороссійской сопилки. Оказалось, что мы наткнулись на рабочій лагерь черкасовъ (землекоповъ), работавшихъ на полотнѣ желѣзной дороги. Это было наканунѣ праздника, въ который работы не производились, а потому рабочіе еще не спали. Мы спросили десятника, который вскорѣ явился и любезно пригласилъ насъ къ себѣ на ночлегъ. Въ то время, когда мы сидѣли у него въ кибиткѣ и попивали чай, около костровъ шло оживленное веселье.

— Что, развѣ, у васъ сегодня работъ не было?— спросили мы его.

— Какъ не быть, были; съ 9-ти часовъ вечера только окончили.

— Развѣ, у васъ бурана не было?

— Нѣтъ, благодареніе Богу; все было спокойно. А почему вы спрашиваете, что у насъ работъ не было? потому что народъ веселится? Это у насъ такъ завсегда.

Дѣйствительно, «завсегда»! Работа—работой, а веселье—весельемъ! Ужъ такова, видно, натура русская! И вездѣ, гдѣ мы только не проѣзжали, всюду видѣли одно и тоже: днемъ—адская работа, а вечеромъ—веселье чуть не до полуночи. Не унываютъ православные! Пріѣдешь, бывало, раньше на укладку (то мѣсто, гдѣ

на готовое уже полотно кладутъ рельсы и шпалы), пробудешь одинъ день и проникнешься удивленіемъ къ натурѣ солдата (онъ же и работникъ).

Картина укладки до того оригинальна, что обойдти ее молчаніемъ нельзя. Мнѣ приходилось зачастую видѣть желѣзнодорожныя работы; но то, что видишь здѣсь, исключительно можно увидѣть въ Азіи и притомъ среди солдатъ.

Укладку пути Закаспійской военной желѣзной дороги производили три роты 2-го Закасп. желѣзно-дорожнаго баталіона, при помощи вольнонаемныхъ персовъ и лезгинъ. Этотъ укладочный отрядъ помѣщался въ довольно оригинальномъ подвижномъ лагерѣ. Еще издали подъѣзжая къ мѣсту работъ, вы видите громадные товарные вагоны въ два этажа. Въ этихъ-то вагонахъ и помѣщаются рабочіе: наверху—персы, внизу—солдаты. Нельзя сказать, чтобы жилища эти отличались-бы удобствами. Лѣтомъ—невыносимо душный воздухъ внутри, а зимою—до костей пронизывающій холодъ. Тѣмъ не менѣе, солдаты съ этимъ мирились и не поддавались въ большой мѣрѣ заболѣваніямъ. Съ пяти часовъ утра вагоны пусты; всѣ жильцы ихъ впереди и кипитъ неустанная работа. На дворѣ стоитъ немаловредная жара, доходящая до 50-ти и болѣе градусовъ; желѣзо и рельсы издаютъ шипѣніе при паденіи воды; тѣмъ не менѣе, желѣзно-дорожныя роты, подѣлившись на партіи, обливаясь потомъ, кладутъ рельсовый путь. Въ то время, когда первая партія, положивъ шпалы, идетъ дальше, слѣдующая за нею дѣлаетъ зарубки, третья—кладетъ рельсы, четвертая—скрѣпляетъ, пятая—подбиваетъ и т. д. работа кипитъ безъ устали;

тутъ же снуютъ лошади и верблюды, запряженныя въ роспуски и грабарки, ослы съ небольшими тележками, —это транспортъ подвозитъ матеріалъ. Наконецъ, наступаетъ обѣдъ; но обѣдъ, что называется, на скорую руку, вполнѣ походный,—не болѣе 45-ти минутъ, и затѣмъ, до самаго вечера, слышится визгъ пилы, лязгъ молотковъ и слова команды. Но вотъ, стемнѣло... барабанъ ударилъ отбой... и картина мѣняется. Смолкъ стукъ молотковъ и визгъ пилы, и залихватская пѣсня далеко несется въ пустынѣ, подхватываемая въ горахъ эхомъ:

«Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, авганецъ, съ тобой
По горамъ твоимъ Памира
Разнеслась слава объ насъ!...»

Раздается вѣчно старая и въ то же время вѣчно новая, солдатская пѣсня, передѣлываемая на разные лады.

Роты идутъ на ужинъ. А вокругъ вагоновъ мелькаютъ привѣтливые огоньки,—это артельные кашевары персовъ готовятъ ужинъ. Ужинаютъ всѣ подъ открытымъ небомъ, раздѣлившись на небольшія группы; вокругъ бивуака стоитъ шумъ и гамъ, слышатся разговоры и веселый смѣхъ.

— А что, Митрычъ,—слышится въ одной группѣ, —вѣдь, этакъ, скоро и къ Чарджую подойдешь.

— Вѣстимо дѣло—подойдемъ.

— Сказываютъ, генералъ обѣщалъ цѣлую недѣлю отдыха дать. Вотъ, славно-то будетъ!

— А что—славно?

— Да что, накачаюсь—во какъ! Почитай, съ годъ

водки въ ротъ не бралъ, съ самой Астрахани; дорога окаянная!

— Ну, братъ, тебѣ жалѣть нечего; ты еще въ Астрахани на цѣлый годъ зарядился. Мы уже ни какъ не думали, чтобы ты живъ остался.

Въ другой группѣ тоже разговоръ о водкѣ идетъ; на дороговизну жалуются:

— И что за край такой треклятый, что сороковка девять гривенъ стоитъ?

— Ужъ и не говори, братъ; ничего здѣсь не докупишься, извѣстно — Азія, ну, ничего и не подѣлаешь!

— Климатъ, значитъ, такой,—поясняетъ третій;— вотъ я намедни, полтину за носогрѣйку заплатилъ, а у насъ въ Казани что она стоитъ?—пятакъ!

Наконецъ, кончился ужинъ; группы встаютъ и расходятся... вы думаете спать? Нѣтъ еще; солдатскій день еще не конченъ. Онъ работалъ цѣлый день, и притомъ работалъ добросовѣстно, не жалѣя ни рукъ ни силы; но онъ еще не веселился; а безъ этого нельзя. А то, что же? Работай день-деньской—и не повеселись! —Къ этому онъ не привыкъ. Группы разошлись для того, чтобы сойдтись снова. Кто—пошелъ за бубномъ, кто—за скрипкой, а кто—за тарелками,—и пошло веселье на славу! Въ одномъ мѣстѣ пѣсню развеселую грянули, а въ другомъ—въ плясъ пустились; другой искустникъ цѣлый день на спинѣ четырехпудовыя шпалы таскалъ, а теперь посмотрите-ка, какія колѣнца выкидываетъ! А вотъ, и кузнецъ, что съ утра и до вечера тяжелымъ молотомъ махалъ,—теперь публику увеселяетъ: на рукахъ ходитъ...

Лезгины и персы не отстаютъ отъ солдатъ,—и въ ихнемъ лагерѣ веселье; пищитъ зурна, гудитъ тулумбасъ, и подъ мѣрное хлопанье въ ладоши, собравшихся вокругъ зрителей, молодой красавецъ-лезгинъ, въ оборванномъ бешметѣ и съ неизмѣннымъ, оправленнымъ въ серебро, кинжаломъ, плавно скользитъ по песку, искусно выдѣлывая «па» лезгинки...

Но вотъ, въ 11 часовъ, снова ударилъ барабанъ... пора тушить огни; группы расходятся и весь передвижной лагерь погружается въ глубокій сонъ; лишь только тяжелые шаги дневальныхъ, гулко раздаются въ ночномъ воздухѣ...

Вотъ, точно также и теперь веселились черкасы, предвкушая сладость завтрашняго отдыха; долго еще за полночь раздавались ихъ пѣсни, убаюкивающе дѣйствовавшія на насъ...

Утромъ мы уже покидали лагерь и, миновавъ станцію Репетокъ, направились къ Аму-Дарьѣ. Здѣсь впервые я увидѣлъ способъ рытья туземцами колодцевъ, который нельзя не назвать оригинальнымъ.

Колодцы эти, обыкновенно, дѣлаются безъ сруба, круглые, аршина полтора въ діаметрѣ; земля, выкапываемая при этомъ, удаляется съ помощью ведра, прикрѣпленнаго къ веревкѣ; самъ же землекопъ къ ней никогда не прибѣгаетъ, и какъ бы ни былъ глубокъ колодецъ, спускается въ него онъ и вылазитъ обратно при помощи спины и ногъ. Спиною упирается онъ въ одинъ бортъ колодца, а ногами—въ другой, и мускулами спины и ногъ передвигается, что очень напоминаетъ собою змѣиное пресмыканіе.

Вскорѣ мы достигли и Чарджуя, въ восьми верстахъ отъ Аму-Дарьи. Рѣка эта, шириною въ 200 слишкомъ саженей, въ этомъ мѣстѣ окруженная справа и слѣва песками, имѣла мертвенно-унылый видъ. Темно-голубыя волны ея, съ плескомъ ударяясь въ берега, нарушали мертвую тишину... Мы переправились вмѣстѣ съ лошадьми въ каюкѣ; было еще раннее утро, когда мы очутились въ бухарскихъ владѣніяхъ.

940 П. С. Васильевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УРОКИ ТОПОГРАФІИ

ДЛЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

(Составилъ поручикъ В. Ястребовъ.)

(Продолженіе *).

Урокъ 3-й.

§ 13. При прохожденіи упражненій боевой стрѣльбы, каждому стрѣлку приходилось, конечно, замѣчать, какъ трудно попадать въ цѣль, когда между линіей огня и валомъ находится какое-нибудь, хотя и незначительное, но, все-таки, отчасти закрывающее мишени, возвышеніе. Но каждый стрѣлокъ также могъ замѣтить, что если онъ помѣстится на другомъ возвышеніи, которое на-

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

«Чтеніе для Солдатъ», пользуются уступкою 20% при требованіяхъ на **30** и болѣе рублей отдѣльныхъ **книжекъ**, изданныхъ Редакціею; но принимаютъ полностію на себя пересылку книгъ по почтѣ. Во избѣжаніе мелочныхъ разсчетовъ при выпискѣ книгъ, упомянутыя учрежденія и лица могутъ присылать требованія **безденежныя**, при чемъ книги имъ высылаются **съ наложеннымъ платежемъ.—Книгопродавцамъ** дѣлается уступка по обоюдному соглашенію.

Складъ изданій Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ» имѣется также: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К° (Невскій, 48); въ складѣ В. Березовскаго (Колокольная, 14) и въ книжномъ магазинѣ спеціально для иногородныхъ А. Я. Панафидина (Бол. Италіанская, 8); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Салаевыхъ (Мясницкая).

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Съ рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

хранившееся и до нашихъ дней. Трояновъ валъ—двойной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—тройной, идетъ отъ Черноводъ у Дуная и упирается въ Кюстенджи, у Чернаго моря. Валъ имѣетъ вышину отъ одной до двухъ саженей высоты, съ довольно глубокимъ рвомъ; во многихъ мѣстахъ видны остатки каменной стѣны въ немъ, особенно близь гор. Черноводъ.

101 Ф. В. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

Кн. 4. Вып. VII. 1891 г.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

IV.

Пески Сундукли.—Общій видъ западной части Бухары.—Наразымъ.—Колодцы «Махтъ».—Съ караваномъ.—Опять песочный буранъ.—Снова безъ лошади.—Укрѣпленіе «Карши».—Похоронная процессія.

Мы снова вступили въ сыпучіе пески Сундукли, не имѣя надежды уже встрѣтить болѣе твердый грунтъ до самаго укрѣпленія Карши, находящагося на рѣкѣ Кашка-Дарья. Вся разница между эти-

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

ми песками и мервскими состояла въ томъ, что здѣсь, на большомъ, зачастую, разстояніи тянутся солончаки, дѣлая воду солоноватою и менѣе вкусною, чѣмъ въ Закаспійской области.

Все вообще бухарское ханство можно раздѣлить на двѣ части, рѣзко отличающіеся одна отъ другой—на западную и восточную. Западная часть, которую мы теперь пересѣкали къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Аму-Дарьи, представляется въ видѣ сплошной, понижающейся къ сѣверу, песчаной равнины, состоящей, частью—изъ сыпучихъ песковъ, частью изъ—солончаковъ, лишенныхъ какого бы то ни было орошенія и извѣстныхъ въ разныхъ мѣстахъ подъ названіемъ «Сундукли», «Кара-Кумъ» и «Кизилъ-Кумъ» т. е. злыхъ и красныхъ песковъ. Переправившись у Чарджуя, около аула Кучи, мы повернули къ югу и направились вдоль праваго берега Аму-Дарьи.

Все время до аула Нарызыма приходилось ѣхать голою песчаною степью, оживляемою лишь близостью рѣки, и лишь только подъѣзжая къ аулу, начали встрѣчать кое-гдѣ хилую растительность.

Пріѣхавши въ аулъ, первымъ долгомъ мы озаботились пріобрѣтеніемъ фуража, для чего и обратились къ мѣстному аксакалу (старшинѣ), встрѣтившему насъ очень любезно, словами и знаками, выражавшаго уваженіе и преданность «урусамъ».

— Я почту за великую честь,—говорилъ онъ намъ, прикладывая руку ко лбу, губамъ и сердцу,—если увижу васъ у себя за обѣдомъ.

Мы и не думали, конечно отказываться, тѣмъ болѣе, что были голодны, а аксакалъ былъ человѣкъ богатый «акъ-саякъ» и, слѣдовательно, ужъ изъ одного честолюбія долженъ былъ бы угостить на славу.

Нужно замѣтить, что все населеніе Бухары, раздѣляясь по происхожденію на узбековъ и таджиковъ, по общественному положенію дѣлится на «акъ-саякъ», т. е. бѣлая кость, какъ называются тамъ дворяне и «кара-саякъ», т. е. черная кость или чернь.

Акъ-саяки, въ большинствѣ случаевъ, принадлежатъ къ племени узбековъ, по образу жизни мало въ чемъ отличающихся отъ таджиковъ, но по религіозному фанатизму и воинственности далеко превосходятъ ихъ и считаютъ себя первенствующимъ народомъ уже потому, что властвующая въ ханствѣ династія происходитъ изъ ихъ рода Мангытъ; притомъ, всѣ административныя должности въ странѣ заняты исключительно узбеками.

Таджики же, или сарты, отличаясь миролюбивымъ до трусости характеромъ, не имѣютъ никакого политическаго значенія въ странѣ...

Мы не ошиблись въ разсчетѣ; бій, дѣйствительно, угостилъ насъ на славу. Преобладающимъ кушаньемъ была за обѣдомъ баранина, приготовленная въ различныхъ видахъ: и шашлыкъ, и пловъ, и отварная...

Въ то время, когда окончился ужинъ и хозяинъ занялся приготовленіемъ кальяна, С—ко нагнулся ко мнѣ со словами:

— Не забудьте рыгнуть раза два.

Я чуть не расхохотался, а есаулъ невозмутимо рыгалъ уже во второй разъ, самодовольно поглаживая бороду; собравшись съ духомъ, я послѣдовалъ его примѣру, но поперхнулся и закашлялся.

— Ну, что, аксакалъ, какъ вамъ здѣсь живется? — спросилъ я хозяина, чтобы выйдти нѣсколько изъ своего положенія и чтобы сказать что-нибудь.

— Яманъ баяръ, яманъ! *)

1969a Угощеніе аксакала.

— Какъ такъ, яманъ?

— Такъ, баяръ; земля плоха, народъ бѣденъ; откуда что возьмешь?

— Однако, нашъ хозяинъ мошенникъ, таки, порядочный,— обратился ко мнѣ по русски С—ко. Народъ-то бѣденъ, взять, дѣйствительно, не изъ чего, однако, онъ нашелъ какъ стянуть.

*) Плохо, господинъ, плохо.

И дѣйствительно, народъ въ западной части ханства бѣденъ, беки (губернаторы) и аксакалы жалуются на бѣдность, а между прочимъ, сами живутъ богато.

Надо замѣтить, что вся бухарская администрація, а она не малая, не только не получаетъ отъ казны жалованья, но сама должна ежегодно взносить въ государственную кассу опредѣленную подать.

Вся Бухара въ административномъ отношеніи раздѣляется на 18 бекствъ, т. е. губернаторствъ, во главѣ которыхъ стоятъ беки, назначаемые самимъ эмиромъ. Бекство, въ свою очередь, подраздѣляется на меньшія части, управляемыя особыми чиновниками, называемыми «амалякдарами», которые назначаются на должность и смѣняются по произволу бековъ. Кромѣ того, въ каждомъ аулѣ есть «аксакалъ», т. е. старшина, которому подчиняются всѣ жители селенія.

Каждый бекъ имѣетъ своего секретаря, или «диванъ-беги», который, собственно говоря, и управляетъ дѣлами администраціи и заботится о своевременномъ сборѣ податей. Финансами же бека завѣдуетъ, состоящій при немъ казначей, или экономъ, называемый «дестурханджи».

И такъ какъ беки не получаютъ содержанія отъ казны, а еще сами, помимо опредѣленной подати, представляясь ежегодно эмиру, должны подносить богатые подарки, и кромѣ того, при посѣщеніи бекства эмиромъ, должны на свой счетъ содержать его и его многочисленную свиту, то взыскиваемыя по ихъ распоря-

женію подати съ народа нельзя назвать маленькими. Не будучи же стѣснены въ сборѣ верховною властью, они заботятся лишь о собственномъ обогащеніи, не обращая вниманія на обѣдненіе народа.

Хотя, по Корану, размѣръ ежегодныхъ податей платимыхъ каждымъ мусульманиномъ правительству, не долженъ превышать $^1/_{40}$ части стоимости его имущества, но на практикѣ этотъ законъ довольно часто нарушается, смотря по матеріальнымъ потребностямъ бековъ и эмира.

Конечно, нечего и говорить, что гостепріимный хозяинъ нашъ не былъ исключеніемъ и, хотя онъ и жаловался на бѣдность народа, тѣмъ не менѣе, жалости особенной къ нему не выказывалъ, чему свидѣтелями были, богато убранная коврами, его сакля и роскошная конюшня, съ прекрасными породистыми лошадьми.

Онъ не могъ не похвастать ими и повелъ насъ.

— Что за чудная лошадь! — не удержался я отъ восклицанія, оглядывая прелестнаго воронаго карабира. —Чокъ якши, тамыръ *), — обратился я къ хозяину, желая польстить его честолюбію.

Однако, я попалъ въ просакъ и поступилъ крайне невѣжливо **). С—ко дернулъ меня за рукавъ; но было уже поздно: аксакалъ, состроивъ кислую мину, которая должна была изображать любезную улыбку, проговорилъ, низко кланяясь:

— Бешкешъ, баяръ, бешкешъ ***).

*) Очень хороша, пріятель.

**) По восточному обычаю, хвалить чужія вещи неприлично, такъ какъ хозяинъ, изъ вѣжливости, долженъ подарить, и похваливший становится попрошайкою.

***) Въ подарокъ господину, въ подарокъ.

Я былъ и ошеломленъ, и обрадованъ. Пришлось, конечно, поблагодарить и взамѣнъ оставить своего киргиза, какъ болѣе не нужнаго.

— Ну, это вамъ такъ не пройдетъ,—говорилъ мнѣ С—ко, когда мы выѣзжали изъ аула; — онъ у васъ непремѣнно ее украдетъ. И дернуло же васъ похвалить!

— Чортъ съ нимъ!—смѣялся я. — Не обѣднѣетъ; денегъ награбилъ не мало!

— Такъ-то оно—такъ, только лошадь онъ у васъ украдетъ.

— Ладно; «что съ воза упало, то пропало»!

— Да, только не у бухарца.

— Вѣрно, баяръ, вѣрно,—вмѣшался Анна-Мратъ; —нужно караулить; хорошо караулить.

Ну, и рѣшили караулить.

Отъ Наразыма мы повернули къ востоку, держа направленіе на укрѣпленіе Карши. Голая, совершенно песчаная пустыня, лишенная какой-бы то ни было растительности, производила угнетающее впечатлѣніе; кони шли шагомъ, съ трудомъ вытаскивая изъ зыбкаго песку ноги; ни одного орьентировочнаго предмета не видно было на горизонтѣ; приходилось подвигаться медленно, справляясь иногда съ картой и компасомъ.

— Вотъ, скоро пріѣдемъ въ населенную часть ханства; тамъ веселѣе будетъ,—утѣшалъ меня С—ко.

Дѣйствительно, около полудня, на горизонтѣ показались деревья и домики.

— Что такъ скоро?—удивился С—ко.—До Карши еще далеко; мы и колодцевъ не проѣхали, а тутъ сады показались; а на картѣ, кромѣ песковъ, нѣтъ ничего.

Уже не колодцы-ли Махтъ такіе живописные? Да и до нихъ, впрочемъ, далеко еще.

А между тѣмъ, сады довольно ясно обрисовывались на горизонтѣ. Но, странное дѣло! Сколько мы не ѣхали, они не приближались, а скорѣе отдалялись отъ насъ... Есаулъ только улыбался и подшучивалъ надъ моимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, сады исчезли, точно расплылись въ воздухѣ... А вотъ, другая картина: безбрежное море и слабое очертаніе корабля.

— Фу, ты, чортъ возьми!—сплюнулъ я съ досады.

«Фата-моргана» подшучивалъ надъ нами, а С—ко заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Я ужъ давно замѣтилъ миражъ, да только не хотѣлъ васъ разочаровывать. А что, неправда-ли, восхитительная картина.

— Я бы желалъ менѣе восхитительной, но настоящей.

— А вотъ, подождите, и Махтъ не за горами.

Положимъ, колодцы были и не за горами, но все-таки, къ нимъ мы добрались только на утро слѣдующаго дня.

Возлѣ караванъ-сарая, находящагося у колодца, бродило около 60-ти верблюдовъ, отыскивая себѣ пищу; человѣкъ тридцать бухарцевъ и киргизовъ кто—отдыхалъ на землѣ у стѣны, а кто—кипятилъ воду.

— Салямъ-алейкюмъ! — привѣтствовали мы туземцевъ.

— Чокъ, саулъ!—отвѣчали тѣ, прикладывая руки къ папахамъ.

— Куда путь тюра держитъ? — спросилъ, подходя къ намъ, по русски, старый караванъ-баши.

Оказалось, что караванъ этотъ шелъ въ Бай-сунъ съ ситцами, полотнами, плисомъ, бархатомъ и другими русскими товарами.

Караванъ-баши, бывавшій часто въ Оренбургѣ и другихъ русскихъ средне-азіатскихъ укрѣпленіяхъ, говорившій по русски, любилъ поболтать, упражненія ради, почему и пригласилъ насъ ѣхать вмѣстѣ, обѣщая всевозможныя удобства въ походѣ. Мы, конечно, охотно приняли предложеніе, тѣмъ болѣе, что и самимъ было веселѣе.

Отдохнувши часа четыре и запасшись водою, такъ какъ до самаго Каршн колодцевъ больше нѣтъ, караванъ двинулся въ путь; мы ѣхали рядомъ съ караванъ-башн во главѣ каравана. Старый Али (такъ звали баши) ветеранъ войнъ 70-хъ годовъ, разсказывалъ намъ нѣкоторые эпизоды изъ экспедицій, заканчивая каждый изъ нихъ словами: «а все-таки подъ Бѣлымъ Царемъ куды какъ лучше; разбойничать не даетъ, барантачей (разбойниковъ) всѣхъ попзвелъ, теперь иди съ караваномъ куда глаза глядятъ, ничего не бойся: никто тебя не спроситъ: *яги* или *илъ* (т. е. другъ или врагъ).

На дворѣ стояла страшная жара; небывало еще такой въ это лѣто; солнце точно задалось цѣлью сжечь насъ живьемъ непремѣнно.

— Если-бы зналъ, что такъ жарко будетъ,—говорилъ Али,—то выждалъ бы вечера у колодцевъ.

— Не къ добру эта жара! — хмурился и ворчалъ Анна-Мратъ.

Онъ былъ правъ.

Али началъ разсказывать исторію паденія Самарканда, въ защитѣ котораго участвовалъ, не подозрѣвая того, какая бѣда приближалась.

19696 ...Мы ѣхали рядомъ съ караванъ-баши...

Передъ нами разстилалась на далекое пространство песчаная степь, имѣвшая видъ взволнованнаго, но, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, застывшаго, моря. Подобно очарованнымъ волнамъ, возвышались песчаные бугры, легко передвигаемые вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. На всемъ пространствѣ, куда хваталъ только глазъ, тянулась однообразная, тоску наводящая, картина: желтый песокъ и безоблачное голубое небо.

Около двадцати верстъ было пройдено благополучно по безлюдной степи и ни одно приключеніе не нарушило шествія каравана; верблюды, вытянувшись въ одну линію, шли гуськомъ, по удачному выраженію Лермонтова, «колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ». Люди, истомленные жарою, поумолкли, придавшись своимъ одиночнымъ размышленіямъ; одинъ только словоохотливый Али разсказывалъ намъ про паденіе Самарканда.

А опасность, между тѣмъ, подкрадывалась; но она не укрылась отъ зоркихъ глазъ моего джигита.

— Тамыръ,—обратился онъ подъѣхавъ къ Али,—буранъ приближается,—указалъ онъ рукою на явленіе, которое, навѣрно, ускользнуло-бы отъ вниманія самаго внимательнаго наблюдателя.

Позади каравана, на небосклонѣ, виднѣлось маленькое пятнышко.

— Надо принять мѣры,—продолжалъ джигитъ;—до привала еще далеко.

Али зорко всматривался въ указанную точку.

— Ничего не подѣлаешь,—заявилъ онъ;—буранъ насъ захватитъ.

Однако, Али былъ опытный караванъ-баши: не мало бурановъ видѣлъ онъ на долгомъ вѣку своемъ.

По его приказанію, караванъ былъ раздѣленъ на четыре группы, каждая изъ нихъ имѣла опытнаго проводника во главѣ. На случай большой опасности, всѣ должны были ближе держаться къ Али, ѣхавшему впереди всѣхъ, значительно скорымъ шагомъ, чтобы, по возможности, больше оставить пути за собой.

Врагъ тоже не дремалъ. Это уже не было маленькое пятнышко; пятно разрослось въ громадную черную

тучу, которая, сплошнымъ, тяжелымъ покрываломъ, начала застилать небо. Быстро неслась на караванъ грозная туча, а съ ея приближеніемъ усиливался и шумъ, который она производила. Духота сдѣлалась невыносимою, не смотря на то, что солнце не прожигало болѣе своими огненными лучами,— оно совсѣмъ исчезло въ массѣ нависшихъ, непроницаемыхъ облаковъ. Но вотъ, подулъ теплый вѣтерокъ, съ каждою секундою дѣлаясь сильнѣе и теплѣе; скоро онъ превратился въ вихрь; закружились столбы мелкаго, горячаго песку; буранъ разразился со всею силою и забушевалъ въ степи. Заколыхались песчаныя волны; цѣлыми горами началъ передвигаться съ мѣста на мѣсто песокъ; то— онъ разстилался по землѣ, то—вздымался, насыпями, до самой тучи и мелкою пылью сыпался внизъ. Звонъ колокольчиковъ, голоса людей, ревъ верблюдовъ, ржаніе коней покрывалось завываніемъ вѣтра. Наступилъ полнѣйшій мракъ. Песокъ проникалъ въ носъ, въ ротъ, въ уши и залѣплялъ глаза; на шагъ передъ собою нельзя было ничего разсмотрѣть.

Невозможно было слѣдовать по дорогѣ, тѣмъ болѣе, что она совсѣмъ уже не существовала—вѣтеръ замелъ всѣ слѣды; двигались ощупью, на-угадъ. Али, не покидая поста путеводителя, велъ караванъ, довѣряясь болѣе чутью своему и своего коня, чѣмъ глазамъ, которые, въ настоящемъ случаѣ, были совершенно безполезны. Когда онъ убѣждался, что сбился съ прямаго направленія, тогда онъ останавливался на минуту и, послѣ короткихъ размышленій и соображеній, снова двигался впередъ; при всемъ знаніи степи, не смотря на свою многолѣтнюю опытность, онъ не

былъ въ состояніи опредѣлить точно мѣсто, гдѣ мы находились. По временамъ, блуждающіе огоньки, въ видѣ огненныхъ шариковъ, носились надъ землею, пугая верблюдовъ и лошадей и увеличивая всеобщее смятеніе.

Я слышалъ еще раньше, что песочные бураны хуже снѣжныхъ; но то, что теперь я видѣлъ и ощущалъ, превзошло всѣ мои ожиданія. Я терялъ уже всякую надежду на спасеніе.

Близко подъѣхавъ къ С—ко, я спросилъ его:

— Какъ вы думаете, Сергѣй Ивановичъ, есть еще надежда на спасеніе?

— Не слышу!... повторите, что такое?—крикливо переспросилъ тотъ.

Я повторилъ еще разъ вопросъ, крича изо-всѣхъ силъ.

— Пока Али дѣйствуетъ, будемъ надѣяться... когда же онъ откажется,—ну,—тогда яманъ... прійдется сложить головы!..

С—ко закашлялся и замолчалъ. Вести разговоръ было весьма неудобно: ротъ мигомъ наполнялся пескомъ,—поневолѣ пришлось ѣхать молча.

«Второй разъ,—думалось мнѣ,—въ опасности, да еще хуже первой; неужели и теперь здравъ и невредимъ выйду? И бываютъ же такія оказіи! Эхъ, права покойница бабушка была, говоря, что «охота пуще неволи»...

Часы проходили одинъ за другимъ; проходили томительно, а положеніе наше нисколько не улучшалось: буранъ продолжалъ свирѣпствовать съ прежнимъ ожесточеніемъ. Вдругъ, Али остановился и, повернувшись

къ сзади ѣхавшимъ, отчаяннымъ голосомъ крикнулъ по бухарски:

— Еще попробую немного! Не удастся, такъ пусть каждый самъ себѣ отыскиваетъ дорогу! — и поѣхалъ еще поспѣшнѣе.

И этого человѣка осилила непогода;— его, вскормленнаго въ степи и привычнаго къ буранамъ, жаждѣ и голоду.

«Ну, значитъ, все погибло!»—подумалъ я, понявъ слова Али.

Еще прошло часа два въ страшномъ томленіи. Люди едва держались въ сѣдлахъ, а несчастныя животныя еле передвигали ногами. И не удивительно. Какъ не устать: продолжительная ѣзда, сильный, сбивавшій съ ногъ, вѣтеръ, облака пыли, темнота, необходимость напрягать все вниманіе, чтобы не отстать отъ другихъ и не потерять послѣдней надежды на спасеніе. Трудно бороться съ природою! Но главною причиною всеобщаго изнеможенія была неизвѣстность,— ничто такъ не пугаетъ, какъ неизвѣстность. Задать себѣ вопросы: когда-то пріѣду? Гдѣ нахожусь? Останусь-ли въ живыхъ? и т. п.—и не знаешь, что на нихъ отвѣчать. Сознаніе полнѣйшей своей немощи—есть самое грустное сознаніе для человѣка; самый храбрый, навѣрно, можетъ прійдти въ отчаяніе отъ всего этого. Вотъ каково было настроеніе духа, въ которомъ находился весь караванъ. Одни—шептали молитвы, другіе —мысленно прощались съ родными и близкими сердцу; третьи-же, наконецъ, покорно ожидали своей участи, слѣдуя правилу, что: судьбы своей не минуешь.

Али опять остановился; но въ этотъ разъ уже не

по своей волѣ: его конь уперся передними ногами, замоталъ косматою гривою и упорно отказался двигаться впередъ, не повинуясь ни голосу, ни ногайкѣ.

— Какой тамъ шайтанъ не пускаетъ?—съ суевѣрнымъ страхомъ пробормоталъ Али, продолжая понукать заупрямившагося коня; но напрасно трудился онъ: лошадь не повиновалась.

— Тюра! подержи, пожалуйста, коня!—обратился онъ къ есаулу,—а я посмотрю, что такое тамъ передъ самымъ нашимъ носомъ. Пусть никто не двигается, пока я не вернусь!—продолжалъ онъ, соскочилъ на землю, передалъ поводья и скрылся въ темнотѣ.

Сдерживая дыханіе, полное тревоги, всѣ ожидали его возвращенія. Минутъ черезъ пятнадцать, караванъ-баши появился. У каждаго былъ приготовленъ одинъ и тотъ же вопросъ, но никто не рѣшался произнести его, боясь узнать страшную вѣсть о неминуемой гибели. Но когда Али веселымъ голосомъ сообщилъ, что почти ощупью доискался до глубокаго и длиннаго рва, передъ которымъ конь его остановился, что, по его предположеніямъ, ровъ этотъ доказываетъ или конецъ песковъ, или близость колодцевъ, и что теперь остается лишь ѣхать вдоль рва, который непремѣнно приведетъ къ какому-нибудь пристанищу, тогда лица всѣхъ просвѣтлѣли, силы какъ-будто разомъ вернулись и всѣ радостно послѣдовали за караванъ-баши; даже животныя, сами отъ себя, ускоряли шагъ, точно и они понимали, что насталъ конецъ ихъ страданіямъ. Вѣтеръ, песокъ и всѣ невзгоды были забыты.

Скоро мы почувствовали подъ собою болѣе твердую почву, — надежды на спасеніе оправдались. И погода

сжалилась надъ нами: хотя вѣтеръ продолжалъ дуть одинаково сильно, но песокъ не взвивался уже кверху; тучи раздвинулись и постепенно покинули лазуревый сводъ, на которомъ, въ полномъ блескѣ, засіяла луна. Предположенія Али оказались справедливыми: пески были пройдены; ровъ, вдоль котораго двигался караванъ, былъ ни что иное, какъ старый, давно заброшенный, «арыкъ» *); въ концѣ арыка возвышался полуразвалившійся «кудукъ» **), который и послужилъ мѣстомъ для отдыха, какъ для насъ, такъ и для животныхъ.

Не время было думать объ удобствахъ. Изнемогая отъ усталости и тревоги, мы кое-какъ промывъ глаза, размѣстились въ развалинахъ и съ наслажденіемъ, крѣпко-на-крѣпко уснули; въ это время, пыльныя и

*) «Арыками» называются канавы, нарочно вырываемыя для орошенія полей. Въ Средней Азіи искуственное орошеніе играетъ весьма важную роль, почему и существуютъ тамъ цѣлыя системы орошенія. Кромѣ рѣкъ, множество арыковъ, правильно расположенныхъ, способствуютъ наводненію полей, безъ чего сносный урожай немыслимъ.

**) «Кудукъ»—колодецъ. Въ Средней Азіи, среди степей попадаются часто колодцы; большая часть изъ нихъ обязана возникновеніемъ своимъ бухарскому эмиру Абдулъ-хану. Почти всѣ кудуки эти построены на одинъ образецъ. Въ срединѣ находится цистерна, снабженная ключевою водою; вокругъ цистерны помѣщаются ящикообразныя комнаты, въ которыхъ путешественники могутъ укрыться отъ непогоды: для лошадей и верблюдовъ имѣются большіе дворы и все это окружено большою стѣною. Большія ворота, всегда открытыя, служатъ входомъ. Многіе кудуки и до сихъ поръ сохранили, на своихъ башняхъ, стѣнахъ и куполахъ остатки прежняго великолѣпія. Замысловатые рисунки изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ, мѣстами отбитыхъ и стертыхъ временемъ, еще довольно ясно свидѣтельствуютъ объ изяществѣ древней мавританской архитектуры.

Кудуки эти значительно облегчаютъ и обезпечиваютъ переходы черезъ громадныя песчаныя пространства.

мрачныя развалины показались намъ уютными и привѣтливыми. Только на слѣдующій день мы могли осмотрѣться и убѣдиться, что мѣсто, въ которомъ мы пріютились, не отличалось ни удобствомъ, ни красотою, почему и было единогласно рѣшено поспѣшить отъѣздомъ.

По всему видно было, что кудукъ давно уже не удостоивался посѣщенія живыхъ существъ. Впрочемъ, и это жилище имѣло своихъ обитателей: фаланги и скорпіоны основали въ его стѣнахъ цѣлыя свои поселенія. Отъ ветхости, башни обрушились, купола и плоскія крыши поросли мхомъ; стѣны растрескались; повсюду лежали груды мусора, глины и песку; кое-гдѣ, какъ прутья, торчали повысохшіе кустики. Однимъ словомъ, все было до того мрачно, до того пусто и безлюдно, что намъ, по неволѣ, пришлось покинуть это убѣжище: ни у кого, не смотря на усталость, не было охоты оспаривать песокъ и глину у ядовитыхъ насѣкомыхъ.

Я обратился къ Али съ вопросомъ, гдѣ мы теперь находимся.

— По правдѣ сказать, не знаю, какъ и объяснить,— отвѣчалъ тотъ. — Буранъ свернулъ насъ ташей *) на пять, или на шесть въ сторону отъ караванной дороги.

Это было еще не такъ плохо; при такомъ вѣтрѣ ошибка небольшая.

Проѣхавши верстъ восемь, мы окончательно вступили на твердую, хотя и безводную почву; на далекое пространство виднѣлись солончаки, но они не дѣйство-

*) Ташъ, или фарсангъ, равняется 8-ми верстамъ.

вали такъ подавляюще, какъ прежде, въ виду того рѣзкаго отличія, которое представляли они съ вчерашнею мѣстностью и событіями. Да и кони наши шли бодро; я любовался на своего карабира.

Мнѣ приходилось вскарабкаться на верблюда.

— А что, Сергѣй Ивановичъ, — обратился я къ есаулу,—вѣдь, отъ Наразыма ушли-то далеко, а старшина не уворовалъ еще коня.

— Да, еще! Но подождите немного, успѣетъ и уворовать.

— Типунъ вамъ на языкъ.

Пока мы разговаривали, Анна-Мратъ зорко всматривался въ хвостъ каравана.

— Что ты тамъ смотришь; ужъ не новый-ли буранъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не буранъ; а человѣка вижу: вонъ, какой-то всадникъ далеко-далеко ѣдетъ.

Дѣйствительно, на горизонтѣ виднѣлся всадникъ, который, вскорѣ, исчезъ за барханомъ и больше не показывался.

Солнце, какъ-будто устало и не такъ уже жгло, какъ въ предшествовавшіе дни; мы были третій день уже, послѣ бурана, въ дорогѣ; не далеко было и до Карши, какъ со мною случилось крайне непріятное обстоятельство: у меня, во время ночлега, украли лошадь.

— А что, я не говорилъ вамъ?—хохоталъ С—ко.

Но мнѣ было не до смѣху: до Карши оставалось еще 80 верстъ и мнѣ приходилось или идти пѣшкомъ, или вскарабкаться на верблюда и ежечасно, ежеминутно подвергаться утомительной и непріятной качкѣ.

Однако, Анна-Мратъ уступилъ мнѣ свою лошадь и, какъ человѣкъ болѣе привычный, умостился на верблюдѣ.

Оказалось, что я былъ жестоко наказанъ за свое невѣжество: отдалъ добровольно свою лошадь и потерялъ подаренную. Аксакалъ, строго соблюдавшій восточный этикетъ, какъ и подобаетъ акъ-саяку, не могъ не подарить мнѣ карабира, услышавъ ему похвалы, но безпредѣльная алчность, въ то же время, не позволила ему разстаться съ нею. Вотъ, онъ и рѣшилъ, вполнѣ по азіатски, обойдти это затрудненіе: сперва подарилъ, но какъ скоро мы только выступили изъ аула, послалъ своего керикша съ приказаніемъ, незамѣтно уворовать.

—Утѣшьтесь,—успокаивалъ меня С—ко,—въ Карши купите новую; тамъ дешевы лошади.

Приходилось мириться съ обстоятельствами; я далъ себѣ слово скорѣе ругать все туземное, чѣмъ хвалить.

Но вотъ, наконецъ, мы прибыли и въ Карши.

Укрѣпленіе Карши, игравшее довольно важную роль въ исторіи Бухары въ 1869 году *), находится у истоковъ рѣки Кашка-Дарья, въ болѣе плодородной части ханства; рѣзко отличается отъ пройденныхъ нами ауловъ. Правда, онъ не отличался пышной растительностью и живописнымъ мѣстоположеніемъ, но и то, что было, успокоительно дѣйствовало на нервы, слишкомъ утомленные однообразіемъ пройденной степи. Внѣшнимъ своимъ видомъ, городокъ этотъ тоже отличается отъ поселеній западной части ханства; здѣсь нѣтъ ни кибитокъ, ни юртъ,—жители живутъ въ глинобитныхъ и, подчасъ, сырцовыхъ сакляхъ, съ плоскими крышами и окнами, затянутыми бумагой или бычачьимъ пузыремъ; стеклянныя рамы, какъ роскошь, служатъ достояніемъ только богатыхъ. Въ городѣ вонь и страшная нечистота; кучи мусора окончательно запружаютъ узкія улицы, по которымъ проѣхать въ арбѣ не всегда бываетъ удобно. Но, что страннѣе всего и рѣзко бросается въ глаза, такъ это то, что городокъ, сравнительно маленькій,—переполненъ шляющимися кудушами, т. е. странствующими дервишами, выпрашивающими себѣ подаяніе. *Кудуши* эти, или, какъ ихъ называютъ бухарцы, *диваны*, т. е. сумасшедшіе, дѣйствительно, смахивають на таковыхъ. Представьте себѣ человѣка оборваннаго, босаго, съ непокрытою, всклокоченною головою, усѣяннаго паразитами, который, при встрѣчѣ съ вами, насквозь пронизываетъ дикимъ взглядомъ и неистово реветъ вамъ въ упоръ: «Я ху, я хакъ, ла-иллахи-иллаху» *),—и вы получите понятіе о *диванѣ*. Ходя изъ дома въ домъ съ кешкулемъ **) подъ мышкой, онъ выпрашиваетъ себѣ подаяніе и кладетъ его въ этотъ сосудъ все вмѣстѣ: и горячее, и холодное, и кислое, и сладкое, и соленое, и прѣсное. Единственно ихъ не стѣсняются женщины и открыто показываютъ свои лица, тогда какъ для взоровъ постороннихъ онѣ всегда полузакрываютъ его. Нельзя сказать, чтобы въ Бухарѣ особенно была развита гаремная жизнь, но все-таки свобода женщины здѣсь гораздо болѣе стѣснена, чѣмъ у текинцевъ, гдѣ женщина пользуется равноправностью.

Мало того, диванъ даже пользуется уваженіемъ и, не смотря на свое, повидимому, беззащитное положеніе, огражденъ отъ всякихъ обидъ. Прибытіе такого дервиша въ домъ, при суевѣріи туземцевъ, считается примѣтой. Такъ, напримѣръ, пришелъ онъ въ полдень—будетъ ссора у мужа съ женой, утромъ—благополучное рожденіе верблюда или лошади, а вечеромъ—отважный женихъ посватается за взрослую дочь.

Хотя бухарцы и оказываютъ вниманіе и уваженіе къ подобнымъ святошамъ, напоминающимъ нашихъ *юродивыхъ*, тѣмъ не менѣе, при подачѣ милостыни, не особенно щедрятся. Ужъ такова восточная натура, что жадность составляетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ ея.

*) Въ 1869 г., сынъ эмира, Мазаффоръ-эддинъ, поднялъ, въ Карши, возстаніе противъ отца.

*) Да, это онъ! Онъ справедливый; нѣтъ другаго Бога, кромѣ него.
**) Кешкуль—глиняный кувшинообразный сосудъ.

Старый коврикъ, горсть верблюжьей шерсти, кусокъ кошмы (войлока), да кое-что изъ пищи—вотъ и все, на что можетъ разсчитывать нищенствующій дервишъ...

Мы остановились въ караванъ-сараѣ; отдохнувъ немного, мы отправились съ Али поискать гдѣ-нибудь лошадь; послѣ непродолжительныхъ поисковъ была найдена небольшая, но крѣпкая киргизская лошадка, которую я и купилъ за 200 кокановъ *).

1969г

Среди небольшой и душной комнатки, на полу, лежалъ покойникъ.

Мы возвращались уже домой, когда большое сборище народа около одной изъ сакель обратило наше вниманіе. Оказалось, что въ домѣ былъ покойникъ.

— А намъ можно туда зайдти?— спросилъ я Али.

— Отчего-же, зайдемъ.

*) Коканъ равенъ 20-ти коп.

Меня очень интересовали похоронные обряды бухарцевъ.

Мы вошли.

Среди небольшой и душной комнатки, на полу, лежалъ покойникъ, зашитый въ бѣлую кошму и покрытый кускомъ парчевой матеріи; вокругъ него, на корточкахъ, сидѣли родные и родственники, оглашая саклю рыданіями и всхлипываніями; молодая жена его выла и причитала, но, какъ видно было, вытье это было далеко не отъ души: нелюбимый былъ, видно, мужъ... Вскорѣ явился мулла, который, совершивъ омовеніе, прочелъ нѣсколько молитвъ и вышелъ изъ сакли; четыре человѣка, положивши покойника на носилки и поднявъ ихъ на плечи, послѣдовали за муллою. Родные покойника помѣстились за носилками, за ними толпа народа и въ такомъ порядкѣ шествіе двинулось на кладбище.

Мы примкнули къ шествію.

Когда процессія достигла могилы, мулла, воздѣвъ надъ нею руки къ небу, какъ бы благословляя, прочелъ нѣсколько молитвъ, затѣмъ взялъ горсть земли и, дунувъ три раза на покойника, посыпалъ землею грудь, послѣ чего его опустили въ могилу и начали засыпать землею. Кальянъ, новый халатъ, папаха и остроконечные сапоги послѣдовали въ вѣчное жилище, за своимъ владѣльцемъ.

Послѣ совершенія погребальнаго обряда, шествіе двинулось обратно. Впереди всѣхъ шелъ мулла, свертывая и пряча парчевую матерію, бывшую на покойникѣ и теперь, по туземному обычаю, поступившую въ его владѣніе.

А около дома, между тѣмъ, шли приготовленія къ тризнѣ. Около большихъ котловъ, утвержденныхъ надъ огнемъ, копошились женщины. Насъ пригласили присутствовать на тризнѣ.

Пока гости разсаживались во дворѣ, около сакли, мы подошли къ котламъ, гдѣ приготовляли оригинальный пиръ.

Женщины роздали мужчинамъ большіе куски мяса, которое они начали крошить также мелко, какъ табакъ, а женщины, тѣмъ временемъ, приготовляли изъ тѣста большія лепешки въ простыню толщиною. Искрошенное мясо завертывали въ эти лепешки и опускали въ котлы съ горячей водою, приговаривая пословицу: «*Итданъ чапы юнъ нандинъ каны*», т. е. «у мяса нѣтъ души, а у тѣста—крови...»

Тризна продолжалась чуть не до полуночи, сопровождаемая раздачей милостыни, состоящей изъ хлѣба и баранины; но мы, побывъ часъ, отправились восвояси, а на другой день уже двигались по направленію къ Гузару.

910 П. Васильевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УРОКИ ТОПОГРАФІИ

ДЛЯ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ.

(Составилъ поручикъ В. Ястребовъ.)

(Продолженіе *).

Урокъ 4-й.

§ 19. Хотя горизонтали даютъ очень точное изображеніе поверхности, однако, онѣ имѣютъ два недостатка: во-первыхъ, изображеніе выходитъ не достаточно наглядно, такъ что быстрое представленіе себѣ поверхности мѣстности трудно, безъ большаго навыка; а во-вторыхъ, онѣ не изображаютъ вовсе такихъ неровностей, которыя имѣютъ меньшую высоту, чѣмъ высота одной изъ горизонталей надъ другой, ближайшей. Дѣйствительно, положимъ, что возвышенность AB (черт. 35), имѣющая высоту $4^1|_2$ саж., изображается горизонталями на планѣ, въ масштабѣ въ 1 д. 100 саж., тогда высота сѣченія будетъ=1 саж. (§ 17), и, значитъ, на планѣ скатъ между 3-ю и 4-ю горизонталями выйдетъ гладкій и пологій, а валикъ B и ровикъ Γ на планѣ не выйдутъ совсѣмъ, между тѣмъ, какъ этотъ валикъ надъ дномъ рва имѣетъ высоту 2 аршина и можетъ служить прекраснымъ закрытіемъ. Поэтому, на военныхъ планахъ, гдѣ такія небольшія неровности имѣютъ очень

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

сились за нимъ. Народъ провожалъ Царскаго Сына за городъ, а лица, имѣвшія экипажи, слѣдовали до станціи «Подгородной». На 5-й верстѣ собралась группа офицеровъ фрегата «Память Азова», съ хоромъ музыки, и проводила своего возлюбленнаго Цесаревича съ бокалами шампанскаго. Прощаніе происходило въ высшей степени сердечно и трогательно. На станціи «Подгородной» также собралось не мало морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, чтобы выразить свои искреннія пожеланія Августѣйшему Путешественнику и пожелать счастливаго пути. Наслѣдникъ Цесаревичъ, поцѣловавшись три раза съ Греческимъ Принцемъ, простившись съ офицерами и іеромонахомъ фрегата «Память Азова», окропившимъ святой водой коляску, пригласилъ къ себѣ въ экипажъ приамурскаго генералъ-губернатора, и поѣздъ тронулся въ путь. Приамурскій губернаторъ провожалъ Высокаго Путешественника до Хабаровки.

Отсюда уже начинается путешествіе Его Высочества по русскимъ владѣніямъ и возвращеніе на родину.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

(Съ рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

кончились собственно дѣйствія войскъ, и XIV-го армейскаго корпуса подъ Силистріею, противъ которой продолжалъ дѣйствовать особый Каларашскій отрядъ, хотя частію, подчиненный командиру корпуса, но находящійся въ распоряженіи командующаго войсками въ тылу арміи. Мелкіе же отряды продолжались посылаться, время отъ времени, въ сторону Силистріи. Такъ, 5-го октября, казаки захватили у села Сейлыка турецкій транспортъ изъ 100 повозокъ съ провіантомъ; разбивъ прикрытіе его въ 150 человѣкъ, изъ которыхъ человѣкъ 30 были изрублены, 30 было взято въ плѣнъ, а остальные разбѣжались. 6-го же октября, казаки лихо, молодецки, атаковали два эскадрона турецкой кавалеріи и обратили ихъ въ бѣгство. Наблюденіе за непріятелемъ къ сторонѣ Силистріи не ослабѣвало; отряды казаковъ давали башибузукамъ и туркамъ чувствовать силу и значеніе русскихъ войскъ.

На усиленіе войскъ XIV-го корпуса, 5-го сентября, прибылъ Бѣлорусскій гусарскій полкъ. Главное вниманіе войскъ XIV-го корпуса было обращено на Базарджикъ, куда и были направлены послѣдующія рекогносцировки и даже все движеніе войскъ корпуса.

101 Ф. В. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Кн. 5. Вып. IX. 1891 г.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

V.

Въ дорогѣ. — Рѣка Кучанъ. — Байсунъ. — Бухарскія войска — Караванъ. — Наше переодѣваніе. — Выступленіе къ Аму-Дарьѣ.

тъ Карши, степи какъ будто и не бывало. Болѣе привѣтливая мѣстность смѣнила ее. Утомленнымъ докучнымъ однообразіемъ степи, глазамъ представлялось отрадное зрѣлище: мы ѣхали вдоль берега рѣки Кучанъ. Начали появляться зеленые лужки; кое-гдѣ, по близости ру-

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

чейковъ, попадались маленькія березки и даже фруктовыя деревья; по разнымъ направленіямъ тянулись арыки, окаймляя небольшія поля. Вдали зачернѣло нѣсколько темныхъ пятенъ, — то были табуны лошадей и стада.

Караванъ подвигался черезчуръ медленно, а между тѣмъ, времени свободнаго у насъ было мало, поэтому, мы рѣшились отдѣлиться отъ каравана и форсированнымъ маршемъ отправляться далѣе. Поблагодаривъ Али за его гостепріимство, мы съ нимъ распрощались у Тахтапула и двинулись впередъ на рысяхъ.

Переѣзжая отъ кишлака къ кишлаку, отъ аула къ аулу, по мѣстности хорошо воздѣланной и орошенной, на третій день мы достигли Байсуна.

Небольшой, въ сущности, городокъ Байсунъ, состоящій всего изъ пяти тысячъ дворовъ, окруженъ громадными садами и представляетъ собою сплошной садъ. Красивыя мечети, башни, медрессе (школы) и другія старинныя зданія, украшая городъ, служатъ памятниками бывшаго могущества и процвѣтанія Бухары, хотя, собственно говоря, городъ этотъ и въ настоящее время, находясь на перекресткѣ всѣхъ караванныхъ дорогъ, процвѣтаетъ, благодаря торговлѣ.

Не смотря на раннее время (еще не было шести часовъ), узкія городскія улицы и обширныя площади кишѣли разношерстнымъ людомъ. Рядомъ съ грязными киргизами, гнавшими длинныя вереницы тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, важно гарцовали, на красивыхъ аргамакахъ, чалмоносцы, въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ, шелковыхъ и парчевыхъ халатахъ. Мердекеры [1]), съ китменями [2]) на плечахъ, спѣшили уже на работу; отряды исхудалыхъ сарбазовъ [3]), въ синихъ, красныхъ и черныхъ курткахъ, не стройно и не въ ногу, неохотно шли занимать свои караулы. По всѣмъ направленіямъ сновали кудуши со своими непзмѣнными кешкулями, дико выкрикивая свое: «я—ху».

Съ кудушами, по части выпрашиванія милостыни, соперничали байгуши и люлли [4]), шлявшіеся почти безо всякой одежды.

Азанги прокричали уже свой ранній призывъ; намазъ-баумдатъ [5]) давно былъ уже совершенъ и мударисы со своими шагирде [6]) вышли изъ медрессе и мечетей на утреннюю прогулку.

На базарахъ оживленіе было еще большее. Баккали и садугары [7]) открыли свои конурки, т. е. лавки, и выставили на показъ свои, хотя и не затѣйливые, но за то, чрезвычайно пестрыя и разнообразные товары, и важно разсѣлись на прилавкахъ, поджавъ подъ себя ноги. Въ узкихъ рядахъ между лавками, шумя и крича толкалась толпа народу, составленная изъ всевозможныхъ народовъ: тутъ можно было видѣть и ногаевъ [8]), въ мерлушечьихъ шапкахъ и однобортныхъ кафтанахъ, и мрачныхъ авганцевъ—съ небрежно накрученными на голову чалмами, индусовъ—съ огнен-

---

[1]) Рабочій—поденьщикъ.
[2]) Китменъ—рубящая лопата.
[3]) Сарбазъ—солдатъ.
[4]) Байгушъ—нищій; люлли—цыганс.
[5]) Первая молитва, произносимая при восходѣ солнца.
[6]) Шагирде—ученики.
[7]) Баккали—мелочной торговецъ; садугаръ—крупный торговецъ.
[8]) Ногаи—татары.

нымъ знакомъ на лбу [1]) и двумя косичками, спускающимися до плечъ, въ туго облегающихъ тѣло одеждахъ, и босоногихъ джугутовъ [2]), въ темныхъ халатахъ, подпоясанныхъ веревочками и въ грязныхъ остроконечныхъ ермолкахъ, изъ подъ которыхъ болтались длинные пейсы, и узбековъ, и таджиковъ. А посреди этого люда, на подобіе тѣней, проскальзывали женскія фигуры, покрытыя чадрами и плотно укутанные въ длинныя фаренджи [3]). Чай-хане [4]) тоже успѣли наполниться посѣтителями, въ нихъ раздавались заунывныя пѣсни подъ звуки дуторы и сурная [5]), а передъ ними диваны, одѣтые въ звѣриные шкуры шерстью наружу, и въ мохнатые шапки, украшенные перьями, лентами, тряпками и бумажками, съ длинными палками, на которыхъ были навѣшены пузыри и погремушки, вертясь, кружась, подпрыгивая, разсказывали разныя легенды, произносили проповѣди и изрекали взевозможныя проклятія на кяфировъ.

Здѣсь вы уже не встрѣчаете той вѣротерпимости, что у текинцевъ. Равнодушное отношеніе къ религіи первыхъ замѣняется здѣсь фанатизмомъ.

То—здѣсь то—тамъ, показывались красные халаты курбашей [6]), усердно расчищавшихъ отъ толпы дорогу для проѣзда различныхъ должностныхъ лицъ и важ-

---

[1]) Отличительный знакъ у огнепоклонниковъ.

[2]) Джугутъ—еврей.

[3]) Чадра, или чашъ-бендъ, — волосяная сѣтка, которою женщины прикрываютъ свое лицо; фаренджи—женскій халатъ.

[4]) Чай-хане—нѣчто въ родѣ нашей кофейни.

[5]) Дутора—гитара; сурнай—дудка, вродѣ кларнета.

[6]) Полицейская стража.

ныхъ акъ-саяковъ, и немилосердно, безо всякой видимой причины, колотившихъ своими палками простой народъ. Ко всему этому прибавьте скрипъ арбъ и крикъ различныхъ животныхъ, и тогда можно составить себѣ понятіе о томъ зрѣлищѣ, которое представилось намъ при въѣздѣ въ Байсунъ.

Мы остановились въ главномъ караванъ-сараѣ, который въ Азіи имѣетъ то же значеніе, что гостинница въ Европѣ. Въ этомъ же самомъ караванъ-сараѣ снаряжался въ путь тотъ самый караванъ, съ которымъ мы должны были совершать путешествіе. Хозяинъ его, персидскій купецъ Мамедъ-Али, довольно хорошо говорившій по русски, обрадовался С—ко.

— Очень радъ, очень радъ,—говорилъ онъ, пожимая ему руки;—а это, вѣроятно, вашъ товарищъ?—подошелъ онъ ко мнѣ;—позвольте представиться.

Я былъ удивленъ и пораженъ: ожидалъ встрѣтить обыкновеннаго, неряшливаго, только богатаго персюка, а встрѣтилъ чуть не барина. Онъ замѣтилъ мое удивленіе.

— Васъ удивляетъ, что я говорю по русски, и что у меня голова не брита и борода не крашена? — засмѣялся онъ.—Погодите, еще выкрашу.

— Не то, что борода не крашена, а то, что вы такъ чисто говорите по русски.

— Вѣдь, я же родился, выросъ и учился въ Баку, въ тамошнемъ реальномъ училищѣ.

— Ахъ, такъ вы его кончили?

— Нѣтъ, вышелъ изъ пятаго класса: за дебошъ исключили; что подѣлаете: молодость!

Я былъ въ восторгѣ: путешествіе съ Мамедъ-Али,

говорящимъ по русски и прекрасно знающимъ мѣстность, туземные нравы и обычаи, было интересно.

Отдохнувъ немного, мы отправились осмотрѣть городъ, а такъ какъ средоточіе общественной жизни на востокѣ всегда на базарахъ, то мы и послѣдовали туда.

1969—2

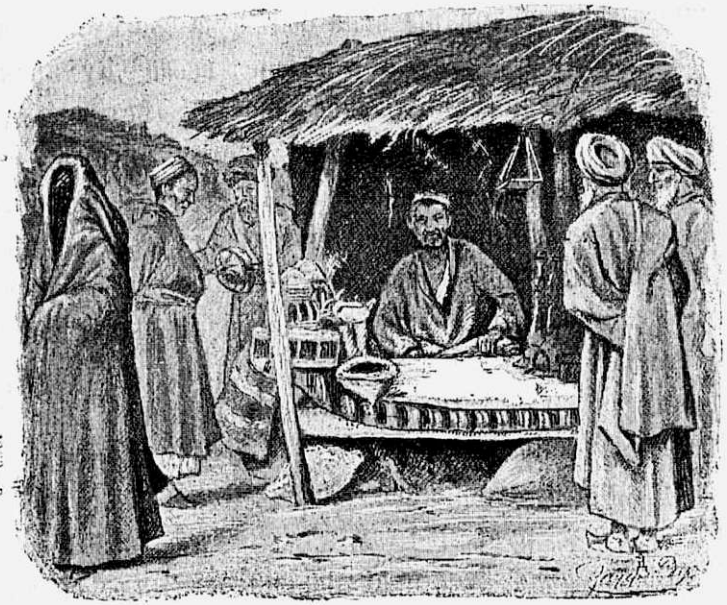
Базаръ, какъ и всѣ азіятскіе базары, состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, вмѣщающихъ въ себѣ, помимо магазиновъ, хлѣбопекаренъ, чай-хане, еще и мастерскія различныхъ ремесленниковъ, за исключеніемъ ткачей и шелкопрядовъ. Нѣкоторые изъ этихъ кварталовъ, будучи покрыты сверху, имѣютъ видъ темной галлереи, почему и называются «темными рядами»; вонь и нечистота въ этихъ рядахъ замѣчательная; даже въ сильную жару чувствуется тамъ прохлада, но прохлада

не освѣжающая, а напоминающая собою атмосферу помойной ямы. Лавченки, всѣ безъ исключенія и во всѣхъ кварталахъ, имѣютъ жалкій видъ, но за то, какъ бы въ подтвержденіе пословицы, что «наружность обманчива бываетъ», вмѣщаютъ въ себѣ, зачастую, довольно цѣнные товары и на большую сумму. Однако, рынокъ Байсуна, какъ и вообще всего Бухарскаго ханства, не изобилуетъ разнообразіемъ мѣстныхъ произведеній: ковры, шелкъ, сырецъ, кожи, бирюза, шерстяныя издѣлія, произведенія и чія (трава—родъ тростника), еще нѣкоторые продукты,—вотъ и все; остальные же товары—привозные, большею частью—русскіе. Но, за то, мѣстныя произведенія поразительно дешевы, точно также, какъ и продукты. Такъ, напримѣръ, 1 батманъ (т. е. 8 пудовъ) пшеницы стоитъ 2 руб., 1 батманъ ячменя 1 р. 60 к., 1 батманъ рису 6 р. 1 батманъ муки пшеничной 2 р. 80 к., 1 пудъ коровьяго масла 3 руб. и т. д.

Мануфактурная же промышленность мало развита и состоитъ только изъ предметовъ первой необходимости, какъ-то: сѣделъ, конской сбруи, шашекъ и ножей. Впрочемъ, шашки и ножи, особенно каратагскіе заслуживаютъ вниманія. Каратагскіе клинки имѣютъ превосходную отдѣлку и по своимъ качествамъ не уступаютъ клинкамъ дамасскимъ; кривизна и центръ тяжести ихъ разсчитаны вѣрно, но за то, они слишкомъ тяжелы и массивны. Цѣна каратагской шашки отъ 100 до 200 кокановъ, т. е. 20—40 руб., а ножи отъ 10—50 кокановъ, т. е. 2—10 рублей.

На сколько дешевы мѣстные товары, на столько дороги привозные и, нужно сказать, не къ чести на-

шихъ фабрикантовъ,—страшная дрянь. Нѣкоторыхъ-же, какъ наприм., спиртныхъ напитковъ, какъ недопускаемыхъ магометанской религіей, нельзя достать ни за какія деньги.

Главными торговцами здѣсь являются индійцы и, какъ всегда и вездѣ, евреи, которыхъ положеніе здѣсь, не смотря на ихъ богатство, слишкомъ стѣснительно и унизительно. Они не имѣютъ права не только носить чалму, или цвѣтной халатъ, но и сапоги; даже ѣздить на лошади не позволяется; а о громадномъ размѣрѣ податей, ими вносимыхъ въ кассу бековъ, — и говорить нечего.

— Посмотри-ка на выраженія лицъ прохожихъ, насъ осматривающихъ,—сказалъ мнѣ С—ко, когда мы входили на базаръ.

Дѣйствительно, наблюденія могли быть интересны.

Бухарская молодежь смотрѣла на насъ ласково и привѣтливо, тогда какъ нѣкоторые изъ стариковъ—враги всякихъ новшествъ, а слѣдовательно и подчиненности Россіи,—сурово и изподлобья, татары—дружелюбно, индусы—крайне гордо и надменно, а евреи, по обыкновенію,—подобострастно и заискивающе.

Жалкій народъ! Я отъ души сожалѣю ихъ, не смотря на то, что баталіонный портной постоянно «накрывалъ» меня, маркитантъ (все евреи, конечно)—обсчитывалъ и недавно еще ювелиръ надулъ, продавая вызолоченую цѣпочку за золотую...

Пройдя базаръ, мы очутились на площади. Предъ нами высилась величественная мечеть съ бѣлымъ минаретомъ, построенная еще эмиромъ Абдулла-ханомъ, —этимъ царемъ-архитекторомъ.

Съ выступа, для азана (призыва къ молитвѣ) раздавался плачевный, за душу хватающій, призывъ:

«Ал-ла-Акберъ! *).
Ашхеду-у-энло-о-эллога-эль-Алла! **).
Ашхеду-у-Анна Мухамедъ анъ рессуль Алла!
Ашхеду-у-Анна Алли анъ вали юл-ла!
Гайя-я аль сел-ло!
Гайя-я анъ аль фел-ло!
Гайя-я ало хейеръ эль аманъ!
Ал-ла Акберъ!
Ло элоге, эль Алла!»

---

*) Богъ великъ! (повт. 4 раза).
**) Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Тебя, Боже! (повт. 2 раза).
Исповѣдую, что Магометъ—пророкъ Божій! (повт. 2 раза).
Исповѣдую, что Алли—намѣстникъ его (повт. 2 раза).

Мы вошли внутрь. Тишина мечети такъ противуположна кипучей уличной жизни, что невольно чувствуешь себя въ дому Божьемъ. Намъ надѣли туфли и мы вошли внутрь храма.

Асфальтовый полъ устланъ циновками и коврами; съ куполовъ, на крѣпкихъ мѣдныхъ цѣпяхъ спускаются безчисленныя лампады. Каждый выступъ испещренъ изящнѣйшими арабесками; самое смѣлое воображеніе начертало планъ этихъ высокихъ куполовъ, широко раскинувшихся арокъ и стройныхъ колонъ.

Все то, что для украшенія храма состоитъ въ распоряженіи христіанской церкви: картины, образа, блестящія украшенія алтаря, ладанъ и цвѣты, — все это воспрещено для мечети: ей данъ одинъ только камень и изъ него она творитъ чудеса!

Стѣны покрыты надписями, простая кафедра украшена изрѣченіями изъ Корана; нѣтъ ни хоровъ, ни галлерей, которые пересѣкали-бы смѣлое очертаніе сводовъ и стрѣлокъ; нѣтъ ни одной молельной скамьи, которая-бы стѣсняла внутренность храма,—все пространство свободно.

На соломенныхъ циновкахъ лежали, распростертые въ молитвѣ, правовѣрные; другіе-же, благоговѣйно наклоняя головы, читали Коранъ. Но вотъ, на каѳедрѣ появился мулла... Молящіеся поднялись... Началась проповѣдь.

Много приходилось, во время моихъ скитаній, слышать различныхъ проповѣдей и горячихъ, дышащихъ фанатизмомъ, либо—религіознымъ, либо—политическимъ, и обыкновенныхъ проповѣдей, произносимыхъ, что называется, по заказу; но такой проповѣди, какую я услышалъ въ байсунской мечети, по правдѣ сказать, не слышалъ никогда. Мулла говорилъ о страшномъ судѣ.

— О... о... о...ву!—началъ онъ,—и ульквянъ кчи джаксыдаръ! [1]). Послушайте, правовѣрные, мы всѣ умремъ! (Истину-то какую сказалъ!) Этотъ міръ окончится—откроется новый міръ, т. е. будетъ свѣта преставленіе! Другой міръ будетъ не такой, какъ настоящій. Земля тамъ будетъ бѣлая, такая, на которой никто не дѣлалъ грѣховъ; она будетъ горячая, какъ безводный котелъ, раскаленный на сильномъ огнѣ; солнце будетъ такъ печь, что мозги наши закипятъ (у муллы они уже давно, отъ излишняго увлеченія, вѣроятно, кипѣли), какъ та сурпа [2]), что мы ѣдимъ за обѣдомъ. Вотъ, и будемъ мы стоять на ногахъ, пока очередь не дойдетъ до насъ. Аллахъ не беретъ за свой судъ кулунды-бія [3]), т. е. кобылу съ жеребенкомъ, какъ это дѣлаютъ наши біи [4]). Аллахъ судитъ справедливо, не отличая богатаго отъ бѣднаго... Какъ страшно становится, когда дѣло доходитъ до насъ!... (Проповѣдникъ тяжело вздохнулъ). — Начнетъ Аллахъ разспрашивать насъ; тогда свидѣтелями прійдутъ наши скоты и скажутъ: «хозяинъ билъ насъ и отводилъ дурныя мѣста для пастбищъ». Верблюдъ скажетъ: «на меня навьючивали болѣе положеннаго вѣса тяжестей и заставляли дѣлать болѣе, чѣмъ по закону полагается»... Послѣдовательно, всѣ животныя будутъ жаловаться... Какъ намъ будетъ тяжело!... Подумайте только, правовѣрные!

---

[1]) Хорошіе старые и молодые люди.

[2]) Сурпа — кушанье, напоминающее намъ бульонъ, слишкомъ горячее, приготовляется изъ сорго.

[3]) Кулунды-бій—значитъ, взятка.

[4]) Бій—судья.

Сильно дѣйствовали слова на слушателей; всѣ опустили головы и, сжимая руки, поминутно вскрикивали:

— Ой, бай!... Кудаяй сактой кюръ! *).

1993—1

Потомъ, все болѣе воодушевляясь и возвышая голосъ, проповѣдникъ продолжалъ: «Потомъ пойдетъ допросъ нашей одеждѣ.—Хорошо-ли тебя носилъ хозяинъ твой?—спроситъ Аллахъ у твоего гупи **); затѣмъ, спроситъ сапоги. Если ты подъ гупи не носилъ рубашки, то тебѣ—хорошо, въ противномъ же случаѣ, ждетъ тебя наказаніе и ты не избѣжишь вѣчныхъ страданій!»...

*) О, Боже! сохрани насъ.

**) Толстый халатъ, подбитый шерстью, который бухарцы и киргизы, въ теченіе шести мѣсяцевъ, носятъ, не поддѣвая подъ него рубахи и не обмывая даже тѣла, почему миріады вшей заводятся въ этой одеждѣ. Носится же она въ воспоминаніе того, что Магометъ носилъ на чистомъ тѣлѣ хирку изъ верблюжьей шерсти.

Долго еще говорилъ въ этомъ родѣ мудрый мулла, но закончилъ, видно, чѣмъ-то хорошимъ (я уже и не слушалъ), потому что опущенныя головы поднялись, лица всѣхъ просіяли и общее удовольствіе выразилось въ шумныхъ восклицаніяхъ:

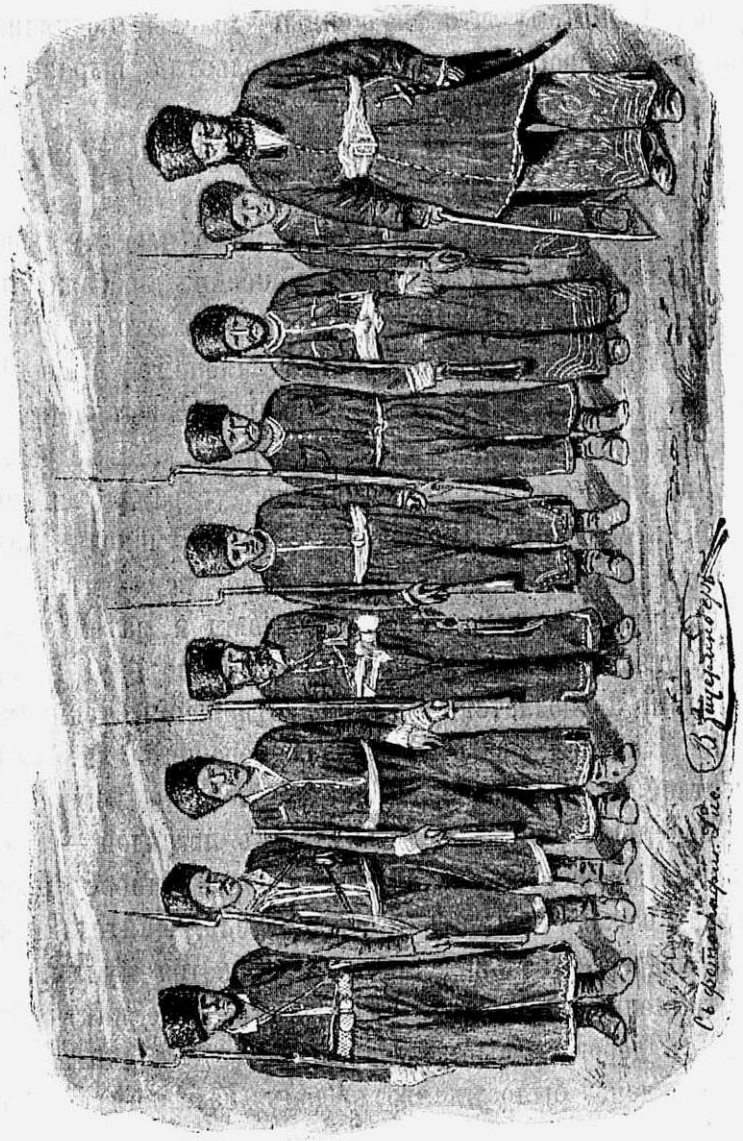
— Барекяльда! Барекяльда! Мулла мулде инкянъ! *) —говорили слушатели, выходя изъ мечети.

Мы послѣдовали за остальными и черезъ дворъ, среди котораго былъ устроенъ бассейнъ, обсаженный талами, и вышли на улицу. Въ бассейнѣ этомъ правовѣрные совершали, предписанныя закономъ, омовенія; тутъ же вертѣлось нѣсколько дервишей и выпрашивало милостыню, а нѣсколько правѣе возвышалась медрессе, т. е. школа, которая, обыкновенно, устраивается при большихъ мечетяхъ. Преподаваніе въ этой школѣ, какъ и вообще во всѣхъ бухарскихъ, самое первобытное, а курсъ наукъ состоитъ изъ богословія и математики, не идущей, впрочемъ, дальше нумераціи до 1,000; даже исторія не преподается. Въ этомъ отношеніи, текинскія школы Ахала, Мерва и Атека ихъ перещеголяли. Тамъ отечественная исторія преподается, хотя и устно,— а слѣдовательно, факты перемѣшаны съ легендой,—тѣмъ не менѣе, юношество учится не повторять ошибокъ предковъ и уважать доблесть и добродѣтель. Учителями въ этихъ медрессе, большею частью, являются муллы...

Утомленные жарою и не отдохнувъ еще какъ слѣдуетъ съ дороги, мы возвращались уже домой... но, намъ суждено было въ этотъ день наталкиваться на

*) Да благословитъ тебя Богъ! Ахъ, какой благоученый человѣкъ! (т. е. знающій все хорошо).

интересныя зрѣлища. Проповѣдь высокоученаго муллы

насъ забавляла; но то, что пришлось увидѣть на площади, привело въ неописанный восторгъ.

Взводъ бухарской пѣхоты производилъ ученіе. Мы остановились посмотрѣть. Но что это за пѣхота! Одѣтые въ красныя куртки, бѣлые штаны, персидскія черныя мерлушковыя шапки и сапоги съ короткими голенищами, сарбазы, поставленные во фронтъ безъ всякаго ранжира, проходили по площади церемоніальнымъ маршемъ, выпятивъ впередъ толстые животы и превративъ фронтъ въ безконечно-ломанную линію. Низенькій, толстенькій, бухарскій офицерикъ, одѣтый въ такую же куртку, только пощеголеватѣе, командовалъ по русски: «лѣвой, правой, лѣвой, правой!» — и отбивалъ тактъ ногою. Но, увы! Всѣ старанія его были тщетны: взводъ шелъ не въ ногу.

Это, наконецъ, надоѣло, повидимому, командиру, онъ сплюнулъ со злости въ сторону, выругался (по бухарски уже) и крикнулъ:

— Стой! Оправсь!

Замѣтивъ на насъ русскіе мундиры, онъ быстро подошелъ, представился и залебезилъ.

— Что, туго подвигается ученье у васъ? — спросили мы его.

— Да, что подѣлаете; ученье всего два раза въ недѣлю, а бываетъ и такъ, что разъ въ мѣсяцъ.

— Это почему же?

— Да потому, что сарбазы заняты работами, либо —казенными, либо—своими.

— А команда почему же у васъ порусски?

— Не знаю; на то—воля эмира.

— Да, вѣдь, сарбазы не понимаютъ же русскаго языка?

Офицеръ пожалъ плечами; видимо, ему не ловко было за своихъ солдатъ.

— Командныя слова научились понимать, — заявилъ онъ.

— Ну, а стрѣлковое дѣло какъ у васъ?

Онъ только рукой махнулъ.

— А ружья у васъ какой системы? Позволите полюбопытствовать?

— Пожалуйста! — Тутъ несчастный офицерикъ въ конецъ сконфузился.

Каково же наше было удивленіе, когда мы замѣтили, что сарбазы вооружены гладкоствольными ударными и кремневыми ружьями, между которыми попадались безъ спусковыхъ скобокъ и даже безъ замковъ.

Я искусалъ себѣ всѣ губы, чтобы не расхохотаться и не обидѣть офицера. Вообще, наружный видъ бухарскихъ войскъ далеко не боевой и даже не регулярный. Преобладающимъ родомъ оружія является пѣхота, которой въ ханствѣ лишь только 12 тысячъ; конныхъ же сарбазовъ только двѣ тысячи, а артиллеріи 60 орудій.

Ученія этимъ войскамъ производятся повсемѣстно рѣдко и крайне безобразно, напираютъ на церемоніальный маршъ и ружейные пріемы, производящіеся по русскому уставу. Стрѣлковое же дѣло—въ окончательномъ загонѣ. Вялость народа отражается и на войскахъ; нравственный духъ ихъ въ полномъ упадкѣ; дисциплина поддерживается только строгостью.

Какъ на образецъ любви къ родинѣ и сознанія долга бухарскаго солдата, я укажу на удивленіе одного изъ нихъ, когда онъ узналъ, что нашъ русскій солдатъ получаетъ только 90 коп. въ 4 мѣсяца.

— Какъ же долженъ быть глупъ вашъ солдатъ, если онъ служитъ за такую бездѣлицу. Совсѣмъ цѣны не знаетъ,—отрѣзалъ бухарскій унтеръ.

— Да ты почему служишь?

— Я?! За тѣ двадцать коканов, которые получаю каждый мѣсяцъ.

Понятно, что отъ подобнаго солдата многаго ожидать нельзя.

Въ мирное время, каждый пѣхотный и артиллерійскій сарбазъ получаетъ 20 коканов, т. е. 4 руб., а въ военное—35 коканов, т. е. 7 руб. Кавалеристы же, взамѣнъ денежнаго содержанія, получаютъ пшеницы въ натурѣ по 8-ми батмановъ на каждаго въ годъ, т. е. около 8-ми четвертей.

Вещевое довольствіе сарбазовъ, отпускаемое отъ казны, ограничивается только одною мундирною парою въ годъ, но и эта одежда выдается имъ на руки лишь при исполненіи обязанностей службы, обыкновенно же, они носятъ свою собственную одежду и обувь, не стѣсняясь при этомъ опредѣленною формою. Только для отличія ихъ отъ прочихъ туземцевъ, они обязаны носить форменную персидскую шапку.

Провіантскаго же довольствія не отпускается ни какого. Положеніе бухарскихъ офицеровъ тоже не блестящее; между ними служатъ много персовъ и аравитянъ, которые дослуживаются большихъ военныхъ и придворныхъ чиновъ. Персы здѣсь, какъ среди войскъ, такъ и среди народа пользуются гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ у текинцевъ, привыкшихъ смотрѣть на нихъ, какъ на трусовъ, а слѣдовательно, людей подлыхъ и никуда не годныхъ.

Усталые и разбитые, мы возвратились домой, од-

нако, долго еще не могли уснуть. С—ко смѣшилъ меня, прохаживаясь на счетъ «непобѣдимой славной арміи могущественнаго эмира бухарскаго».

— Вы не смѣйтесь,— говоритъ онъ, — что ружья у нихъ безъ замковъ; это не болѣе, какъ доказательство храбрости; на ружья они смотрятъ не какъ на оружіе, потому что, по ихъ мнѣнію, огнестрѣльное оружіе—оружіе трусовъ; для нихъ же ружья — такъ себѣ: для пріемовъ.

Потомъ онъ принялся рисовать каррикатуры бухарскихъ солдатъ и, въ концѣ-концовъ закончилъ, обругавъ всѣхъ бухарцевъ «прохвостами».

Однако, усталость взяла-таки свое и вскорѣ сарбазы намъ снились только во снѣ: «правой, лѣвой, правой, лѣвой!»—раздавалось въ ушахъ. С—ко даже и во снѣ хохоталъ.

На другой день, караванъ началъ окончательно приготовляться къ выступленію, а мы принялись за свой маскарадъ. За одинъ коканъ, я оставилъ въ одной изъ лучшихъ байсунскихъ цирюлень свои волосы, а къ вечеру былъ одѣтъ уже совершенно персомъ; оставалось только татуировать себя красной краской, каковую операцію съ успѣхомъ произвелъ Мамедъ.

Надѣвъ шапку и спрятавъ руки въ карманы, я былъ совершенно похожъ на самаго себя, даже и послѣ превращенія въ перса. Но, какъ выглядѣлъ С—ко! Этого я и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха. Пробритая посрединѣ и побокамъ голова, какъ у пѣтуха, торчащіе гребни волосъ; полосатая борода, почти въ перемежку, то—красная, то—черная, дѣлали его до того смѣшнымъ, что я началъ уже серьезно побаиваться, что не выдержу своей роли и расхохочусь когда-нибудь и гдѣ-нибудь, гдѣ этого нельзя будетъ сдѣлать. Но существуетъ довольно вѣрная поговорка:

«стерпится — слюбится». Не прошло и недѣли послѣ нашего маскарада и выступленія изъ Байсуна, какъ мы вполнѣ вошли въ свои роли; даже Мамедъ удивлялся.

940 П. Васильевъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ).

Посьета; 21-го мая послѣдовалъ отъѣздъ Цесаревича изъ Владивостока — по сибирскому пути, а Принца Георгія Греческаго—моремъ. 24-го мая — изъ Сунгачинской, внизъ по Сунгачѣ и Уссури; 29-го—прибытіе въ Хабаровку.

4-го іюня Его Императорское Высочество находился уже въ Благовѣщенскѣ; 5-го—отбылъ въ Стрѣтенскъ, 14-го—прибытіе въ Нерчинскъ, 17-го—въ Читу, 20-го—въ Верхнеудинскъ, 23-го, послѣ переѣзда озера Байкала,—въ Иркутскъ, 27-го—въ Нижнеудинскъ.

1-го іюля Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Красноярскъ, 5-го—въ Томскъ, 10-го—въ Тобольскъ, 14 го—въ Омскъ, 18-го—въ Петропавловскъ, 21-го—въ Троицкъ, 22-го—въ Верхнеуральскъ, 25-го—въ Орскъ, 26-го—въ Оренбургъ, 28-го—въ Бузулукъ, 29-го—въ Уральскъ, 1-го августа отбылъ изъ Уральска и 4-го августа возвратился къ родному очагу Своему, на свѣтлую радость Августѣйшихъ Родителей. Съ молитвою народа отбылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ молитвенною благодарностью встрѣчено было, по всѣмъ городамъ и весямъ Россіи, Его возвращеніе.

Длиненъ путь, совершенный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Опредѣлить его протяженіе съ полною точностью нѣтъ возможности; но, въ общемъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ плылъ моремъ, отъ Тріеста до Владивостока — 14.434 итал. мили, или 25.100 верстъ, и ѣхалъ сухимъ путемъ и по рѣкамъ Сибири, отъ Владивостока до Уральска—9.834 версты, что, вмѣстѣ взятое и обращенное въ версты, дастъ громадную цифру—**34.934** версты.

ЧТЕНІЕ

для

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

(Съ рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

выбранной позиціи. Съ наступленіемъ сумерекъ, 21-го сентября, были двинуты двѣ линейныя роты въ передовую часть и одна рота на посты по правому берегу рѣки Борчи; стрѣлковою же ротою приказано занять лѣсъ отъ устья рѣки Борчи, по берегу рѣки Дуная, съ выставленіемъ наблюдательныхъ постовъ въ дунайскомъ и шоссейномъ секретахъ, въ которыхъ до сихъ поръ содержались лишь сторожевые казачьи пикеты. Линейныя роты, выславъ цѣпь къ турецкому редуту, приступили ночью къ постройкѣ ботарей, подъ руководствомъ инженера, капитана Еремѣева. За ночь была окончена батарея на 4 орудія, незамѣченная турками. Такія же батареи были возведены въ ночи на 22-е, 23-е и 24-е сентября, тутъ же, а у Каларашa—батареи на 8 орудій. Непріятель лишь днемъ открылъ артиллерійскій и ружейный огонь по передовымъ нашимъ постамъ.

Рано утромъ, 24-го сентября, прибылъ въ городъ Каларашъ изъ Браилова Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, и, съ командирами полковъ 96-го пѣхотнаго Омскаго и Донскаго № 40-го казачьяго полковъ, съ лейтенантомъ Дубасовымъ и съ морскими офицерами, подъ прикрытіемъ 1-й Стрѣлковой роты — при штабсъ-капитанѣ Кирсановѣ и полсотни казаковъ—при ессаулѣ Сережниковѣ, произвелъ лично рекогносцировку. Турки не замедлили открыть артиллерійскій огонь съ крѣпостныхъ верковъ, а съ батареи (старой русской) и съ острова ружейную трескотню, но не причинили рекогносцирующимъ никакого вреда.

101 **В. Ф. Игнатьевъ.**

(Продолженіе въ книжкахъ будущаго года).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

VI.

По дорогѣ къ Ангарѣ.—Ширъ-Абадъ.—Ангаръ.—Вдоль Аму-Дарьи.—Кабадіанъ.—Сарай.—Климатъ и растительность.—Тигровая охота.—Непріятное сосѣдство.—Промывка золота и бухарскіе золотопромышленники.—Переправа черезъ Аму-Дарью.—Кунда-Гузаръ.—На афганскомъ берегу.

тромъ, слѣдующаго послѣ переодѣванія дня, мы уже выступали изъ Байсуна. Дорога наша на этотъ разъ имѣла совершенно иной характеръ; сѣрая, однообразная степь не мозолила больше намъ глазъ, а напротивъ, всюду попадались хорошо обработанные клочки земли, засѣянные хлопкомъ, рисомъ,

*) Начало было помѣщено въ предыдущихъ книжкахъ «Чт. для Солд.» сего года.

пшеницей, ячменемъ и сорго; мѣстами же, тянулись на нѣсколько верстъ бакчи, щеголяя своими исполинскими арбузами и дынями и по вкусу неуступающими нашимъ астраханскимъ, а по дешевизнѣ—не имѣющими себѣ равныхъ. Вообще, какъ я говорилъ уже раньше, всѣ мѣстныя произведенія въ Бухарѣ отличаются безпримѣрной дешевизной, что легко замѣтить, благодаря существованію въ ханствѣ слишкомъ мелкой монеты. Ни въ одномъ государствѣ копѣйка не дробится на такія малыя части ($^1/_{60}$ к.), какъ здѣсь. Мѣстами, по пути, пестрѣли кишлаки, оживленные фруктовыми садами, не смотря на то, что почву ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать особенно плодородною, а условія края—способствующими произрастанію растительности; напротивъ, восточная часть ханства бѣдна ею. Лѣса встрѣчаются только въ возвышенныхъ ущельяхъ южнаго склона Гиссарскаго кряжа, а ниже, въ долинѣ Аму-Дарьи, деревья ростутъ только при помощи искуственнаго орошенія.

Въ апрѣлѣ, горы покрываются зеленью, а въ маѣ трава уже блекнетъ и выгораетъ; знойное лѣто, безъ дождей, убиваетъ здѣсь всякую растительность въ самомъ ея зародышѣ. Но, не смотря на это, садоводство, огородничество и земледѣліе весьма развито въ краѣ и, при тщательномъ орошеніи почвы посредствомъ арыковъ, отводныхъ канавъ и заливки полей на опредѣленное время, эти отрасли сельскаго хозяйства процвѣтаютъ. Фрукты и овощи растутъ здѣсь въ изобиліи и служатъ важнымъ подспорьемъ къ пропитанію жителей: виноградъ, яблоки, груши, персики, сливы, миндаль, орѣхи, гранаты, арбузы и дыни не считаются лакомствомъ

и встрѣчаются повсюду круглый годъ. Въ каждомъ селеніи, у береговъ арыковъ, ростутъ простыя лиственныя деревья: тополь, талъ, джида, карагачъ, тутовое дерево и прочее. Что касается тутоваго дерева, то можно здѣсь встрѣтить цѣлыя тутовыя плантаціи, хорошо и тщательно воздѣлываемыя, въ силу чего, шелководство и шелкопрядство здѣсь, не смотря чуть-ли не на первобытный способъ обработки шелка, процвѣтаетъ, дѣлая всякія шелковыя ткани крайне дешевыми, хотя шелкъ здѣсь не изъ любимыхъ матерій для платья; бухарецъ, скорѣе, предпочитаетъ ему парчу, а иной даже — ситецъ фабрики Саввы Морозова, не смотря на то, что онъ произведеніе кяфира.

Однимъ словомъ, восточная часть Бухары представляетъ собою рѣзкую противуположность не только съ Закаспійской областью, но даже и съ западною ея частью. Точно также и по климату: восточная часть Бухарскаго ханства, благодаря своему возвышенному положенію (около 1,200 футъ надъ уровнемъ моря) и близкому сосѣдству съ высокими снѣжными хребтами, имѣетъ климатъ весьма умѣренный. Дожди здѣсь начинаются, обыкновенно, въ октябрѣ, первые морозы—въ концѣ ноября, а въ декабрѣ уже выпадаетъ первый снѣгъ, который держится до начала февраля; зимою морозы достигаютъ 18° Р, при чемъ пруды и арыки, а иногда и самая Аму-Дарья покрываются льдомъ недѣли на три.

Въ февралѣ же наступаетъ весна съ дождями и къ концу марта деревья начинаютъ распускаться; но утренніе морозы продолжаются еще до конца апрѣля; лѣтомъ же наступаютъ жары, которыя стано-

вятся нестерпимыми только въ степной равнинѣ Аму-Дарьи.

Что же касается санитарныхъ условій, то южные склоны Гиссарскаго кряжа, отлого спускающагося къ Аму-Дарьѣ и, развѣтвляясь, наполняющаго всю восточную часть Бухары, перепутанною сѣтью песчано-глинистыхъ и известковыхъ грядъ и невысокихъ, но крутыхъ холмовъ, — отличаются благопріятнымъ для здоровья климатомъ; но въ нижней долинѣ Аму-Дарьи часто господствуютъ злокачественныя лихорадки, отъ которыхъ страдаютъ въ особенности жители Ширъ-Абада, Кабадіана и Куляба.

Изъ всего сказаннаго видно, что Бухару ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать страною благодатною; тѣмъ не менѣе, весь переходъ нашъ по восточной части Бухары, послѣ всего уже пройденнаго, былъ самый пріятный, хотя приходилось, зачастую, подвигаться по мѣстности крайне пересѣченной, недоступной для колесныхъ обозовъ. Изъ всей восточной половины ханства, только долины Сурхана и Кафирнагана доступны для колесъ на значительномъ протяженіи, но такъ какъ долины эти окаймлены съ трехъ сторонъ горными отрогами, чрезъ которые возможно только одно вьючное сообщеніе, то, поэтому, во всей странѣ, арбъ, или другихъ какихъ-либо повозокъ не встрѣчается. Какъ ѣзда, такъ и перевозка тяжестей производится вьючнымъ способомъ, на лошадяхъ, верблюдахъ и ишакахъ, созданныхъ самою природою для ходьбы по самымъ торнымъ горнымъ тропинкамъ, зачастую идущимъ по отвѣснымъ карнизамъ надъ бездонными пропастями.

Переходя отъ кишлака къ кишлаку, отъ аула къ аулу, намъ приходилось, то—подниматься на значительныя высоты, то—спускаться въ долины, пересѣкаемыя небольшими, но быстрыми ручейками, изобилующими форелью. Большею частью, вьючными животными въ нашемъ караванѣ были ишаки, о которыхъ нужно было заботиться нѣсколько больше, чѣмъ о верблюдахъ, совершенно не требующихъ себѣ фуража и отыскивающихъ пищу самостоятельно. Но забота, впрочемъ, о фуражѣ въ этой мѣстности, сравнительно густо заселенной, не сопряжена была съ затрудненіями.

До селенія Сайраба, караванъ подвигался свободно; но, не доѣзжая 12-ти верстъ до этого селенія, путь нашъ былъ значительно заторможенъ. По выходѣ изъ шуръобскаго ущелья, дорога до того была загромождена галькой и мелкимъ камнемъ, что изъ ногъ несчастныхъ животныхъ заструилась кровь, и для того, чтобы сдѣлать движеніе сколько-нибудь возможнымъ, пришлось ступни верблюдамъ обматывать кошмою.

— Ужъ на насъ, ни въ какомъ случаѣ, не будутъ Аллаху, на страшномъ судѣ, верблюды жаловаться,—подшучивалъ С—ко, когда, прошедъ 9 верстъ по этой несносной дорогѣ, мы вступали въ горную долину, въ концѣ которой, у одного изъ притоковъ рѣки Ширъ-Абадъ-Дарьи расположено довольно значительное селеніе Сайрабъ, жители котораго, кромѣ садоводства, занимаются перевозкою товаровъ. Отъ Ширъ-Абада насъ отдѣляло небольшое селеніе Лайлякамъ, разбросанное по берегамъ рѣки Ширъ-Абадъ-Дарьи, отстоящее въ 29-ти верстахъ отъ Сайраба. Здѣсь дорога уже шла по твердой песчаной почвѣ, имѣющей общій наклонъ

къ сторонѣ Аму-Дарьи. Встрѣтивъ, въ 12-ти верстахъ отъ Сайраба, небольшой ручей, мы перешли его черезъ имѣющійся деревянный, уже ветхій, мостъ, а вечеромъ ужъ были въ Лайлякамѣ, своею крайне соленою водою оставившемъ въ насъ непріятное воспоминаніе.

Впрочемъ, и отстоящій въ 20-ти верстахъ отъ Лайлякама, городъ Ширъ-Абадъ, куда мы прибыли на другой день, часа въ 4 пополудни, мало въ чемъ отличается отъ своего сосѣда. Та же горькая вода, тотъ же неблагопріятный климатъ, изнуряющій жителей тяжелыми лихорадками.

Горечь воды въ колодцахъ Ширъ-Абада и его окрестныхъ селеній, а также и въ рѣкѣ Ширъ-Абадъ-Дарьѣ, катящей прозрачныя воды свои посреди города, происходитъ отъ громадныхъ залежей горной соли, какъ въ горахъ, такъ и въ окружающей на далекое пространство почвѣ. Разработка соли — здѣсь главный видъ промышленности окрестныхъ жителей.

Соль эта вывозится въ Бадахшанъ и даже въ сѣверный Афганистанъ.

Слѣдующій нашъ 26-ти-верстный переходъ къ селенію Ангаръ, расположенному на берегу мутнаго и соленаго арыка, сопровождался всюду одинаково соленой водою, не исключая и пересѣкавшаго намъ, въ 7-ми верстахъ отъ Ангара, путь, источника Кара-Су, который, однако, не смотря на свое названіе (по русски «черная вода»), оказался, даже при незначительной глубинѣ своей, прозрачнымъ.

Прошедши 31 версту отъ этого селенія къ югу, мы подошли къ развалинамъ города Хайбари и, миновавъ Пата-Киссаръ, направились на востокъ, къ бухарскимъ берегамъ Аму-Дарьи, держа направленіе на Кабадіанъ.

Здѣсь мѣстность имѣетъ уже совершенно степной характеръ, напоминающій наши херсонскія степи; берегъ же Аму-Дарьи на далекія пространства поросъ толстымъ камышемъ, напоминающимъ собою бамбукъ. Камышъ этотъ, давая въ себѣ пристанище дикимъ кабанамъ, тиграмъ и барсамъ, служитъ въ то же время и топливомъ, и строевымъ матеріаломъ для жителей. Сдѣланные изъ этого камыша домики и обмазанные глиной, крайне дешевы, а при отсутствіи продолжительныхъ холодовъ и весьма удобны.

Путешествіе правымъ берегомъ Аму-Дарьи имѣло для насъ не малый интересъ, такъ какъ обиліе дичи и дикихъ животныхъ позволяло, время отъ времени, охотиться, и охотиться весьма удачно. Хотя, однако, однажды подобное убиваніе дичи и времени чуть не стоило С—ко жизни.

Не одного тигра убилъ на своемъ вѣку эсаулъ!... Глазъ у него былъ вѣренъ, рука тверда, хладнокровія—цѣлый ворохъ... почему не поохотиться на тигра? И охотился онъ на нихъ, какъ на зайцевъ! Ужъ разъ нарвался на него тигръ—не унесетъ цѣлой шкуры! Но, какъ видно, и на старуху бываетъ проруха! Самъ не сплошалъ, такъ ружье подгадило!

Мы были ужъ на полдорогѣ къ Кабадіану и остановились на ночлегъ, около кишлака Полистанъ-Гулъ-Тула; приходятъ два бухарца и разсказываютъ, что выслѣдили тигра. Повадился,—говорятъ;—чуть въ въ кишлакъ не заходитъ; убытковъ ужъ не мало причинилъ, да не находится такого смѣльчака, кото-

рый рѣшился бы подстрѣлить незваного гостя. Не вытерпѣлъ есаулъ, заговорило въ немъ ретивое.—Пойдемъ, —говоритъ,—поведите меня.

Подобная храбрость въ мирномъ купцѣ нѣсколько озадачила, даже сконфузила бухарцевъ.

— Ну, коли идти, такъ пойдемъ вмѣстѣ и мы съ тобою.

Сказано—сдѣлано. Въ ту же ночь и отправились верхами. С—ко съ собою собаченку «Тамырку» прихватилъ (еще въ Байсунѣ къ намъ пристала, да такъ за караваномъ и бѣжала).

Какъ только взошла луна, охотники выѣхали съ ночлежной стоянки. Ночь была свѣтлая, лунная, хоть иголки собирай... Давно ужъ охотники ѣхали камышами; слѣда не было видно никакого; впереди всѣхъ ѣхалъ С—ко.

Наконецъ, «Тамырка» начала лаять... Есаулъ остановился, а «Тамырка» все рвется впередъ и залива-

ется... Взглянулъ есаулъ попристальнѣе: — тигръ громадныхъ размѣровъ лежитъ на тропинкѣ; собаченката на него и налетаетъ, а онъ прехладнокровно и лѣниво лапой отмахивается (сытъ, вѣрно, былъ). Остановился есаулъ, прицѣлился и выстрѣлилъ,—да, видно, ружье сфальшивило; не успѣлъ еще дымъ разсѣяться, а охотникъ лежалъ уже на землѣ; страшный звѣрь сидѣлъ на немъ, упершись лапами въ грудь. Бухарцы, видя такой плачевный исходъ, не замедлили дать тягу, а тигръ, между тѣмъ, забавлялся испугомъ своей жертвы. А испугался-таки бѣдный есаулъ не на шутку. Однако, тигръ былъ, видно, на столько сытъ,—а когда онъ сытъ, то крайне лѣнивъ,—что ему лѣнь было даже и разстерзать свою жертву; онъ ограничился лишь только тѣмъ, что посидѣлъ на охотникѣ нѣсколько минутъ, показавшихся тому вѣчностью, слѣзъ съ него и тихо направился въ камыши, по временамъ останавливаясь и посматривая назадъ. С—ко лежалъ, точно замеръ, и только тогда, когда тигръ исчезъ въ чащѣ, поднялся, подобралъ ружье и пошелъ отыскивать коня, котораго и нашелъ въ полуверстѣ. Къ каравану онъ прибылъ, какъ разъ въ то время, когда придравшіе бухарцы разсказывали, что *сами видѣли, какъ джунъ-барсъ растерзалъ нашего товарища на части.*

— Пошли вонъ, прохвосты, трусы!—пугнулъ ихъ нагайкой подоспѣвшій есаулъ.

— Чертъ знаетъ, что это такое? Совсѣмъ осканда-лился! — долго еще не могъ успокоиться несчастный есаулъ.

Между бухарцами никто такъ не охотится на тигра; они охотятся: либо—черезчуръ осторожно, либо—че-

резчуръ ухарски. Въ первомъ случаѣ, они, обыкновенно выслѣживаютъ то мѣсто, у источника или рѣки, гдѣ тигръ пьетъ воду (онъ всегда пьетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ) и устраиваютъ тамъ каменную кладку, т. е. канурку изъ большихъ камней, разбросать которые было бы тигру не подъ силу, и, выжидая въ ней приближенія звѣря, бьютъ его навѣрняка и безъ риску. Другой же родъ охоты сопряженъ съ опасностью и требуетъ замѣчательной ловкости, проворства и хладнокровія, и состоитъ въ томъ, что охотникъ раздразниваетъ тигра, заставляя его дѣлать прыжки, а самъ, въ это время (конечно, верхомъ на лошади), увертывается отъ него, описывая круги. Разъяренный звѣрь, промахнувшись въ своемъ прыжкѣ, дѣлаетъ второй, съ большею яростью, наконецъ,— третій, четвертый, а прыжки, между тѣмъ, по мѣрѣ расходованія силъ, становятся все меньше и меньше, и менѣе вѣрными. Охотникъ продолжаетъ изводить тигра до тѣхъ поръ, пока тотъ окончательно не выбьется изъ силъ. Тутъ-то онъ подскакиваетъ къ нему и бьетъ на вѣрняка. Но, что меня больше всего удивляло, это то, что охотники, подвергая жизнь свою такой опасности, не особенно цѣнятъ тигровую шкуру. Самую лучшую можно купить за 9 рублей...

На другой день послѣ случая С—ко съ тигромъ, мы выступили съ бивуака и направились вдоль берега Аму-Дарьи. Здѣсь намъ пришлось увидѣть способъ промывки золота, который нельзя не назвать допотопнымъ.

Подъѣзжая къ селенію Багарокъ, мы замѣтили нѣсколько группъ рабочихъ занимавшихся промывкою

золотоноснаго песку. Способъ промывки заключается въ слѣдующемъ: группа рабочихъ, состоящая изъ четырехъ человѣкъ, устроивъ на берегу земляной скатъ, шириною въ 4 фута, высотою до 3-хъ фут., съ заложеніемъ около 9-ти фут., покрываютъ его овчинами, шерстью вверхъ, и надъ первою овчиною ставятъ рѣшетку, сплетенныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Окончивъ эту предварительную работу, двое изъ рабочихъ, по очереди, бросаютъ лопатой или кетменемъ песокъ на рѣшетку, а третій поливаетъ этотъ песокъ водою изъ черпака. При этомъ, галька и крупный песокъ остаются на рѣшеткѣ, а илъ и мелкій песокъ, проходя чрезъ нее, падаетъ на первую овчину, откуда, затѣмъ, постепенно сносится на слѣдующія овчины, при чемъ золотыя крупинки остаются въ шерсти; четвертый же рабочій постоянно сбрасываетъ, накопившуюся на рѣшеткѣ, гальку и крупный песокъ. По окончаніи работы, овчины высушиваются и оставшійся на нихъ илъ съ золотыми крупинками высыпается на столъ, послѣ чего золото отдѣляется отъ ила посредствомъ ртути.

Не смотря на этотъ, по истинѣ, допотопный способъ добыванія золота, промыселъ этотъ оказывается, однако, довольно выгоднымъ, такъ какъ каждый рабочій выручаетъ въ день отъ 4-хъ до 6-ти коканов.

Аму-дарьинское золото продается въ Кулябѣ, Бо-

гаранѣ и въ Саидѣ отъ 18-ти до 20-ти кокановъ, т. е. по 3 р. 60 к. и 4 р. за золотникъ.

Бухарское правительство не вмѣшивается въ дѣла золотопромышленниковъ и работы по добыванію золота производятся только благодаря частному начинанію. Обыкновенно, дѣло ведется такъ: болѣе предпріимчивые туземцы нанимаютъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ, съ платою въ день по два кокана, и затѣмъ работы производятся подъ личнымъ надзоромъ предпринимателей, въ пользу которыхъ и поступаетъ сполна все добытое золото.

Золотоносные пески промываются, въ настоящее время, большею частью, на правомъ берегу Пянджа, на протяженіи около 120 верстъ; но самые обильные золотомъ пески, по всему вѣроятію, находятся еще выше, по долинѣ Пянджа.

Добываніе золота—единственный, не считая разработки соли, горный промыселъ, практикуемый, сравнительно, въ обширномъ размѣрѣ въ Бухарѣ; другихъ же видовъ этого промысла почти не существуетъ, не смотря на то, что южный склонъ Гиссарскаго кряжа, въ особенности, близь Шахризябса, богатъ желѣзомъ, свинцомъ и каменнымъ углемъ. Къ востоку же отъ Байсуна, между селеніями Сары-Камышъ и Миръ-Шады, горы состоятъ изъ красивыхъ разноцвѣтныхъ пластовъ известняка, между которыми попадается и мраморъ. Горы эти изобилуютъ также асфальтомъ, нефтью и другими неизслѣдованными минеральными богатствами. Отъ селенія Богарана мы нѣсколько удалились къ сѣверу, взявъ направленіе на Кабадіанъ, гдѣ должны были прихватить нѣсколько вьюковъ каналу; путь нашъ нѣсколько видоизмѣнился, потерявъ степной характеръ и вступивъ въ горы, хотя и не высокія и удобопроходимыя, но поросшія небольшими рощицами, изобилующими турами, дикими козами и газелями, извѣстными въ странѣ подъ названіемъ «жирановъ». С—ко частенько, либо—опережалъ караванъ, либо—отдалялся отъ него въ стороны и никогда не возвращался безъ добычи; во весь пройденный нами до Кабадіана путь, мы питались, исключительно, дичью и подчасъ—форелью, которою изобилуютъ горные источники; о фруктахъ же и говорить нечего: они перестали считаться для насъ лакомствомъ.

Наконецъ, мы подъѣхали къ Кабадіану, гдѣ намъ пришлось быть невольными свидѣтелями, по истинѣ, варварской расправы. Только что караванъ размѣстился въ караванъ-сараѣ, мы отправились съ есауломъ на базаръ. Было раннее утро, а между тѣмъ, повидимому, весь городъ былъ на ногахъ; густыя толпы народа двигались къ цитадели; изъ любопытства, или, просто, изъ стаднаго чувства (до сихъ поръ еще не могу дать себѣ отчета), мы послѣдовали за толпою и вскорѣ увидѣли довольно большую кучу полицейскихъ, одѣтыхъ въ красные халаты и палками разчищавшихъ себѣ дорогу; посреди толпы полицейскихъ шелъ, со связанными за спиною руками, еще довольно молодой бухарецъ.

— Преступникъ, вѣроятно,—шепнулъ мнѣ на ухо С—ко.

А шествіе, между тѣмъ, подвигалось къ цитадели; толпы народа увеличивались все болѣе и болѣе; когда-же полицейскіе подошли къ главной сторожевой башни,

около 80-ти футовъ вышиною, толпа остановилась въ почтительномъ отдаленіи. Преступника ввели въ башню, и черезъ четверть часа онъ появился на плоской вершинѣ ея... Толпа замерла въ ожиданіи... Полицей-

скіе ожидали отъ своего начальника лишь сигнала; наконецъ, сигналъ послѣдовалъ—и курбаши столкнули преступника внизъ; раздался отчаянный, за душу хватающій, крикъ, и черезъ секунду, не больше, послышался глухой ударъ отъ падающаго тѣла; несчастный былъ уже мертвъ и, изуродованный, плавалъ въ лужѣ крови; стѣны же башни были обрызганы его кровью и мозгами.

Такъ здѣсь наказывается, по бухарскимъ законамъ, убійство; законы эти истекаютъ изъ того основнаго положенія, что: «око—за око, зубъ—за зубъ». Еще безпощаднѣе наказываются женщины, совершившія преступленіе противъ цѣломудрія: ихъ побиваютъ камнями, тогда какъ мужчины, уличенные въ проступкахъ противъ чести женщины, отдѣлываются

денежнымъ штрафомъ. Вообще, здѣсь нѣтъ того уваженія и честнаго отношенія къ женщинѣ, которая встрѣчается у текинцевъ.

Причиною порчи нравовъ въ Бухарѣ являются персы, успѣвшіе пробраться во всѣ страны Азіи и занять выгодныя и почетныя мѣста. Они вносятъ съ собою развратъ, пьянство, взяточничество и нахальство, и тѣмъ самымъ портятъ народы, среди которыхъ селятся. Мало того, персы ввели развратъ даже и въ религіи, какъ нѣчто необходимое. Такъ, напримѣръ, въ Мешедѣ, у гробницы Имамъ-Ризы, куда стекается масса богомольцевъ, можно встрѣтить много женщинъ, которыя, по нашимъ понятіямъ, были бы названы «публичными»; тамъ же, въ качествѣ «священныхъ баядерокъ», продающихъ себя первому встрѣчному въ пользу храма, пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Кабадіанъ же, какъ и всѣ болѣе или менѣе значительные бухарскіе города, кишмя кишатъ персами.

Забравъ въ Кабадіанѣ нужные товары, караванъ быстро двинулся въ путь, а на третій день уже переправлялся на трехъ каюкахъ, на афганскій берегъ.

940 П. Васильевъ.

(Продолженіе будетъ въ книжкахъ будущаго года).

802-18
68

ЧТЕНІЕ

для

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЯТЫЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

(Съ рисунками).

ГПМЭ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1892.

ИЗЪ ПРИКАЗА

ПО ВОЙСКАМЪ КІЕВСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

(№ 85. 18-го апрѣля 1891 г.)

Въ движеніи (роты) не по фронту выбирать направленіе, а по намѣченному направленію ставить фронтъ. Мысленный перпендикуляръ пора забыть. Вошло въ обычай, что только одинъ командиръ знаетъ, куда ведетъ часть. Надо объявить людямъ цѣль и направленіе—получится осмысленное дѣло. Если начальникъ выбудетъ — секрета съ собою не унесетъ, а такъ — дѣло пропадаетъ.

Налаживать порядокъ въ отдѣленіяхъ: отдѣленному за порядкомъ слѣдить просто; если есть порядокъ въ отдѣленіяхъ—будетъ и въ ротѣ.

Установить рѣзкую разницу между боемъ «наступленіе» и «атака». Когда бьютъ наступленіе, роты еще могутъ быть остановлены командою; но когда дана атака, остановки быть не можетъ; если же какая-либо изъ ротъ остановилась, значитъ она не идетъ, захлебнулась; ближайшая изъ ротъ 2-й линія обязана ее *подпереть* и идти впередъ вмѣстѣ съ нею.

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

VI.

На афганской территоріи. — Бадахшанъ и его населеніе.—Отношеніе населенія къ афганцамъ. — Климатъ, почва и производительность.— Развалины, башни, гробницы и топы.— Городъ Рустакъ. — Афганскія войска и администрація. — Отношеніе бадахшанскаго населенія къ русскимъ. — Ихъ ожиданія со стороны Россіи.

ъ переправою на афганскій берегъ, рѣзко видоизмѣнилась мѣстность, по которой лежитъ нашъ путь въ Рустакъ. Степь исчезла окончательно и передъ нами выступала мѣстность пересѣченная.

Окаймленный съ сѣвера и востока высокимъ Памиромъ, а съ юга — еще болѣе высокимъ Индо-Кушемъ, Бадахшанъ представляетъ возвышенную котловину, пересѣченную горами по всѣмъ направленіямъ. Цѣлый рядъ известко и глинисто-песчаныхъ горъ съ куполо-

---

*) Начало было помѣщено въ книжкахъ «Чт. для Солд». предыдущаго года.

образными вершинами, тянутся съ сѣверо-востока на юго-западъ и круто опускаются въ долину Кокчи. Абсолютная высота ихъ не превышаетъ 8—9 тысячъ футовъ, но надъ ними, съ покрытыми снѣгомъ вершинами, возвышается хребетъ Ходжа-Магомедъ.

Отдѣлившись отъ Индо-Куша въ сѣверо-западномъ направленіи, хребетъ этотъ пересѣкаетъ Бадахшанъ посрединѣ, наполняя своими отраслями всю страну.

Не смотря на пересѣченность мѣстности, путешествіе по ней можно было назвать самою лучшею частью всего путешествія, такъ какъ жары не давали себя чувствовать. Вообще, Бадахшанъ пользуется умѣреннымъ и здоровымъ горнымъ климатомъ и лѣтній зной никогда не бываетъ здѣсь такъ силенъ, какъ въ открытой равнинѣ Аму-Дарьи, извѣстной здѣсь подъ названіемъ «Пянджабая».

Караванъ пошелъ быстрѣе; всюду встрѣчались хорошо воздѣланные сады и безукоризненно обработанныя поля, покрытыя хлопкомъ, рисомъ, ячменемъ и пшеницей; мѣстность, по которой лежалъ нашъ путь въ Рустакъ, рѣзко отличалась отъ бухарскихъ плодородныхъ мѣстъ уже потому, что землю, въ большинствѣ случаевъ, искуственно орошать незачѣмъ, такъ какъ она орошается притоками Аму-Дарьи и множествомъ ручьевъ и горныхъ рѣчекъ; мы встрѣчали хорошо воздѣланныя поля не только въ долинахъ, но и по довольно крутымъ скатамъ холмовъ, и даже на вершинахъ, гдѣ искуственное орошеніе немыслимо. Древесною растительностью не богатъ былъ нашъ путь, но за то, въ ущельяхъ, по берегамъ потоковъ, служили намъ мѣстомъ для отдыха зеленыя группы чинара, тополя, арчи и широколиственнаго клена. Въ фруктовыхъ же садахъ окаймляющихъ придорожные кишлаки, преобладающими деревьями являлись: орѣшникъ, яблони и грушевыя деревья разныхъ породъ.

Мы подходили уже къ Рустаку, миновавъ множество поселеній и кишлаковъ; шли, такъ сказать, нѣсколько дней уже по афганской территоріи, а между тѣмъ, кромѣ начальствующихъ лицъ, ни одинъ афганецъ не попадался намъ на встрѣчу. Да и вообще, во всемъ Бадахшанѣ, кромѣ войскъ и администраціи, трудно встрѣтить природныхъ афганцевъ, а населенъ онъ таджиками и узбеками, нѣкогда вышедшими изъ Бухары и составившими независимыя ханства. Лѣтъ тридцать тому назадъ, во время завоевательной эпохи афганскаго эмира Достъ-Магомета, они имъ были покорены. Отчасти, благодаря этому великому завоевателю, силою оружія включившаго въ составъ своего государства сосѣдніе народы, отчасти же—вслѣдствіе осадка, образовавшагося отъ проходившихъ въ Индію полчищъ завоевателей, Афганистанъ представляется, въ настоящее время, смѣсью разныхъ народностей. Населяющіе его расы и племена, говорящія разными языками, весьма часто взаимно враждебныя, имѣющія неодинаковые обычаи, составляютъ одно политическое цѣлое, съ тѣхъ поръ, какъ признали главенство Кабульскаго правительства. Афганистанъ, въ такомъ видѣ, какъ онъ есть теперь, сформированъ тринадцать лѣтъ тому назадъ съ покореніемъ послѣдняго и относительно сильнаго узбекскаго ханства Меймене.

Афганцы здѣсь, какъ и во всемъ афганскомъ туркестанѣ, населенномъ узбеками, явившись въ роли за-

воевателей, хотя и водворили порядокъ, а главное—миръ (тогда какъ занятіемъ прежнихъ хановъ была война и грабежъ), но за то, сразу такъ наложили свою тяжелую руку на побѣжденныхъ, что тѣ скоро восчувствовали всю тяжесть зависимаго положенія. Считая узбековъ женоподобными и неспособными къ войнѣ, афганцы, взамѣнъ военной службы, брали на нихъ самые разнообразные и тяжелые налоги. Если узбеки и берутся на службу, то на службу нестроевую, какъ напримѣръ—въ верблюдо-вожатые, мастеровые и т. п. Узбеку закрытъ путь къ повышенію и власти. Обращеніе афганцевъ съ узбеками самое высокомѣрное. Простой афганскій солдатъ считаетъ себя, по отношенію къ узбеку, существомъ высшей породы; онъ, зачастую употребляетъ въ дѣло плеть, или прикладъ. Впослѣдствіи намъ приходилось видѣть, какъ афганскіе солдаты, безъ дѣла разгуливавшіе по улицамъ, потѣшались надъ беззащитными узбеками, колотя ихъ нагайками. А что они только дѣлаютъ съ несчастными жителями, вымучивая у нихъ для себя подарки?! Изъ опасенія возстанія, у всѣхъ узбековъ отобрано оружіе, и если кто рѣшится держать его тайно, то, какъ государственный преступникъ, подвегается строгому наказанію. Узбекъ, чувствуя свою слабость, прикидывается покорнымъ и ждетъ только такого случая, который принесъ бы ему облегченіе настоящей тяжелой участи. Онъ ждетъ этого облегченія отъ Россіи. Будучи поражены могуществомъ Россіи, передъ которой не устояли ни Бухара, ни Хива, ни Коканъ, узбеки лѣваго берега Аму убѣждены, что движеніе русскихъ этимъ не окончится, и что, рано или поздно, русскіе

перейдутъ Аму-Дарью и утвердятся на лѣвомъ берегу этой рѣки. Слыша изъ тысячи устъ русскихъ мусульманъ, ежегодно приходящихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Мазаръ-и-Шерифъ, на поклоненіе гробу Али, о русской правдѣ и русскихъ порядкахъ, о человѣчномъ отношеніи ихъ къ покореннымъ народамъ, узбеки не питаютъ къ намъ никакого страха, но желаютъ насъ. Намъ зачастую приходилось слышать тяжелые вздохи и восклицанія: «Господи! Скоро ли придутъ русскіе? Когда бы Богъ поскорѣе избавилъ насъ отъ этихъ афгановъ!» Населеніе Афганскаго Туркестана съ тревогой и волненіемъ слѣдившее за всѣми событіями на Кушкѣ, было крайне разочаровано, узнавъ, что русскіе, отбросивъ афганцевъ, сами не перешли въ наступленіе.

Афганцамъ хорошо извѣстно настроеніе покоренныхъ и они крайне ревниво относятся ко всѣмъ приходящимъ изъ Русскаго Туркестана. Вотъ почему, маскарадъ нашъ былъ необходимъ.

Узбекъ, въ свою очередь, считаетъ себя правовѣрнѣе афганца. Какъ на видимое доказательство благословенія Божія къ его соплеменникамъ, онъ указываетъ на многочисленныя могилы святыхъ, повсюду встрѣчаемыя во всемъ Бадахшанѣ и, вообще, въ Туркестанѣ. Онъ спрашиваетъ афганца: пусть тотъ укажетъ, много-ли изъ его племени людей угодили Богу и сдѣлались святыми? Онъ упрекаетъ его въ томъ, что, будучи сунитомъ, за неимѣніемъ своихъ святыхъ, ходитъ на поклоненіе Имамъ-Ризъ, въ шіитскій Мешхедъ. Афганецъ отвѣчаетъ только бранью. Въ дѣйствительности, узбекъ правъ, хвастаясь количествомъ своихъ святыхъ: ни одна мусульманская страна не изобилуетъ

столькими священными могилами и гробницами, какъ Афганскій Туркестанъ. Весь путь нашъ былъ усѣянъ различными гробницами и развалинами довольно высокихъ башень, подобно маякамъ, одиноко возвышающимся среди безлюднаго пространства.

Около каждой изъ такихъ могилъ, верблюдовожатые, а слѣдовательно и мы, какъ надѣвшіе на себя временно шкуру шіита, набожно творили молитвы. Значеніе же одинокихъ башень и точно такъ же, зачастую попадающихся, высокихъ колоннъ, вытесанныхъ изъ цѣльнаго камня, узнать намъ не пришлось, такъ какъ туземецъ, если только онъ не можетъ объяснить значенія, говоритъ: «этимъ обозначены шаги любимаго верблюда Рустема» (т. е. мифологическаго сеистанскаго героя), и говоритъ это такъ серьезно, что мнѣ всегда стоило большаго труда, чтобы не расхохотаться. А узбекъ, между тѣмъ, чистосердечно вѣритъ, что прежде, конечно, давнымъ-давно, жили люди исполинскаго роста и непомѣрной силы и ѣздили

на верблюдахъ, дѣлающихъ шагъ въ нѣсколько верстъ, и что теперь Аллахъ, за грѣхи *многи*, уменьшилъ ростъ у людей и отнялъ у нихъ такихъ большихъ животныхъ.

Наконецъ, послѣ трехдневнаго пути, мы прибыли въ Рустакъ — второй послѣ столицы Фейзабада въ Афганистанѣ городъ и расположились въ главномъ караванъ-сараѣ (ихъ здѣсь четыре). Нашъ хозяинъ, Мемедъ, думалъ здѣсь пробыть нѣсколько дней; часть товаровъ, онъ думалъ оптомъ сдать здѣшнимъ торговцамъ; часть же — самъ продавать въ раздробь; хотя, впрочемъ, къ этому онъ прибѣгалъ рѣдко въ своихъ торговыхъ поѣздкахъ, теперь же дѣлалъ для насъ, чтобы дать возможность ознакомиться съ туземнымъ населеніемъ. Мы едва успѣли осмотрѣть только часть города, какъ пришлось приняться за работу. Прибытіе каравана въ каждый изъ азіатскихъ городовъ, при замкнутой и патріархальной жизни, составляетъ, вообще, событіе, нѣкоторымъ образомъ разнообразящимъ жизнь жителей, а если этотъ караванъ останавливается для продажи, товаровъ, то и говорить нечего, — цѣлые толпы покупателей и, просто-на-просто, любопытныхъ зѣвакъ стекаются къ караванъ-сараю... Насъ осаждали цѣлыя массы народа. И теперь не могу еще вспомнить безъ смѣха, какъ С—ко, слывшій уже Гассаномъ, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ отмѣривалъ аршиномъ ситцы, полотна, канаусъ и парчу.

— Бешкешъ-адда *), бешкешъ — приставали къ нему покупатели, требуя надбавки.

*) Буквальный переводъ: «подарокъ, человѣкъ (господинъ), подарокъ».

Покупатель востока готовъ заплатить лишнее на локтѣ (мѣра), только, чтобы купецъ, въ видѣ бешкеша, прибавилъ ему вершокъ или два матеріи.

С—ко надбавлялъ имъ щедро и довольные покупатели уходили; на смѣну имъ являлись новые. Находились между ними и такіе, которые, взамѣнъ товара предлагали арбузы, дыни, рисъ и другіе припасы. Большаго труда стоило убѣждать ихъ, что подобная мѣна не выгодна.

Въ то время, когда С—ко помогалъ Мемеду, я, въ свою очередь, помогалъ имъ обоимъ, подавая товары, сортируя ситцы, шелки, полотна, бусы, иголки и разную мелочь.

Между нашими покупателями были, однако, и недовольные. Приходитъ какой-то персъ, одѣтый въ нанковые шаровары, европейскій, черный, засаленный сюртукъ, въ европейскихъ ботинкахъ на босую ногу, съ чалмою на головѣ и очками на носу (знакомъ учености) и спрашиваетъ:

— Есть у васъ слабительное?

— Нѣтъ, не имѣется; а что, у васъ животъ болитъ?

Докторъ,—это оказался мѣстный шарлатанъ-докторъ, — обидѣлся.

— У меня?! — пренебрежительно спросилъ онъ, — нѣтъ. А хина есть?

— Тоже нѣтъ.

— И змѣиной кожи нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Яманъ!—и докторъ со злости сплюнулъ.—Какіе же, это, купцы вы такіе, что ничего нѣтъ; вотъ, у инглезовъ, такъ у тѣхъ все есть,—и раздосадованный врачъ направился къ выходу.

— Подождите, докторъ!—закричалъ ему С—ко;—у насъ птичье молоко есть!

При этихъ словахъ присутствовавшіе громко расхохотались, а докторъ, безъ церемоніи выругавшись трехъ-этажнымъ словомъ, вышелъ изъ караванъ-сарая. Долго еще покупатели не могли успокоиться и подтрунивали надъ ушедшимъ докторомъ.

— Что, онъ хорошій у васъ докторъ?—спросилъ я у одного, почтенныхъ лѣтъ, узбека.

— Очень даже,—отвѣчалъ тотъ, насмѣшливо улыбаясь;—въ одинъ день можетъ переселить тебя въ рай Магомета.

Здѣсь нѣтъ докторовъ такихъ, какихъ мы привыкли называть этимъ именемъ; даже нѣтъ тѣхъ лекарей и лекарокъ-самоучекъ, что встрѣчаются у насъ по деревнямъ, которые лечатъ хотя и самобытнымъ способомъ, но основанныхъ на прошлыхъ примѣрахъ; а есть шарлатаны, задавшіеся цѣлью нажить деньгу, которые морочатъ людей, пичкая ихъ различною дрянью. Доктора эти не пользуются ни малѣйшимъ уваженіемъ жителей, и хотя къ помощи ихъ, въ критическіе моменты прибѣгаютъ, но за то, при случаѣ, не прочь надъ ними и зло подшутить.

Тѣмъ не менѣе, этотъ завѣдомый шарлатанъ-докторъ, надѣвающій на себя, въ торжественныхъ случаяхъ,

полу-европейское платье, въ большинствѣ случаевъ, причисляется къ туземной аристократіи.

За день до выступленія каравана въ Фейзабадъ, мы прекратили розничную торговлю, чтобы собраться въ путь и осмотрѣть городъ. Здѣсь, впервые, намъ пришлось ознакомиться съ афганскою кавалеріею, которая, послѣ бухарскихъ войскъ, для нашего военнаго глаза представилась явленіемъ пріятнымъ.

Афганскіе войска, какъ пришлось и потомъ на каждомъ шагу убѣждаться, не имѣютъ ничего общаго съ бухарскими. Афганцы, отъ природы, обладаютъ воинственнымъ духомъ и искренно преданы военному дѣлу. Гордый, молодцоватый видъ каждаго солдата придаетъ всему строю, какъ кавалерійскому, такъ и пѣшему, внушительный боевой видъ.

Кавалерія—предпочитаемый родъ оружія афганцевъ. Видѣнная нами въ Рустакѣ, кавалерійская сотня была превосходна. Всадники, одѣтые однообразно, въ черныхъ

суконныхъ бешметахъ, черныхъ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ сапогахъ, были вооружены карабинами, револьверами и широкими кривыми саблями. Портупеи, патронташи, револьверные получахлы и, вообще, весь ременный приборъ каждаго всадника, сдѣланъ изъ прочной желтой кожи, англійской выдѣлки, и весьма ловко пригнанъ. Сѣдла и сбруя—тоже англійской работы. Посадка людей была совершенно свободная, кавалерійская, на длинныхъ стременахъ. Лошади, кровныя туркменскія, съ остриженными гривами, были отлично дрессированы и всѣ безъ исключенія замундштучены. По словамъ афганцевъ (впрочемъ, они большіе хвастуны), у нихъ въ кавалеріи нѣтъ ни одной лошади, стоющей менѣе 100 руппій, т. е. 75 р. Замѣтно было съ перваго взгляда, что афганскіе всадники умѣютъ и обучать и оберегать свихъ коней, и что они, вообще, относятся къ дѣлу съ полнымъ вниманіемъ. И дѣйствительно, можно сказать безъ преувеличенія, что первая забота каждаго афганца—его конь, а вторая—его оружіе, преимущественно—холодное. Видѣнныя нами, сабли у афганцевъ были всѣ превосходны: кривые, широкіе и хорошо отточенные клинки вдѣланы въ тонкія желѣзныя рукоятки, съ такими же ефесами и носятся въ прочныхъ кожанныхъ ножнахъ, прикрѣпленныхъ къ лопастямъ портупеи посредствомъ двухъ колецъ. Карабины весьма хорошей англійской работы, содержатся также въ постоянной чистотѣ и исправности; но всѣ они ударные и гладкоствольные. Револьверы также не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ, такъ какъ всѣ они системы Кольта. Вообще, можно сказать, что англичане не особенно позаботились снабженіемъ афганцевъ хоро-

шимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, зная, что, въ критическую минуту, оно легко можетъ быть обращено противъ нихъ самихъ.

Афганская кавалерія, съ своей стороны, смотритъ, вообще, на огнестрѣльное оружіе съ презрѣніемъ и считаетъ его оружіемъ трусовъ. Уважая только свои сабли и владѣя ими превосходно, она не признаетъ ни какого другаго боя, кромѣ рукопашной схватки. Однако, ей скоро придется разочароваться; но нельзя не замѣтить, что кавалеристы, которые дорожатъ своими конями и саблями болѣе, чѣмъ собою, не могутъ быть плохими въ дѣлѣ.

VII.

По берегу рѣки Кокчи. — Фейзабадъ. — Чай-хане. — Афганская пѣхота и вообще войска, дисциплина. — Городскія увеселенія. — Священная слюна. — Къ намъ присоединяются хаджи. — Выступленіе.

Выступивши изъ Рустака, намъ приходилось двигаться по довольно населенной долинѣ рѣки Кокчи, или Кокъ-су (т. е. свѣтлая вода). Небольшая по ширинѣ, но быстрая, эта горная рѣка обладаетъ прозрачною и довольно вкусною водою. Въ этой долинѣ и въ обѣ стороны ея, лежитъ хорошо обработанная часть страны, хотя, къ сожалѣнію, намъ пришлось довольствоваться только долиною; но тутъ она такъ стѣснена горами, что вся обработка ея ограничивается только узкою лентою садовъ, извивающейся по крутымъ берегамъ рѣки Кокчи. Наконецъ, на пятый день странствованія, мы прибыли въ столицу Бадахшана, Фейзабадъ—резиденцію бадахшанскаго хана (губернатора), расположенную въ глубокой и тѣсной долинѣ р. Кокчи. Городъ этотъ расположенъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ. Стѣсненный съ двухъ сторонъ высокими, почти обрывистыми горами и имѣя въ ширину не болѣе полуверсты (онъ нѣсколько напоминаетъ собою Тифлисъ), Фейзабадъ тянется по берегамъ быстрой и глубокой, хотя и весьма не широкой Кокчи, по крайней мѣрѣ 7 верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, при чемъ правильное сообщеніе одного берега съ другимъ представляетъ единственный только, находящійся въ срединѣ города, деревянный мостъ. Но самъ по себѣ, городъ, не смотря на обязательную восточную нечистоту и, мѣстами, вонь, все-таки красивъ; большинство домовъ — сырцевые и двухъ-этажные, съ плоскими кровлями, но улицы узки и, мѣстами, извилисты и гористы; есть нѣсколько караванъ-сараевъ, очень удобныхъ и красивой архитектуры.

— Сегодня мы продажи производить не будемъ,— заявилъ намъ хозяинъ,—а отдохнемъ.

Но мы, собственно говоря, не были уставши; а потому, распорядившись развьючиваніемъ верблюдовъ, отправились шататься по городу. Цѣлью нашихъ шатаній были достопримѣчательности и въ томъ числѣ ханскій дворецъ, принадлежащій Эмиру-Аберахманъ-хану. Дворецъ этотъ, построенный въ восточномъ стилѣ, окруженъ прелестнымъ англійскимъ паркомъ, среди котораго бьютъ фонтаны и вырыты пруды.

Передъ дворцомъ, баталіонъ афганской пѣхоты производилъ ученье. Мы остановились посмотрѣть.

Афганская пѣхота, подобно конницѣ, щеголяетъ своимъ наружнымъ стройнымъ и молодцоватымъ видомъ.

Одежда ея (расположенной въ Бадахшанѣ) состоитъ изъ черныхъ суконныхъ куртокъ, такихъ же штановъ на выпускъ, мѣховыхъ персидскихъ шапокъ и кожаныхъ ботинокъ, съ двойными подошвами, на винтахъ. Аммуницію составляетъ широкій ремень и двѣ патронныя сумки изъ желтой юфтовой кожи. Зимою, поверхъ мундировъ, носятъ свѣтлокоричневые шерстяные плащи.

Всѣ вообще афганскія силы раздѣляются на *низамъ* (регулярное войско) и *хазадаръ* (ополченіе). Численность низама: пѣхоты—отъ 50-ти до 60-ти батальоновъ

(т. е. отъ 30-ти до 35-ти тысячъ человѣкъ), кавалеріи—около 20-ти полковъ (8,000 чел.) и артиллеріи—около 200 орудій.

Число же хазадаровъ опредѣлить весьма трудно; но, судя по тому, что въ сѣверномъ Афганистанѣ, въ каждомъ селеніи есть не меньше сотни конныхъ и столько же пѣшихъ,—численность ихъ весьма велика.

Военной службѣ подлежатъ всѣ подданные эмира, за исключеніемъ узбековъ и народовъ, состоящихъ въ вассальной отъ него зависимости (газаре, джемшиды, андохи и др.). Послѣдніе обязаны выставлять опредѣленное число воиновъ на случай войны эмира съ его сосѣдями. Кто разъ попалъ въ военную службу, тотъ не избавляется отъ нея до самой смерти, или до преклонныхъ лѣтъ. Изъ строя переводятъ людей въ разныя нестроевыя должности, какъ бы для отдыха, потомъ опять берутъ въ строй, опять переводятъ въ нестроевые и такъ всю жизнь. Иногда отпускаютъ людей домой на побывку.

Войска получаютъ хорошее жалованье и всегда аккуратно. Въ натурѣ казна отпускаетъ солдатамъ только оружіе, учебные припасы и по одной мундирной парѣ въ годъ, а все остальное довольствіе, какъ-то: провіантское, приварочное, фуражное, вещевое и денежное—отпускается каждому солдату деньгами: въ пѣхотѣ—по 5 руппій въ мѣсяцъ (1 руппія = 75 к.), въ артиллеріи—12 руппій и въ кавалеріи—20 руппій.

Смотры матеріальному имуществу войскъ производятся весьма часто,—не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, и всѣ вещи, которыя окажутся, при этомъ, неисправными, или негодными, замѣняются немедленно новыми,

съ вычетомъ изъ содержанія виновныхъ полной стоимости вещей, по опредѣленнымъ казеннымъ цѣнамъ.

Лошади въ кавалеріи составляютъ собственность всадниковъ; но, въ случаѣ надобности, замѣняются другими, на приведенныхъ основаніяхъ.

Это постоянное контролированіе матеріальнаго имущества людей поддерживаетъ порядокъ въ частяхъ и даетъ афганскимъ войскамъ приличный наружный видъ, но, съ другой стороны, частые денежные вычеты за неисправныя вещи, возбуждаютъ ропотъ нижнихъ чиновъ и, при вспыльчивомъ характерѣ афганцевъ, приводятъ часто къ неумѣстнымъ объясненіямъ между подчиненными и ихъ ближайшими начальниками, что весьма вредно отражается на дисциплинѣ, которой, впрочемъ, афганскія войска, вообще, подчиняются неохотно.

Во время войны, или передвиженія войскъ въ такія мѣста, гдѣ трудно найдти продовольствіе, таковое перевозится на казенный счетъ и продается имъ по казеннымъ заготовительнымъ цѣнамъ.

Самое замѣчательное въ афганской арміи—это вьючный обозъ. Вьючныя лошади, называемыя *ябу*,—небольшаго роста, но необыкновенно сильныя. Независимо вьюка, пудовъ около 5-ти или 6-ти, они несутъ и своего вожатаго, что, въ общемъ, составитъ болѣе 10-ти пудовъ грузу. На каждыхъ двухъ кавалеристовъ полагаетси по одному ябу, вслѣдствіе чего обозъ бываетъ всегда растянутъ. Въ пѣхотѣ же, на каждыхъ 7 человѣкъ полагается одинъ верблюдъ и на каждыхъ четырехъ верблюдовъ—одинъ верблюдовожатый. Замѣчательна также и выводка лошадей послѣ сдѣланнаго

перехода. Лошадей привязываютъ другъ къ другу, поводомъ задней къ хвосту передней и, такимъ образомъ, въ кругъ 4 или 5 лошадей. Человѣкъ становится въ центрѣ круга и заставляетъ лошадей ходить вокругъ себя. Такой порядокъ отнимаетъ мало людей и особенно практиченъ при остановкахъ въ горахъ, гдѣ, часто, нѣтъ мѣста для проводки лошадей обыкновеннымъ способомъ.

Пѣхота раздѣляется на гвардейскую (парадеровъ) и армейскую. Первая состоитъ при генералъ-губернаторскихъ резиденціяхъ: въ Кабулѣ, Кандагарѣ, Гератѣ и въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Въ парадеры выбираются здоровые, рослые люди и служба въ нихъ считается почетнѣе службы въ арміи. Парадеры одѣты безукоризненно; мы видѣли нѣсколько офицеровъ, бывшихъ въ отпуску въ Фейзабадѣ, и послѣ—цѣлый баталіонъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Форма вездѣ одинакова: красный суконный мундиръ, съ желтымъ воротникомъ, погонами и обшлагами, и бѣлыми кантами по борту, воротнику и обшлагамъ; бѣлые бумажные штаны, башмаки на босую ногу и войлочныя каски, съ металлическими звѣздами на лбу; шеи повязаны бѣлыми платочками. Вооруженіе — нарѣзное ружье, заряжающееся съ дула, со штыкомъ; портупеи поясныя, изъ бѣлой кожи, точно такія же, какъ и у насъ въ гвардіи. Люди брѣютъ бороды и носятъ бакенбарды, въ видѣ тонкой полосы отъ ушей къ оконечности губъ; волосы стригутъ коротко *).

Офицеры одѣты въ темно-синій сюртукъ, черные

*) Афганскій народъ носитъ длинные волосы, иногда по плечи.

штаны и войлочную шляпу съ широкими полями, обернутую голубою кисеею. Внѣ службы, люди ходятъ въ своемъ національномъ костюмѣ: короткомъ бумажномъ архалукѣ, обыкновенно—синяго цвѣта, и чалмѣ.

Армейская пѣхота содержится гораздо проще: люди одѣты въ національный костюмъ. Вооруженіе—гладкоствольное ружье со штыкомъ. Портупеи—поясная и черезъ правое плечо изъ нечерненой кожи.

Афганская пѣхота сформирована въ батальоны (пальтанъ) по 600 рядовыхъ. Обозъ, какъ я уже говорилъ,—вьючный, верблюжій; верблюдовожатыхъ въ батальонѣ по 22 человѣка. Въ Кабулѣ-же,—какъ говорятъ афганцы,—для перевозки военныхъ тяжестей и для подъема артиллеріи на горы употребляются слоны.

Афганскій кавалерійскій полкъ состоитъ изъ 4-хъ сотень, и какъ рѣдкое исключеніе, попадаются 6-ти-сотенные полки. Въ сотнѣ 100 коней; на каждыхъ десять рядовыхъ полагается одинъ *дафодаръ* (т. е. десяточный унтеръ-офицеръ), у котораго, кромѣ карабина и сабли, имѣется еще пика, длиною въ одну сажень съ флюгеромъ.

Кавалерія строится въ одну шеренгу, всадникъ отъ всадника на шагъ разстоянія. Дафодаръ становится на правомъ флангѣ своего десятка; офицеры — передъ фронтомъ. Лошадей кутаютъ въ тяжелыя войлочныя, или ковровыя попоны, и такъ какъ они составляютъ собственность всадника, то при потерѣ лошади на службѣ, по причинамъ, независящимъ отъ хозяина, ему выдается изъ казны 4 тилли (16 руб.), что недостаточно для пріобрѣтенія хорошей лошади, стоющей 10 тилли. Обмундированіе въ кавалеріи чрезвычайно разнообразно; намъ попадались синіе мундиры съ лацканами: желтыми, малиновыми, бѣлыми; мундиры, похожіе нѣсколько на гусарскую венгерку; черные мундиры съ бѣлыми воротниками, погонами и обшлагами и, наконецъ, красные мундиры (въ самомъ храбромъ полку, носящемъ названіе «полка змѣй»). На головахъ надѣты войлочныя каски и каски изъ полосатой бумажной матеріи съ небольшимъ пучкомъ пѣтушиныхъ перьевъ на верху. Мундиры—изъ бумажной матеріи на

ватѣ (кромѣ «полка змѣй», гдѣ они изъ сукна). Чрезвычайно пестрый нарядъ, пригнанный къ тому-же неловко, придаетъ солдатамъ крайне смѣшной видъ. Но эти самые солдаты, облачившись въ свой національный костюмъ, выглядятъ молодцами. Кавалеристы, въ пѣшемъ строю, носятъ башмаки, а въ конномъ—высокіе сапоги изъ нечерненой кожи съ прямыми голенищами, т. е. совсѣмъ безъ складокъ, до колѣна.

Сѣдла, уздечки и мундштуки англійскаго образца. Металлическій приборъ къ лядункамъ и поясамъ съ англійскими гербами и надписями вродѣ: «2-го Бенгальскаго полка легкой кавалеріи», «Да здравствуетъ королева», «Боже храни королеву» и пр. Часто можно встрѣтить пряжки и бляхи низомъ кверху. Металлическій приборъ покупается въ Индіи на казенный счетъ.

Кавалерійскіе полки носятъ особыя названія, такъ, напримѣръ: полки Абасси и Гуссейна, получившіе свое названіе отъ командировъ, которые ихъ сформировали. Полкъ-же змѣй носилъ прежде названіе «18-ти рѣкъ» и только въ 1877 году получилъ теперешнее имя, за особенное отличіе, оказанное имъ при отбитіи 500 плѣнныхъ жителей, захваченныхъ туркменами въ окрестностяхъ Меймене. Когда получено было извѣстіе объ этомъ аламанѣ, полкъ находился въ Мазаръ-и-Шерифѣ. Онъ въ два дня прискакалъ въ Меймене и на етвертый день настигъ аламанъ, много изрубилъ туркменъ и освободилъ плѣнныхъ. Полкъ, какъ змѣя, всюду пролѣзъ, отчего и получилъ свое названіе.

Итакъ, изъ сказаннаго можно заключить, что афганская армія—самая лучшая изъ всѣхъ азіатскихъ

армій. Но, не смотря все-таки на все это, не смотря на ихъ дикую храбрость, доходящую до жестокости, имъ трудно мѣряться съ европейской арміей. Ихъ били англичане, били и русскіе и еще побьютъ тѣ или другіе, когда этого обстоятельства потребуютъ. Причины неудачъ афганцевъ въ схваткахъ съ англичанами и русскими состоятъ, прежде всего, въ томъ, что нѣтъ такой «Азіи», которая устояла бы противъ «Европы», что европеецъ дерется гораздо лучше азіатца, а главное—англичане закрѣпили за собою нравственное превосходство. Затѣмъ, развращенное высшее начальство изъ афганскихъ войскъ, состоящее, большею частью, изъ персіянъ, и англійскій уставъ, принятый въ этой арміи, способствовали всегдашнему пораженію афганцевъ.

Уставъ англійскій примѣняется со всею строгостью въ афганской арміи, нисколько не принимая въ соображеніе ни характера, ни особенностей афганца. Уставъ стремится влить свободнаго горца въ ту форму, какая годна для англійскаго солдата, но совершенно непригодна для него. Навязываніе афганцу системы обученія для него не сродной—большая ошибка, за которую, вѣроятно, еще придется платиться афганцамъ.

Молодецъ-афганецъ преобразился въ смѣшной образъ негоднаго англійскаго солдата. Уставъ выучили, но не поняли его духа. Такъ, напримѣръ, прогуливаясь, вечеромъ, сколо афганскаго лагеря въ Фейзабадѣ, мы слышали, какъ, при повѣркѣ часовыхъ, патруль громко, на весь лагерь, спрашивалъ пропускъ; часовой также громко отвѣчалъ ему. Очевидно, при такихъ порядкахъ, всякій, кому только нужно, легко узнаетъ пропускъ и свободно проберется черезъ аванпостную цѣпь.

У англичанъ есть пріемъ: «ружья на погребеніе»; и афганцы его продѣлываютъ; у англичанъ онъ имѣетъ смыслъ, такъ какъ, при погребеніи военнаго, на могилу слѣдуетъ воинская команда; у мусульманъ этого не полагается, а между тѣмъ, афганцы учатся безполезному для нихъ пріему только потому, что онъ вошелъ въ англійскій уставъ. Ловкаго горца, способнаго къ одиночнымъ дѣйствіямъ, сковали по рукамъ и ногамъ, поставивъ въ деревянный строй и лишивъ его возможности выказать свои способности въ разсыпномъ строѣ. Съ фехтовальными пріемами—тоже самое; они возведены на степень ружейныхъ пріемовъ. Затѣмъ, кромѣ обыкновеннаго шага, у афганцевъ существуетъ тихій и скорый; послѣдній—съ присѣданіемъ на колѣно.

Кромѣ англійскаго устава, — какъ я уже говорилъ, — вредомъ для афганской арміи являются персы, изображающіе собою представителей образованности въ Афганистанѣ; въ афганской арміи есть офицеры, которые совершенно не знаютъ по афгански. Персы втерлись всюду: они — первые совѣтники въ Бухарѣ, министры въ Афганистанѣ, офицеры въ афганской арміи. Если только Афганистанъ и погибнетъ, то причиною тому будутъ персы. Самый грубый развратъ, пьянство, а самое главное—продажность,—вотъ главныя качества высшаго класса этого народа. Безстыдство чиновниковъ изъ персовъ доходитъ до того, что, получивъ отъ европейца въ подарокъ какую-нибудь золотую или серебряную вещь, при немъ же взвѣшиваетъ ее на рукѣ, и если найдетъ недостаточно тяжеловѣсною, то прямо говоритъ, что этого мало, нужно прибавить.

Афганцы же — совсѣмъ другой народъ; стоитъ большаго труда, заставить афганскаго солдата принять подарокъ. Но, видно, что тлетворное вліяніе персовъ коснулось уже высшаго класса афганцевъ. Бодрый, здоровый, крѣпкій, не избалованный природою своей страны, афганецъ высшаго класса не можетъ теперь пуститься въ путь безъ многочисленной прислуги; на большомъ переходѣ онъ совершенно раскисаетъ. Простой же солдатъ сохранился во всей неприкосновенности; онъ производитъ впечатлѣніе человѣка чистаго, неиспорченнаго. Одна черта въ афганцахъ общая, принадлежатъ-ли они къ высшему или низшему классу, это—необычайная хвастливость. Такъ, напримѣръ, они увѣряютъ, что нарѣзныя ружья, которыми вооружена гвардія, изготовляются въ Кабулѣ, хотя англійскія клейма на этихъ ружьяхъ противорѣчатъ увѣреніямъ.

Отношенія же между солдатами и офицерами самое патріархальное, въ чемъ мы могли убѣдится въ «чайхане».

Погулявъ, въ первый день прибытія нашего въ Фейзабадъ, по городу, вечеромъ мы отправились въ «чайхане» — этотъ восточный клубъ, куда, по вечерамъ, не столько для чая, какъ для бесѣды, собирается разнообразная публика. Первая комната, куда мы вошли, была сплошь наполнена солдатами и офицерами, мирно бесѣдующими между собою, попивающими изъ маленькихъ чашекъ въ прикуску чай и передающими кальянъ другъ другу безъ всякихъ чиновъ и званій. Если только офицеръ закуриваетъ кальянъ, нѣсколько солдатъ подсядутъ къ нему и ждутъ очереди; офицеръ

вынетъ табакерку, чтобы положить щепоть табаку подъ языкъ, нѣсколько солдатскихъ пальцевъ тянется къ табакеркѣ, и наоборотъ: если солдатъ вынетъ свою табакерку, то къ ней тянется офицеръ и пр. Товарищескія отношенія между начальниками и подчиненными, сколько можно было замѣтить, не вредятъ службѣ: солдатъ безпрекословно повинуется офицеру и также безпрекословно сноситъ его побои; впрочемъ, послѣдніе встрѣчаются, какъ крайне рѣдкое явленіе.

Нѣсколько офицеровъ и солдатъ, когда мы вошли въ чай-хане, играли въ орлянку, другіе же курили кальянъ и дѣлились новостями. Хотя въ Фейзабадѣ, на манеръ англійскаго, и устроено офицерское казино, нѣчто вродѣ нашего офицерскаго собранія, но они предпочитаютъ ему чай-хане, гдѣ они могутъ не только подѣлиться сплетнями, до которыхъ восточный людъ падокъ, но посмотрѣть и на фокусниковъ, на танцовщиковъ и послушать бродячихъ музыкантовъ.

На этотъ разъ ничего подобнаго въ чай-хане не было. Въ слѣдующей комнатѣ публика чинно сидѣла

по стѣнамъ, на низенькихъ диванчикахъ, поджавъ подъ себя ноги; посрединѣ же сидѣлъ какой-то старикъ, оказавшійся извѣстнымъ по своему благочестію «ишаномъ» и читалъ священные стихи, послѣ прочтенія каждаго изъ нихъ сплевывая въ стоящую около него чашку съ водою; прислуживалъ ему старикъ-хаджа, (пилигриммъ), поднося то—чай, то—сахаръ; нѣсколько

такихъ же хаджей сидѣло между другими зрителями; ихъ сразу можно было замѣтить по четкамъ, которые они перебирали въ рукахъ, и зеленымъ чалмамъ (священнымъ воспоминаніямъ Аравіи). Наконецъ, ишанъ кончилъ чтеніе и хаджа убралъ чашку со слюною и перелилъ ее въ бутылку. Слюна эта, какъ пропитанная святостью священныхъ словъ, продается правовѣрнымъ въ видѣ лекарства, исцѣляющаго отъ всѣхъ недуговъ. Вскорѣ послѣ ишана, появились въ залѣ танцовщики мальчики, и начали танцовать какой-то невѣдомый мнѣ танецъ, то—медленно скользя по полу то—переходя въ какую-то бѣшеную саррабанду. Зрители немилосердно имъ хлопали въ ладоши и бросали имъ мѣдныя деньги; вскорѣ къ остальнымъ присоединились и афганскіе солдаты и офицеры; они скорѣе готовы послушать музыкантовъ и посмотрѣть на танцовщиковъ, чѣмъ прослушать проповѣдника. Веселье продолжалось въ чай-хане за полночь, но мы ушли значительно раньше.

На другой день, къ намъ явились хаджи и просили ихъ взять въ путь съ собою, такъ какъ они тоже намѣревались побывать сперва въ Кундузѣ, а потомъ въ Мазаръ-и-Шерифѣ.

С—ко предлагалъ-было отправиться въ Кафиристанъ лежащій на сѣверныхъ склонахъ Индо-Куша, но это оказалось невозможнымъ, во-первыхъ, потому, что всѣ дороги, ведущія туда — только для пѣшеходовъ, и во-вторыхъ, эта мѣстность номинально подчинена только афганцамъ, и путешестіе по ней далеко не безопасно; что же касается южной части Кафиристана, или, какъ ее называютъ «Южной Читралью», лежащей за Индо-

Кушемъ, то она, по свирѣпости ея жителей, кяфировъ-сіагпушей, совершенно недоступна; по этому мы должны были удовольствоваться нѣкоторыми не безъинтересными свѣдѣніями.

IX.

Кафиристанъ по разспроснымъ свѣдѣніямъ.

трана, называемая Кафиристаномъ, занимаетъ южные склоны самой высокой и недоступной части Индо-Куша. Ограниченная съ сѣвера вѣчными снѣгами, съ юга — горными долинами, спускающимися къ Кабулъ-Дарьѣ, съ запада—отрогомъ Индо-Куша, окаймляющимъ слѣва теченіе р. Пендшира и съ востока—р. Каме или Кунаромъ, —площадь Кафиристана не велика; съ востока къ западу она тянется всего на 70 англійскихъ миль, а съ сѣвера на югъ отъ 50-ти до 70-ти; но, благодаря чрезвычайно пересѣченной мѣстности, а главное, вслѣдствіе свирѣпости ея жителей—кафировъ-сіагпушей, страна эта и въ настоящее время остается неизслѣдованною.

По словамъ афганцевъ, господство сіагпушей (черноризцевъ) не ограничивается приведенными здѣсь предѣлами, но распространяется далѣе, къ востоку, по южнымъ склонамъ Индо-Куша и по верховьямъ р. Кунара, на всю страну, называемую афганцами: «Южная Читраль».

Окруженные со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ магометанскимъ населеніемъ, кяфиры-сіагпуши съумѣли сохранить не только свою независимость, но успѣли еще навести ужасъ на своихъ сосѣдей, дикими своими набѣгами. Афганцы говорятъ, что сіагпуши не боятся ни Бога, ни людей, и что изъ ихъ рукъ никто еще живымъ не ушелъ. За мусульманами, они, просто, охотятся, какъ за добычей, такъ какъ, по принятому у нихъ закону, ни одинъ мужчина не можетъ пользоваться гражданскими правами ранѣе, чѣмъ онъ убилъ хоть одного врага. Если имъ въ руки попадется живой мусульманинъ, они зарываютъ его въ землю по поясъ и побиваютъ камнями.

Чужеземцамъ, забравшимся въ ихъ горныя трущобы, по словамъ афганцевъ, нѣтъ никакого спасенія: со всѣхъ сторонъ неожиданно раздается рѣзкій свистъ и толпа сіагпушей, мгновенно, окружаетъ путниковъ и убиваетъ ихъ безпощадно. По словамъ бадахшанскихъ туземцевъ, тутъ даже и бѣгство невозможно, такъ какъ никто не можетъ сравниться въ легкости и быстротѣ бѣга съ сіагпушами, которые, притомъ, съ чрезвычайной ловкостью, перепрыгиваютъ черезъ кусты, камни и самыя глубокія пропасти, при помощи своихъ луковъ, на которые они опираются.

Одежда сіагпушей состоитъ изъ черныхъ полушубковъ, называемыхъ у нихъ «чекменемъ», и штановъ до колѣнъ, изъ шерстяной ткани чернаго цвѣта, называемыхъ «бубо». Этотъ мрачный костюмъ, вѣроятно, и далъ имъ названіе «сіагпушей», т. е. черноризцевъ. Волоса они носятъ длинные, ниже плечъ, но головнаго убора совсѣмъ не имѣютъ, за исключеніемъ узкой повязки

изъ разноцвѣтной шерстяной тесьмы. Обувь ихъ состоитъ зимою—изъ черныхъ шерстяныхъ валенокъ, а лѣтомъ—изъ башмаковъ козлиной шкуры, шерстью вверхъ. Видѣнные нами въ Фейзабадѣ нѣсколько бѣглыхъ, уже принявшихъ исламъ, сіагпушей, были совсѣмъ босые. Рубахи они носятъ изъ грубой бумажной ткани.

Вооружены они широкими острыми кинжалами, съ желѣзными рукоятками и длинными, упругими, деревянными луками, съ тетивами изъ бычачьихъ жилъ; стрѣлы къ этимъ лукамъ также деревянныя, съ тяжелыми желѣзными наконечниками, намазанными ядомъ. Кинжалы они носятъ на шерстяныхъ поясахъ, называемыхъ «ленчи», а стрѣлы—за плечами, въ кожаныхъ колчанахъ. По словамъ очевидцевъ, стрѣлы эти пробиваютъ человѣка насквозь на разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ. Въ бою, сіагпуши бросаются всегда въ кинжалы, дерутся звѣрски, скрипятъ зубами и не даютъ пощады никому. Къ походамъ они всегда готовы, и набѣги ихъ, иногда весьма отдаленные, повторяются безпрестанно, но не иначе, какъ пѣшкомъ, такъ какъ лошадей у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ домашнемъ быту ихъ царствуетъ полная анархія, никакихъ властей они не признаютъ и только, на время войны, избираютъ себѣ вождей, на общихъ сходкахъ.

Живя разбросанно, небольшими общинами, по горнымъ ущельямъ, сіагпуши часто ссорятся между собою изъ-за права пользованія землею. Эти ссоры, не рѣдко, оканчиваются кровавыми схватками, въ которыхъ, иногда, погибаютъ жители цѣлыхъ селеній.

Эти краткія свѣдѣнія о сіагпушахъ, почерпнутыя нами со словъ афганцевъ, подтверждаются и многими англійскими путешественниками, которые, въ отношеніи нравственныхъ качествъ, выставляютъ ихъ народомъ добродушнымъ, веселымъ, беззаботнымъ, общежительнымъ, твердымъ въ словѣ, правдивымъ, смышленнымъ, въ высшей степени гостепріимнымъ, мужественнымъ и свободолюбивымъ. Но эпитеты эти не признаются, однако, мусульманами, которые видятъ въ нихъ только непримиримыхъ враговъ; тѣмъ не менѣе, сами афганцы говорятъ о нихъ съ уваженіемъ.

Между Бадахшаномъ и Кафиристаномъ нѣтъ и не было никакихъ торговыхъ сношеній, и, по словамъ афганцевъ, сіагпуши не имѣютъ никакого представленія о деньгахъ и ни въ чемъ не нуждаются. Богатство ихъ заключается въ скотоводствѣ и земледѣліи; овецъ и рогатаго скота у нихъ вдоволь, хлѣбныя растенія, а также фрукты и виноградъ страна ихъ производитъ въ изобиліи. Винодѣліе у нихъ процвѣтаетъ и вино составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей всего населенія.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, мѣстность Кафиристана въ высшей степени пересѣченная, горы перерѣзываютъ страну по всѣмъ направленіямъ, образуя множество долинъ и ущелій, поросшихъ густыми лѣсами изъ ели, сосны, дуба, дикой оливы и другихъ древесныхъ породъ, свойственныхъ альпійскимъ странамъ и орошаемыхъ горными потоками, съ шумящими водопадами.

Дороги состоятъ, исключительно, изъ узкихъ горныхъ тропинокъ, извивающихся по отвѣснымъ карнизамъ, надъ глубокими пропастями и по крутымъ рѣчнымъ долинамъ, и доступны только для пѣшеходовъ. Афганцы, неоднократно, прорывались въ Южную Читраль со стороны Бадахшана, но набѣги ихъ были всегда безуспѣшны и ограничивались только разореніемъ нѣсколькихъ пограничныхъ селеній, заранѣе уже брошенныхъ сіагпушами. По словамъ афганцевъ, никакія войска не могутъ проникнуть въ Кафиристанъ, такъ какъ, по дорогамъ, почти на каждомъ шагу, встрѣчаются такія мѣста, на которыхъ нѣсколько десятковъ сіагпушей въ состояніи остановить движеніе цѣлаго отряда и съ вершинъ горныхъ утесовъ забросать камнями воиновъ съ самымъ лучшимъ вооруженіемъ.

Эти распросныя свѣдѣнія подтверждаются также и историческими фактами; дѣйствительно, ни одинъ завоеватель не могъ проникнуть въ глубь Кафиристана; Александръ Македонскій не покорилъ окончательно эту страну, а знаменитый альпійскій походъ Тимура, предпринятый имъ изъ Бадахшана, въ 1408 году, былъ совершенно неудаченъ и ограничился только разореніемъ нѣсколькихъ селеній, въ отмщеніе за поголовное истребленіе сіапгушами одного изъ лучшихъ полковъ этого великаго завоевателя. Послѣ Тимура, монголы, при императорѣ Акбарѣ, снова ворвались въ Кафиристанъ и дошли до горнаго укрѣпленія Гушаль, но, потерпѣвъ неудачу, должны были возвратиться; точно также и походъ персовъ противъ кяфировъ, при Надиръ-Шахѣ, въ 1739 году, былъ безуспѣшенъ. Сіагпуши остались, по прежнему, непокоренными и независимыми. Такимъ

образомъ, и распросныя, и историческія свѣдѣнія одинаково свидѣтельствуютъ о непоколебимости духа и мужествѣ этихъ свободныхъ горцевъ и малой доступности ихъ страны.

Изъ Бадахшана въ Кафиристанъ ведутъ однѣ только вьючныя дороги. Главнѣйшая изъ нихъ, отдѣлившись отъ Фейзабада въ восточномъ направленіи, тянется вверхъ по долинѣ р. Кокчи до Зебака, гдѣ она развѣтвляется.

Но всѣ ведущія въ Кафиристанъ дороги, пролегая по узкимъ береговымъ карнизамъ, свѣшивающимся надъ бездонными пропастями, доступны только лѣтомъ, съ 1-го мая по 1-е сентября; зимою же, съ паденіемъ перваго снѣга, сообщеніе по нимъ совершенно прекращается до слѣдующей весны. По словамъ одного афганца, по имени Абдиль-Вагаба, пробиравшагося нѣсколько разъ черезъ Кафиристанъ до Пешавера и обратно, подъемы въ перевалахъ Индо-Куша, съ сѣверной стороны, довольно отлоги и покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ; дороги же вполнѣ доступны для всадниковъ до самыхъ переваловъ, но растительность совершенно прекращается верстахъ въ 10-ти отъ гребня Индо-Куша.

Южные же склоны переваловъ весьма круты и извилисты и доступны только для пѣшеходовъ. Самый трудный изъ этихъ переваловъ—Катаги-Нуксанъ (т. е. изъянистый перевалъ), чрезъ который дорога вьется ужасными тѣснинами, около страшныхъ пропастей, и съ котораго на читральскую сторону спускаются не иначе, какъ скатываясь по мерзлому снѣгу на кожанной подстилкѣ.

Вся южная пограничная полоса Кафиристана, до англійскихъ владѣній, населена воинственнымъ мусульманскимъ народомъ, номинально только подчиняющимся афганцамъ. Она не болѣе доступна для изслѣдованій, чѣмъ и самая страна сіагпушей, какъ по характеру мѣстности, такъ и по характеру ея жителей.

Какъ говорятъ англійскіе офицеры, бывшіе въ афганской экспедиціи, вся эта страна, изрѣзанная высокими горами и глубокими долинами, имѣетъ вполнѣ альпійскій характеръ: горы покрыты густыми хвойными и лиственными лѣсами, а долины, обильно орошаемые дождями и горными потоками, весьма плодородны и хорошо обработаны. Земледѣльческія произведенія въ этихъ долинахъ чрезвычайно дешевы: въ восемь разъ, говорятъ, дешевле, чѣмъ въ Кабулѣ. Господствующее населеніе этой альпійской страны принадлежитъ многочисленному афганскому племени Юсуфзіевъ, подраздѣляющемуся на многія колѣна, изъ которыхъ каждое управляется своимъ собственнымъ ханомъ. Боевыя силы этихъ независимыхъ горцевъ весьма значительны, такъ, напримѣръ, колѣно Хвадзайское, занимающее бассейнъ р. Пянджкоры и образующее одно сильное владѣніе Диръ, въ которомъ считается 62 селенія, можетъ выставить 20 тысячъ стрѣлковъ; другое колѣно,—Хвадзайское, населяющее правый берегъ рѣки Сѳатъ, въ 122 селенія, и раздѣляющееся на роды Ранизай и Дабуза, можетъ выставить 30 тысячъ стрѣлковъ. Колѣно Османъ-Хайлей, образующее союзъ, на правомъ берегу Кабулъ-Дарьи, между притоками ея Кунаромъ и Сѳатомъ, можетъ выставить 10 тысячъ стрѣлковъ. Пограничный къ англійскимъ владѣніямъ независимый округъ Манезайской и Мандизайской отраслей, подраздѣляющихся на десять колѣнъ, можетъ выставить, изъ 111-ти селеній, 65 тысячъ вооруженныхъ людей.

Очень можетъ быть, что цифры эти нѣсколько преувеличены, но, во всякомъ случаѣ, они свидѣтельствуютъ о густой населенности и богатомъ плодородіи южныхъ склоновъ Индо-Куша, а также о значительныхъ, хотя и разбросанныхъ, боевыхъ средствахъ Афганистана.

Судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, перевалы черезъ Индо-Кушъ, лежащіе къ востоку отъ Читральской страны и ведущіе въ Кашемирскую долину, несравненно болѣе доступны, чѣмъ перевалы, ведущіе въ Кафиристанъ. Самымъ удобнымъ изъ нихъ считается Барагильскій перевалъ, называемый «Барагильской степью» который не только доступенъ, большую часть года, для лошадей и для верблюдовъ съ вьюками, но и для телѣгъ съ кладью. Отъ этого перевала, говорятъ, одна хорошая дорога ведетъ въ читральскій городъ Мастучъ, а другая, черезъ города Ясинъ и Гилингъ, къ верховьямъ Инда и далѣе—въ долину Кашемира.

Вотъ все, что мы могли узнать, по распросамъ, о Кафиристанѣ, и въ своемъ движеніи на югъ должны были ограничиться Кундузомъ.

Видѣнные же нами, въ Фейзабадѣ, сіагпуши, принявшіе уже исламъ, съ виду казались дикими, съ распущенными, ниже плечъ, волосами. Хотя они принадлежатъ къ кавказскому племени, но скорѣе похожи, по цвѣту лица и выраженію орлиныхъ глазъ, на афганскихъ индѣйцевъ.

109 И. С. Васильевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Кн. 2. Вып. III. 1892 г.

Казаки дивились и радовались такому обороту.

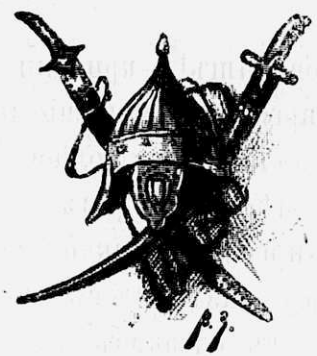
Впослѣдствіи, по показанію плѣнныхъ киргизовъ объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ и объявилъ, что команды тѣ сію минуту должны прискакать съ Урала. Киргизы испугались встрѣчи съ нѣсколькими сотнями, бросивъ преслѣдовать малочисленную команду Ефремова, быстро помчались далѣе, въ степь. На другихъ же форпостахъ и въ станицахъ узнали о нападеніи киргизовъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда команда Ефремова возвратилась на свой форпостъ.

Такимъ образомъ, Нефедъ, погибая самъ, нашелся, какъ спасти своихъ товарищей; и товарищи за это были ему признательны и долго вспоминали о немъ, творя за него молитву.

Подобныхъ схватокъ съ киргизами на Уралѣ и по прочимъ кордоннымъ линіямъ степи бывало множество.

821 И. К—ъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Разсказъ путешественника).

(Продолженіе *).

IX.

По дорогѣ въ Кундузъ.—Хаджа Рахимъ разсказываетъ сказку и продаетъ священную слюну.—Населеніе края.—Его промышленность и торговля. — Горный промыселъ и скотоводство. — Городъ Кундузъ. — На свадьбѣ у афганца Вали.

Съ выступленіемъ изъ Фейзабада, караванъ нашъ значительно поуменьшился въ товарахъ, но за то, значительно увеличился въ численности, — цѣлою партіею хаджи, присоединившихся къ намъ въ Фейзабадѣ. Старикъ Рахимъ, тотъ самый, который въ фейзабадскомъ «чай-хане» собиралъ священную слюну, какъ старшій изъ хаджей, родомъ хивинецъ, предводительствовалъ своими товарищами.

Эти святоши, обряженные въ лохмотья, съ пальмовыми посохами въ рукахъ и котомками за плечами, столь угрюмые и мрачные въ городѣ, съ выступленіемъ въ путь, сразу измѣнили свои физіономіи, сдѣ-

*) Начало было помѣщено въ книжкахъ «Чт. для Солд». предыдущаго и сего года.

лавшись не только разговорчивыми, но даже словоохотливыми, однимъ словомъ—веселыми спутниками. Но, что меня удивило, такъ это то, что нѣкоторые изъ

этихъ святошъ, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи несчастнаго ослика, навьюченнаго, повидимому, лохмотьями, по приходѣ на привалъ, оказывались всегда лучше другихъ снабженными всѣмъ тѣмъ, что понадобится въ дорогѣ. По прибытіи на стоянку, у него оказывался и коверъ, замѣняющій постель, и намазъ-джай (т. е. молельный коврикъ, на которомъ совершается молитва), посуда для варки чая *) и другая посуда для похлебки, пилава или каши, не забыто также и веретено для приготовленія шашлыка (жареная баранина).

*) По предписанію Корана „чайдонушъ"—кружкообразный мѣдный сосудъ, есть непремѣнный спутникъ каждаго путешествующаго мусульманина. Самый бѣдный нищій носитъ подобный сосудъ, привязанный къ поясу.

Кромѣ всего этого, можно найдти у каждаго хаджи, различные бездѣлушки, вывезенныя изъ священной Бухары, какъ-то: амулеты, талисманы, бусы и другія мелочи, за которыя правовѣрные платятъ имъ въ-три-дорога, во-первыхъ потому, что они вывезены изъ священныхъ мѣстъ; а во вторыхъ—желаніе оказать благодѣяніе хаджи, мусульманами уважаемаго, заставляетъ платить ему за все вдвое. Покупателями, у этихъ торговцевъ, являются большею частью женщины, хотя, впрочемъ, щеголихи у нихъ покупаютъ очень рѣдко, но за то, зачастую, можно встрѣтить почтенную мать семейства, которая, заплативъ изъ-за благочестія хорошую цѣну, крѣпко прижимаетъ купленный платокъ ко лбу и къ лицу, и отходитъ отъ торговца, громко бормоча обычное въ этихъ случаяхъ *аллахумъ-селла.*

Въ караванѣ между хаджи слѣдовали два еще, довольно молодыхъ, повидимому, товарища; они торговали сообща и потомъ дѣлили между собою барыши. Но вотъ, на одномъ привалѣ, они, продавъ на бездѣлицу своихъ мелочей, что-то не подѣлили между собою: одинъ изъ нихъ хотѣлъ обсчитать другаго; поднялся страшный споръ; споръ этотъ, сначала, былъ до того смѣшенъ, что доставлялъ даже нѣкотораго рода развлеченіе.

— Какъ тебѣ не стыдно, Гассанъ,—обращался одинъ къ другому;—вѣдь, ты меня надулъ!

— Вовсе нѣтъ; ты обсчиталъ меня.

— Побойся Бога, Гассанъ, отдай мнѣ мой шауръ (5 коп.), а то плохо будетъ.

— А что будетъ?

— Пріидемъ въ Мазаръ, Али (святому-то, умершему нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ), пожалуюсь; онъ прикажетъ бабамъ тебѣ въ бороду наплевать.

Обиженный говоритъ это вполнѣ серьезно.

— Ну, что, хорошо тогда будетъ? На судъ пророка съ опоганенной бородой! Мы всѣ въ рай пойдемъ, а тебя не пустятъ; скажетъ пророкъ: »не умѣлъ въ чистотѣ бороду соблюсти, такъ нѣтъ здѣсь для тебя мѣста». Мы всѣ будемъ блаженствовать, наслаждаться!... А ты? Ты изъ-за одного шаура хочешь потерять вѣчное блаженство!—старался хаджа соблазнить своего товарища. Но тотъ былъ непреклоненъ. Обиженый, или тотъ, который считалъ себя обиженымъ, видя, что ничего не можетъ подѣлать съ обидчикомъ, перешелъ въ самую грубую брань, и что удивительнѣе всего,—по русски, хотя на этомъ языкѣ онъ не зналъ ни одного цензурнаго слова, а между тѣмъ, ругался не хуже ломоваго извощика. И, сколько я могъ замѣтить, всѣ магометане, побывавшіе въ русскихъ владѣніяхъ, выучивались исправно по русски ругаться.

Брань эта не унималась и грозила перейдти въ довольно крупную ссору, такъ что старшій изъ хаджей, Рахимъ, нашелъ нужнымъ вмѣшаться на привалѣ въ ихъ споръ.

— Послушайте, правовѣрные,—усовѣщевалъ онъ ихъ:—какъ вамъ не стыдно такъ злословить? У меня уши сами закрываются отъ вашихъ словъ. И вы думаете, что, послѣ этого, Аллахъ пріймetъ ваши молитвы? Развѣ можно, въ одно и то же время, поклоняться и Богу и золоту?! И что такое золото?—презрѣнный металлъ! Стоитъ-ли изъ за него терять вѣчное блаженство? Послушайте лучше, какую я вамъ разскажу исторію.

Спорящіе, отчасти—изъ уваженія къ своему главѣ, отчасти заинтересованные обѣщаніемъ разсказать исторію, до которой они большіе охотники,—призамолкли.

«Давнымъ-давно, жилъ одинъ богатый ханъ,—началъ Рахимъ свой разсказъ;—былъ онъ очень богатъ, а все-таки любилъ деньги и собиралъ ихъ. Изъ за денегъ, онъ не жалѣлъ ничего; онъ обиралъ своихъ подданныхъ только для того, чтобы собрать лишній шауръ; всѣ его кладовыя были переполнены серебромъ, золотомъ и всякими драгоцѣнностями; въ этихъ-то кладовыхъ ханъ проводилъ все свое время, тамъ же онъ и обѣдалъ, и молился. Но пріятна-ли Аллаху такая молитва? Вотъ, и рѣшилъ всемогущій Богъ, наказать сребролюбца. Однажды, сидѣлъ ханъ въ своей кладовой и считалъ свои сокровища, которыя находилъ все-таки недостаточными и придумывалъ средства, какъ бы ихъ еще увеличить, какъ вдругъ, предъ нимъ является старикъ и спрашиваетъ:

«О чемъ ты, ханъ, печалишься?

«Да, вотъ, — отвѣчаетъ тотъ,—я богатъ; но мнѣ хотѣлось-бы быть такимъ богатымъ, чтобы можно было купить весь свѣтъ.

«Хочешь, я тебѣ помогу?—говоритъ старикъ.

«Помоги; когда я сдѣлаюсь полнымъ властелиномъ вселенной, я тебя сдѣлаю за это своимъ главнымъ визиремъ.

«Не надо мнѣ этого; а вотъ, ты пойди въ садъ и окунись въ прудѣ семь разъ и потомъ если ты только до чего дотронешься—все будетъ обращаться въ золото. Съ этими словами старикъ исчезъ.

«Обрадовался ханъ и побѣжалъ къ пруду. Выкупался въ немъ, окунулся семь разъ и началъ одѣваться и—о, чудо! Не успѣлъ онъ дотронуться до своей одежды, какъ та сдѣлалась золотою, но за то, надѣть ее было трудно; однако, кое-какъ все-таки надѣлъ и пошелъ къ дому, хотя и тяжеловато было идти; проходя мимо розоваго куста, онъ вспомнилъ, что любимая его жена Майдарэ любитъ розы, и протянулъ руку, чтобы сорвать его, но едва прикоснулся къ нему рукою, какъ пышный розанъ обратился въ золото. Сильно обрадовался ханъ и началъ къ каждому кустику, къ каждому цвѣтку и дереву притрагиваться рукою, чтобы превратить въ золото. Не прошло и полчаса, какъ весь садъ, домъ и все, что въ немъ было, сдѣлалось золотымъ. Но радость хана продолжалась не долго; проголодался онъ и приказалъ подать себѣ шашлыкъ. Сочная, жирная баранина щекотала его обоняніе, и онъ набросился на нее съ жадностью голоднаго шакала. Но каковъ же былъ его ужасъ, когда лучшій кусокъ, какой онъ выбралъ, попавъ въ его пальцы, обратился въ холодный кусокъ золота. Какъ ни мучился голодный ханъ, а все-таки голода своего утолить не могъ; захотѣлось ему страшно пить, но едва онъ прикоснулся губами къ водѣ, какъ та быстро застыла и обратилась въ золотой слитокъ. Сильно испугался уже ханъ. «Да этакъ и съ голоду умрешь!»—вскричалъ онъ въ отчаяніи и пошелъ подѣлиться горемъ съ своею любимою женою.

«Красавица Майдарэ, желая утѣшить своего повелителя, припала къ нему на грудь; но едва онъ принялъ ее въ свои объятія, какъ несчастная жена обратилась въ золотую статую... Не взвидѣлъ свѣта больше сребролюбивый ханъ, вскрикнулъ, какъ дикій звѣрь, и убѣжалъ, куда глаза глядятъ. Теперь прошло ужъ много—много лѣтъ, а ханъ все бродитъ въ горахъ, да въ ущельяхъ, оглашая ихъ дикими стонами, и къ чему онъ только не притронется, все обращается въ золото; онъ зоветъ смерть, но праведный Аллахъ не посылаетъ ее...»

Кто знаетъ, чѣмъ окончилъ бы свое поученіе хаджа Рахимъ, если бы оно не было прервано появленіемъ постороннихъ лицъ.

Жители селенія, около котораго мы расположились на ночлегъ, узнавъ, что въ караванѣ находятся хаджи, идущіе изъ Бухары въ Мазаръ-и-шерифъ и, зная, что у этихъ святошъ всегда находятся какія-нибудь святости, поспѣшили къ каравану.

Вскорѣ нашъ бивуакъ, освѣщаемый свѣтомъ костровъ, принялъ видъ настоящаго базара; здѣсь были и старики, и молодые, и женщины, и дѣти; все это столпилось около небольшой кучки хаджей, на пере-

рывъ стараясь купить какую-нибудь святость, за которую, пользующіеся случаемъ, хаджи брали, по истинѣ, аптекарскія цѣны. Но лучше всѣхъ торговалъ хаджа Рахимъ. Онъ забылъ про свою поучительную исторію и, усѣвшись теперь возлѣ бутыли со священной слюной, продавалъ ее, толпящимся вокругъ него, больнымъ

и родственникамъ трудно-больныхъ, не могшихъ самимъ явиться, по баснословной цѣнѣ — по 2 и по 3 рупіи (т. е. по 1 р. 50 к. и 2 р. 25 коп.) за микроскопическій пузыречекъ. И у этого *безкорыстнаго* хаджи не дрожала рука, когда онъ собиралъ послѣдніе гроши у бѣдняковъ. Случалось, что одинъ или два даже человѣка не могли, сложившись, купить самаго крошечнаго пузырька всеисцѣляющей слюны, а Рахимъ по полъ-пузырька не продавалъ; тогда дѣлали складчину три и четыре человѣка, и, заручившись этимъ сокровищемъ, тутъ-же осторожно смазывали

свои больные члены, или бѣжали въ селеніе, чтобы подать облегченіе оставшимся тамъ.

Нужно было посмотрѣть на алчную физіономію Рахима, всегда обыкновенно набожную, когда онъ пряталъ заработанные деньги въ карманъ и когда наотрѣзъ отказалъ одной, повидимому чрезвычайно бѣдной, женщинѣ, дать, во имя Аллаха, хотя одну каплю воды, смѣшанной со слюной, даромъ!

— Хаджа-менъ *),—умоляла его несчастная;—мужъ мой давно уже болѣнъ и не можетъ ничего заработать; у меня тоже ничего нѣтъ; ради Аллаха, дай такъ.

— Если у тебя ничего нѣтъ, значитъ, всемогущему Богу не угодно попустить тебя купить священной слюны и продлить твоему мужу жизнь. Значитъ, Аллахъ хочетъ призвать его къ себѣ,— холодно отвѣчалъ ей Рахимъ.

Нужно пробыть только нѣсколько дней въ обществѣ хаджей, для того, чтобы почувствовать къ нимъ самое искреннее отвращеніе. Ханжество, лецемѣріе, корыстолюбіе, лесть, раболѣпіе—вотъ ихъ отличительные качества, и, между тѣмъ, онѣ все-таки пользуются большимъ уваженіемъ на востокѣ. Хаджами, обыкновенно, дѣлаются—или люди съ наклонностью къ бродяжничеству и ничего недѣланію, или же—честолюбцы, которые, прикрываясь священнымъ долгомъ поклоненія святымъ мѣстамъ, проходятъ цѣлыя части свѣта, чтобы, возвратясь домой, пріобрѣсти званіе хаджи, поклонниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, почетъ и положеніе въ обществѣ.

---

*) Мой хаджа.

Многіе отправляются въ подобное путешествіе, находясь въ полнѣйшемъ невѣдѣніи отдаленности той страны, куда они предпринимаютъ путешествіе. Но, если и надрывается у хаджи сердце при разставаніи съ домашнимъ очагомъ,—да и можетъ-ли оно быть иначе, когда пускаются въ такой дальній, опасный путь,—за то, какъ безгранична радость, которая встрѣчаетъ его при возвращеніи домой! Извѣщенные о

его прибытіи, родственники спѣшатъ къ нему навстрѣчу на нѣсколько дней пути; онъ вступаетъ въ родной городъ среди радостныхъ слезъ и пѣнія псалмовъ; всѣ спѣшатъ обнять его, прикоснуться къ нему, потому что онъ не отряхнулъ еще праха Мекки и Медины отъ своей одежды, потому что отъ него вѣетъ еще ароматомъ святаго мѣста! Сильный уваженіемъ и поддержкою общества, онъ болѣе всякаго другаго защищенъ отъ произвола; пріобрѣтенный имъ титулъ, такъ сказать—дворянскую грамату,—при жизни онъ носитъ на печати, а по смерти имъ украшается могила хаджи.

Люди эти, въ своихъ священныхъ путешествіяхъ, чтобы не тратить по пустому время и, пользуясь уваженіемъ народнымъ къ своему званію, заставляющимъ имъ въ-три-дорога платить за различныя святости, занимаются въ пути торговлею (впрочемъ, Кораномъ запрещенною) и страшно—надуваютъ простодушныхъ покупателей. Одно ихъ достоинство (котораго нѣтъ у кашемирскихъ факировъ), это то, что они не прибѣгаютъ къ наглымъ обманамъ, тогда какъ кашемирцы безсовѣстно пользуются легковѣріемъ простаго народа, запутывая, подчасъ, въ свои сѣти и людей умныхъ и образованныхъ. Куда бы ни пришелъ такой кашемирецъ,—а у нихъ, по большей части, внушительная осанка, черные, огненные, глаза, длинные развѣвающіеся волосы и выразительныя черты лица,—онъ всегда увѣренъ въ побѣдѣ. Подобный субъектъ является чуть ли не выходцемъ съ того свѣта, однимъ словомъ,—волшебникомъ, магомъ и фокусникомъ на всѣ руки и, нужно правду сказать, наши фокусники предъ ними ничто. Эти факиры, искони, знамениты во всемъ магометанскомъ мірѣ своимъ волшебствомъ. За исцѣленіемъ болѣзни, изгнаніемъ духовъ, отысканіемъ кладовъ—всегда обращаются къ одному изъ такихъ захожихъ святыхъ. Они пользуются этимъ и безбожно обманываютъ простодушный людъ, отнимая у него послѣднюю копѣйку.

***

Утомленный дорогою, я крѣпко уснулъ и не видѣлъ дальнѣйшаго хода, продолжавшагося до полуночи; когда же проснулся на другой день, утромъ, то вер-

блюдовожатые вьючили верблюдовъ, а хаджа Рахимъ, стоя на колѣняхъ на своемъ намазъ-джаѣ, повернувшись лицомъ къ Меккѣ, набожно билъ себѣ кулакомъ въ грудь, возсылая молитвы Аллаху, благодарилъ его, вѣроятно, за удачный сбытъ слюны. Наконецъ, караванъ тронулся и пошелъ, то—поднимаясь на горы, то—спускаясь въ долины. Вообще, за послѣднее время, мы все двигались по мѣстности чрезвычайно гористой, а между тѣмъ, не видѣли ни малѣйшихъ слѣдовъ горнодѣлія, которое всегда является неизбѣжнымъ промысломъ во всѣхъ гористыхъ странахъ.

И дѣйствительно, въ Бадахшанѣ и сѣверномъ Афганистанѣ горнодѣліе почти не существуетъ, а то, которое было раньше, съ покореніемъ страны афганцами, значительно упало. Извѣстныя бадахшанскія рубиновыя копи болѣе не разрабатываются, а знаменитыя ляписъ-лазуревыя копи, близь Джерма, съ присоединеніемъ Бадахшана къ Афганистану въ 1873 году, перешли въ руки афганскаго правительства и составляютъ государственную собственность. Частная продажа ляписъ-лазури въ Бадахшанѣ и, вообще, въ Афганистанѣ считается преступленіемъ и преслѣдуется закономъ довольно строго.

Вся добываемая въ Бадахшанѣ ляписъ-лазурь, въ ежегодномъ количествѣ отъ 800—1000 пуд., отправляется въ Кабулъ, а оттуда—въ Англію, а вырученныя отъ продажи ея деньги поступаютъ въ доходъ казны.

Надзоръ за контрабандною торговлею ляписъ-лазури такъ строгъ, что даже въ самомъ Фейзабадѣ не возможно купить ни одного золотника этого, въ сущности совсѣмъ не дорогаго камня, ни за какіе деньги. Англичане платятъ за пудъ ляписъ-лазури отъ 800—до 1,200 рупій, смотря по достоинству.

И не только горнодѣліе, но и другая промышленность, какъ напр. мануфактурная, въ Бадахшанѣ и сѣверномъ Афганистанѣ, развиты довольно слабо. Мѣстныя мануфактуры состоятъ, преимущественно, изъ выдѣлки грубыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей и разныхъ кожаныхъ издѣлій, какъ-то: конской сбруи, обуви, поясовъ, сумокъ и проч. Въ Бадахшанѣ, впрочемъ, выдѣлываются весьма хорошо, длинные, разноцвѣтные, шерстяные чулки, употребляемые туземцами въ холодное время года. Остальныя мануфактурныя произведенія доставляются сюда, черезъ Кабулъ, изъ Индіи, и, вообще, англійскія произведенія наполняютъ здѣсь всѣ базары. Между тѣмъ, какъ англійскіе купцы, по словамъ афганцевъ, не бываютъ сами въ Кабулѣ съ 1842 года и всѣ товары привозятся афганцами изъ Пешавера; изъ русскихъ же произведеній можно только встрѣтить ситцы и бухарскіе шелки, да парчу.

Даже на такіе памятники древности, какъ развалины Кафиръ-Кала, близь Рустана, не обращено должнаго вниманія, хотя туземцы и находятъ, иногда, древнія вещи и монеты. Нѣкоторыя, найденныя въ этихъ развалинахъ, монеты относятся къ весьма отдаленному времени, такъ какъ на одной изъ нихъ я видѣлъ хорошо сохранившуюся чеканку съ изображеніемъ сирійскаго царя Антіоха, не смотря на то, что отчеканена она, по меньшей мѣрѣ, за 160 лѣтъ до Р. Хр. На другихъ монетахъ видны изображенія какого-то неизвѣстнаго персидскаго царя; монеты

эти относятся, вѣроятно, еще къ болѣе отдаленному времени.

Но за то, скотоводство, какъ въ Бадахшанѣ, такъ и вообще въ Афганистанѣ, развито до высшихъ предѣловъ. Преобладающимъ видомъ являются бараны и овцы, которыхъ несчетныя стада, круглый годъ, пасутся въ горахъ и служатъ не только средствомъ къ пропитанію населенія, но и предметомъ его, какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли. Рогатый же скотъ—малорослый и употребляется преимущественно для полевыхъ работъ.

За все время нашего пути отъ Фейзабада до Кундуза, продолжавшагося 4 дня, намъ попалось по пути нѣсколько большихъ селеній: Аргу, Рахимъ, Мешедъ и Талахану; селенія эти не блещутъ своимъ живописнымъ мѣстоположеніямъ, кромѣ этихъ селеній, попадалось много развалинъ, или же пустыхъ селеній, не болѣе 10-ти лѣтъ покинутыхъ своими обитателями, переселившимися въ Бухару.

Наконецъ, на 5-й день, мы прибыли въ Кундузъ, небольшой сравнительно городокъ, съ 15-ти-тысячнымъ населеніемъ. Самъ по себѣ, городъ Кундузъ далеко не живописный и, главное, отличается крайне нездоровымъ климатомъ, изнуряющимъ жителей тяжелыми болотными лихорадками.

Въ этомъ городѣ намъ пришлось вторично присутствовать на туземной свадьбѣ, у одного афганца Вали, выдававшаго замужъ свою дочь.

Случилось это совершенно для насъ неожиданно. Кончивъ далеко еще до вечера нашъ мелочной торгъ въ караванъ-сараѣ, мы отправились пошататься по городу; свернувъ въ одинъ изъ многочисленныхъ его

кривыхъ переулковъ, мы натолкнулись на громадную толпу народа, стоявшую у выхода изъ общественной бани; нѣкоторые изъ толпы были нарядно, по праздничному, одѣты, въ бѣлыхъ чалмахъ ихъ торчали маленькія зеленыя вѣточки. Оказалось, мы натолкнулись на свадебную процессію. Въ то время, когда женихъ мылся въ банѣ (прежде чѣмъ отправиться къ невѣстѣ), его дружки, которыхъ можно было узнать по зеленымъ вѣточкамъ, воткнутымъ въ чалмы, и вмѣстѣ съ ними гости и толпы зѣвакъ поджидали его выхода; тутъ же находился и взводъ афганской пѣхоты, который долженъ былъ замѣнять собою жандармовъ и поддерживать порядокъ. Эти приготовленія къ свадьбѣ, не виданные нами ни у турокъ, ни у бухарцевъ, насъ заинтересовали и мы примкнули къ глазѣющей толпѣ.

Но вотъ, появился женихъ, съ виду еще совсѣмъ мальчикъ, хотя строгое и серьезное выраженіе его лица было далеко не дѣтское; дружки стали по обѣимъ его сторонамъ, за ними, почетные гости, затѣмъ—взводъ солдатъ, развернутымъ фронтомъ; а за нимъ слѣдовали уже менѣе почетные гости и любопытные. Благодаря своему персидскому платью, а главное—купеческому званію, мы, хотя и не прошенные, но оказались въ числѣ почетныхъ. Подъ звуки музыки, менѣе дикой, чѣмъ бухарская, но, тѣмъ не менѣе, способной разстроить нервы, шествіе двинулось по улицамъ, колеся и дѣлая лишніе концы. По мѣрѣ удаленія отъ бани, толпа, сопровождавшая кортежъ, росла все болѣе и болѣе; многіе любопытные влѣзали на заборы и на плоскія крыши домовъ, чтобы только взглянуть на жениха, а слѣдующая сзади толпа, желая почтить

виновника торжества, изъявляла свои восторги самыми разнообразными способами: одни кричали, другіе били въ самодѣльные барабаны, третьи, наконецъ, стрѣляли на воздухъ холостыми зарядами, причемъ нерѣдко обжигали шеи и затылки впередиидущихъ. Слышалась ругань и брань всевозможнаго разбора.

Послѣ, по крайней мѣрѣ двухчасоваго, шлянья по городу, шествіе достигло, наконецъ, дома отца жениха. На порогѣ встрѣтилъ гостей хозяинъ дома и, кланяясь намъ, просилъ *оказать ему честь зайти покурить кальянъ*.

Комната, въ которую мы вошли черезъ обширныя сѣни, была довольно высока и обширныхъ размѣровъ; вокругъ стѣнъ тянулись низенькіе диванчики, покрытые дорогими персидскими коврами, свидѣтельствующими о богатствѣ владѣльца. На этихъ диванчикахъ размѣстились гости, усѣвшись по восточному, поджавъ подъ себя ноги; вскорѣ комната начала наполняться облаками табачнаго дыма, кто—курилъ трубку, а кто—кальянъ, но курили всѣ безъ исключенія, ибо быть исключеніемъ, считается величайшимъ невѣжествомъ. На столикѣ, въ блюдечкахъ, были разставлены угощенія: финики, фисташки, миндаль, орѣхи и виноградъ, и, не смотря на запрещеніе Корана, серебряный ковшъ въ древне-греческомъ вкусѣ съ краснымъ виномъ; но, видно, гости не удовольствовались хозяйскимъ угощеніемъ и, время отъ времени, посылали на улицу покупать финики, тутъ-же вертѣвшихся ребятишекъ.

Разговоръ шелъ все больше о лошадяхъ и—отчасти изъ уваженія, отчасти—шику ради, обращались къ намъ на персидскомъ языкѣ, замѣняющимъ тамъ французскій языкъ. Но точно также, какъ и у насъ, безбожно коверкаютъ этотъ языкъ, такъ и тамъ, пожалуй еще безбожнѣе, коверкали персидскій... Но вотъ, появились музыканты (таджики), довольно преклонныхъ лѣтъ, изъ которыхъ одинъ былъ слѣпой, и усѣлись у дверей. Только раздались протяжные звуки, какъ на средину комнаты вышли два совершенно молодыхъ и стройныхъ мальчика и остановились посреди комнаты; шелковистыя кудри ихъ разсыпались по плечамъ и вились мелкими косичками; лица ихъ были скромны, почти безстрастны и глаза устремлены внизъ. Но едва тактъ ускорился, какъ они пришли въ движеніе, подняли руки въ уровень съ плечами и начали граціозно изгибаться, вертѣться на носкахъ, кружиться то—порознь, то—вмѣстѣ и дѣлать разныя фигуры, весьма простыя и изящныя.

Но вотъ, звуки начали замедляться и становиться все тише и тише, вмѣстѣ съ ними замедлялась пляска и прекратилась вмѣстѣ съ музыкой. Послѣ нѣкотораго перерыва, музыканты снова взялись за свои инструменты, начался концертъ, во время котораго, послѣ

исполненія каждаго номера, прислуживавшій музыкантамъ таджикъ обходилъ гостей съ блюдечкомъ и собиралъ деньги; въ блюдечкѣ налито было немного воды; это дѣлалось для того, чтобы слугѣ нельзя было бы воровать денегъ, прилипавшихъ ко дну.

Пока гости развлекались музыкой, танцами и куреньемъ, въ сѣняхъ приготовлялся ужинъ и вскорѣ всѣ были къ нему приглашены.

Большой столъ покрытъ былъ чистою, бѣлою скатертью, множество деревянныхъ мисокъ, все съ мясными блюдами, было поставлено одна на другую; передъ каждымъ гостемъ была поставлена небольшая, тоже

деревянная, тарелка и такая же ложка; вилокъ и ножей не имѣлось вовсе; жареную баранину, фазановъ, утокъ и дикихъ курей разламывали руками; но прежде всего появилось нѣсколько мисокъ съ горячимъ рисовымъ супомъ, сваренномъ на бараньемъ салѣ, который гости ѣли по нѣсколько человѣкъ изъ одной миски. Ужинъ длился довольно долго и закончился горячимъ пловомъ, который ужинавшіе накладывали въ невымытыя свои миски. Сидѣвшій рядомъ со мною старикъ, все время

оказывавшій мнѣ вниманіе, взялъ ложку плову, положилъ его на ладонь и началъ комкать; скомкавъ его въ комокъ и подувъ на него нѣсколько разъ, съ самой любезной улыбкой приподнесъ его двумя пальцами. Чтобы не выдать себя, я скрѣпя сердце, слѣдуя восточной вѣжливости, принялъ его прямо въ ротъ съ рукъ подававшаго, хотя, правду говоря, воспользовавшись тѣмъ, что мой сосѣдъ засмотрѣлся, выплюнулъ его подъ столъ.

Послѣ насъ приборовъ не перемѣняли и за столъ усѣлись доѣдать остатки ужина менѣе почетные гости а потомъ слуги. Полчаса спустя послѣ ужина, женихъ, въ

сопровожденіи гостей, отправился за невѣстой, у которой, въ свою очередь, шелъ также пиръ—чтобы идти вмѣстѣ въ мечеть, но мы уже не послѣдовали зъ нимъ, такъ какъ было поздно и устали порядкомъ. На другой день, рано утромъ мы уже выступили.

009 П. С. Васильевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

Служба солдата во время войны.

(Окончаніе *).

Конное прикрытіе, отдѣливъ отъ себя необходимое число людей для наблюденія за порядкомъ слѣдованія, присоединяетъ остальныхъ къ частямъ пѣхоты въ головѣ и въ хвостѣ колонны. Если въ транспортѣ есть повозки съ порохомъ, то часть кавалеристовъ ѣдетъ за версту или за двѣ впереди и наблюдаетъ: чтобы не было разведено гдѣ при дорогѣ костровъ, чтобы ѣдущіе на встрѣчу не курили, чтобы кузни закрывали двери. Если возможно, то транспорты съ порохомъ обходятъ населенныя мѣста, во избѣжаніе несчастій отъ взрывовъ.

Для непродолжительнаго отдыха, обозъ останавливается на дорогѣ, или же, если мѣсто удобное, оста-

---

*) Начало было помѣщено въ книжкахъ «Чт. для Солд.» предыдущаго и сего года.

навливается въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ слѣдовалъ, съѣхавъ съ дороги на ту сторону, съ которой дуетъ вѣтеръ. Такіе малые привалы дѣлаются довольно часто, если пройдено какое-либо трудное мѣсто; всегда надо остановиться, чтобы дать людямъ осмотрѣться, а отставшимъ повозкамъ подтянуться. Большой привалъ, съ тѣмъ, чтобы кормить лошадей, дѣлается обозу очень рѣдко; обыкновенно, транспорты слѣдуютъ съ одного ночлега на другой безъ большаго привала; большой привалъ дѣлается, когда переходъ слишкомъ труденъ, а люди и лошади слишкомъ изморены. Для большаго привала и для ночлега, обозъ смыкается въ общій **вагенбургъ** (по нѣмецки это значитъ: городъ изъ повозокъ) и мѣсто для него выбирается, какъ для бивуака войскъ, и притомъ недалеко отъ дороги. Каждое отдѣленіе обоза строитъ колонну въ **4** шеренги, по **25** повозокъ въ каждой. На каждую телѣгу полагается по фронту **3** шага и на интервалъ **2** шага; за каждымъ рядомъ повозокъ складывается сбруя, а за ней разбивается коновязь для лошадей; отъ одной шеренги повозокъ до другой полагается **20** шаговъ. Такимъ образомъ, на отдѣленіе транспорта надо мѣсто по фронту **125** шаговъ и въ глубину **100** шаговъ. Повозки съ порохомъ и горючими веществами становятся отдѣльно. Прикрытіе располагается бивуакомъ, въ сторонѣ отъ вагенбурга, гдѣ окажется удобнѣе. Для наблюденія за порядкомъ, назначается **караулъ** и отъ него выставляется нѣсколько часовыхъ вокругъ вагенбурга. Если же подводчики не надежны, то выставляется цѣпь парныхъ часовыхъ вокругъ всего вагенбурга, какъ на бивуакѣ.

802.18
72

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

Одобренъ для обращенія въ войскахъ.

М.П.М.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЯТЫЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

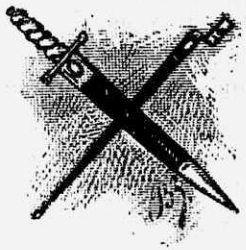
(Съ рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1892.

исхожденію, въ прошломъ году предложилъ новое ружье, стрѣляющее уже безъ всякаго дыма и даже безъ звука. Вмѣсто пороха, во вновь изобрѣтенномъ ружьѣ употребляется, сгущенный до жидкаго состоянія, газъ, который, прорываясь черезъ особое отверстіе *е* (черт. 3-й), въ въ стволъ, выталкиваетъ съ довольно большой силой круглую пульку *в*. Сгущенный газъ заключается въ особомъ, расположенномъ подъ стволомъ, цилиндрѣ *г*, и запасъ его разсчитанъ на 300—400 выстрѣловъ. Стоимость каждаго выстрѣла почти въ 10 разъ дешевле стоимости выстрѣла изъ теперешняго ружья, ибо не требуетъ ни пороха, ни капсюля, ни гильзы.

Къ сожалѣнію, произведенные во многихъ странахъ опыты съ ружьемъ Жиффара, дали результаты, которые показали, что остроумная выдумка француза, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, врядъ-ли пригодна для вооруженія войскъ и, вѣроятно, еще долго останется вещью, доказывающею лишь силу и изобрѣтательность человѣческаго ума...

771 А. Рагозинъ.

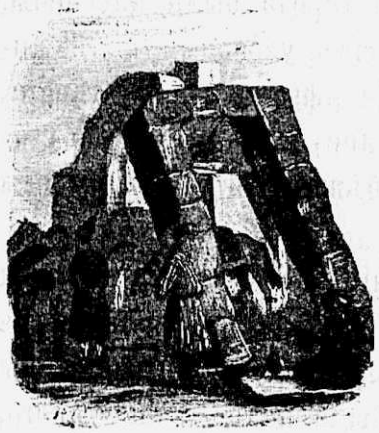

ВЪ АФГАНИСТАНЪ.

(Окончаніе *).

X.

Безводной степью.—Мазаръ-и-Шерифъ.—Могила Али.—Меймене.—На возвратномъ пути.—Туркменскія лошади.—Керки.

о выступленіи нашемъ изъ Кундуза, путь, на протяженіи 108-ми верстъ, пролегалъ по безводной песчаной пустынѣ, которую мы прошли втеченіе трехъ дней, останавливаясь на ночлегъ у колодцевъ, имѣющихся въ количествѣ трехъ, на всемъ пути, до Ташъ-Кургана. Однообразіе степи разнообразилось лишь только завываніемъ, по ночамъ, голодныхъ шакаловъ, разстраивавшихъ и безъ того напряженные нервы. На четвертый день, мы прибыли въ довольно живописный городокъ Ташъ-Курганъ, имѣющій около 12 тыс. дворовъ, изъ которыхъ только 4 тыс. обитаемы, жители же остальныхъ эмигрировали. Въ тотъ же день, вечеромъ, мы выступили и черезъ два дня прибыли въ Мазаръ-и-Шерифъ—резиденцію генералъ-губернатора и коман-

*) Начало было помѣщено въ книжкахъ „Чт. для Солд." предыдущаго и сего года.

дующаго войсками въ Бадахшанѣ. Мазаръ-и-Шерифъ и сосѣдній съ нимъ, Балхъ, представляютъ собою искусственно разведенные оазисы, поддерживаемые трудами населенія. Остальные же окрестности на далекое пространство представляютъ собою мертвую пустыню, покрытую, мѣстами, развалинами прежде существовавшихъ городовъ. Изъ этихъ памятниковъ минувшей жизни въ особенности замѣчательны, по своимъ огромнымъ размѣрамъ, развалины Хулума, развалины Янги-Арыка и развалины Сіагырты. Всѣ эти города были населены, не болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, узбеками и таджиками, но со времени водворенія афганцевъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, они постепенно опустѣли и обратились въ развалины; жители бѣжали въ Бухару отъ афганскаго самоуправства.

Мазаръ-и-Шерифъ и сосѣдній съ нимъ, Балхъ, стоя на 1100 фут. выше русла Аму-Дарьи, пользуются довольно здоровымъ климатомъ. Въ то время, когда мы туда пріѣхали, богомольцевъ было не особенно много, но могила Али все-таки осаждалась по цѣлымъ днямъ. Могила эта была открыта при султанѣ Сандшарѣ, въ 1150 году. Преданіе говоритъ, что, среди развалинъ, имъ найдена была каменная плита съ надписью: «это гробъ Али Абуталибова—сына, великаго героя и сподвижника пророка». Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ей быть поддѣльной, такъ какъ настоящая находится въ Недшедѣ.

Пробывъ здѣсь одинъ только день и сдавъ товары купцамъ, мы отправились дальше, и черезъ пять дней путешествія, частью—степной равниной, частью—по пересѣченной мѣстности, прибыли въ Мейменэ,—ханство

лишь только тринадцать лѣтъ тому назадъ покоренное афганцами. Городъ этотъ, благодаря, отчасти, природному своему положенію, отчасти же—заботамъ бывшихъ хановъ и нынѣ правящихъ имъ афганцевъ, сильно укрѣпленъ и довольно живописенъ, населенъ узбеками, не отличающимися зажиточностью.

Ханство Мейменэ считалось вторымъ послѣ Бадахшана, въ немъ было до ста тысячъ жителей. Въ 1875 году, послѣднему хану Миръ-Гуссейну была объявлена, за постоянные грабежи, война; афганцы двинули къ столицѣ ханства 10,000 войска и 20 орудій и обложили городъ со всѣхъ сторонъ. На шестомъ мѣсяцѣ осады пробили въ стѣнѣ брешь и городъ взяли приступомъ, причемъ вырѣзали 15,000 защитниковъ; дома разграбили и разрушили. Мужественно же защищавшагося въ цитадели Миръ-Гуссейна взяли въ плѣнъ и отвезли въ Кабулъ. Съ тѣхъ поръ, афганцы ведутъ себя здѣсь, какъ въ непріятельской странѣ.

Губернаторъ Мейменэ, узнавъ о прибытіи нашего каравана, послалъ своего адъютанта узнать, нѣтъ-ли у насъ для продажи туркменскихъ лошадей, и былъ очень огорченъ отрицательнымъ отвѣтомъ. Вообще, во всемъ Афганистанѣ большой спросъ на туркменскихъ лошадей. Это—вторые кони послѣ арабскихъ. Будучи стройны, красивы, точно выточенные, они отличаются неутомимостью и быстротою бѣга. Благодаря-то имъ и могъ туркменъ, втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, безпрепятственно чинить аламаны (набѣги) и скрываться отъ преслѣдователей. Намѣреваясь отправиться въ дальній набѣгъ, туркменъ готовитъ къ тому своего коня. Сначала онъ сгоняетъ жиръ съ лошади, пропуская ее еже-

дневно сначала тихими, потомъ усиленными аллюрами; затѣмъ укрѣплялъ ее, давая ей ячменныя лепешки, круто замѣшанныя на бараньемъ салѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Послѣ этого лошадь готова для самыхъ усиленныхъ переходовъ, при самыхъ быстрыхъ аллюрахъ.

Въ Мейменэ мы оставили всѣ свои товары и, давъ афганскимъ чиновникамъ (изъ персовъ) послѣднія взятки, направились по рѣкѣ Сангалаку въ обратный путь. Но около Анхоя намъ пришлось вступить въ сыпучія, безводныя пески. Держа направленіе къ сѣверу, на 8-й день мы переправились черезъ Аму-Дарью и прибыли въ бухарское укрѣпленіе Керки. Здѣсь мы вздохнули свободно: маскарадъ нашъ кончился.

609 П. С. Васильевъ.

